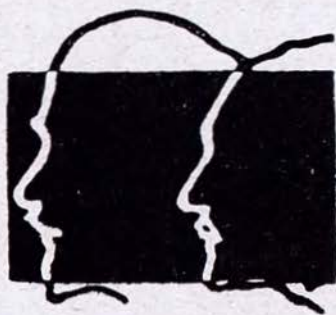

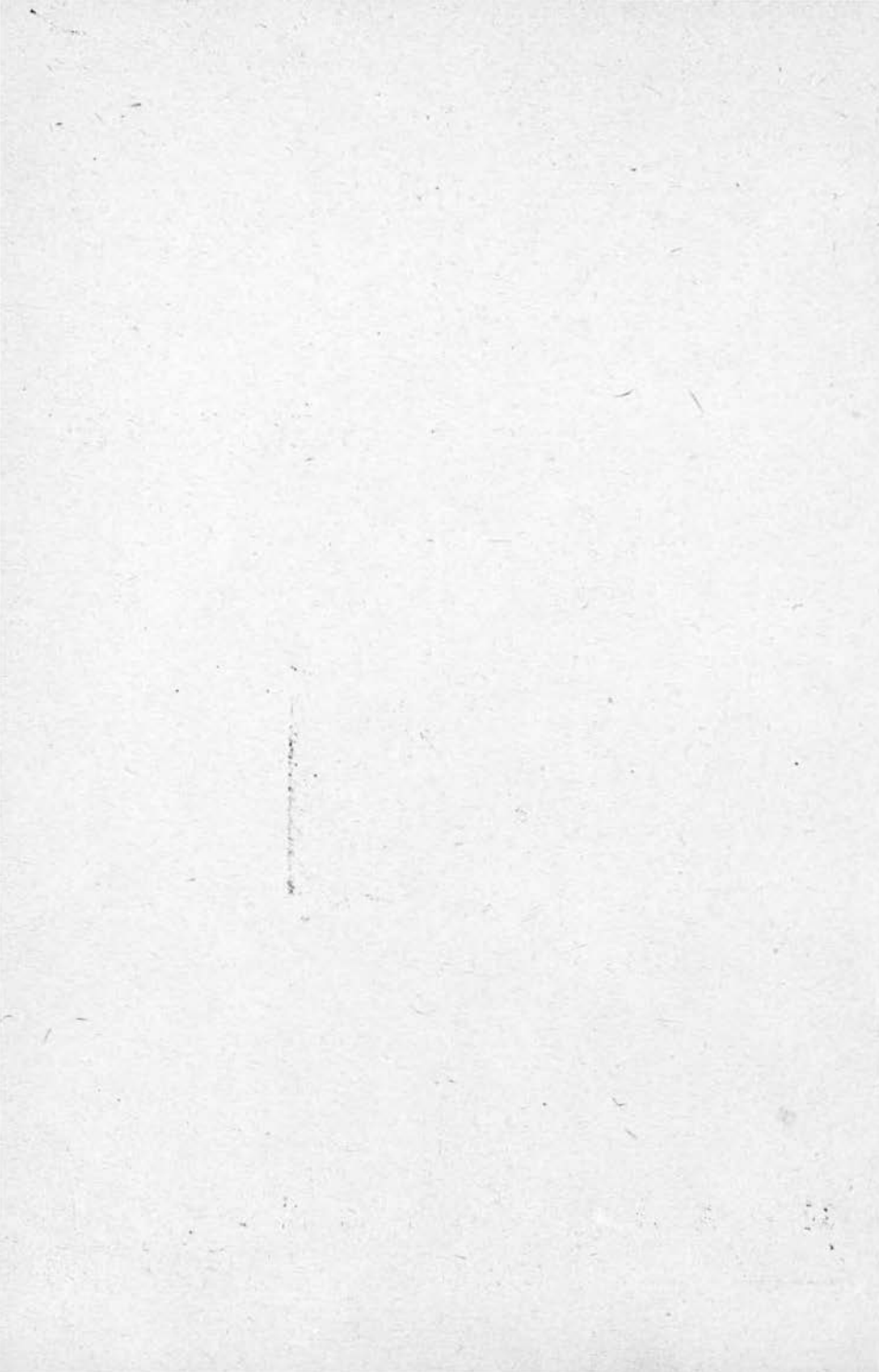
С Любимым
и
Лениным

В. МЮНЦЕНБЕРГ

1 9 3 0
М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

50

В. МЮНЦЕНБЕРГ

С ЛИБКНЕХТОМ И ЛЕНИНЫМ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В ПРОЛЕТАРСКОМ
ЮНОШЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОЙ РУКОПИСИ
Б. ГИМЕЛЬФАРБА

(ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ)

54
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

НХ
318

Типография
„КОМИНТЕРН“
Центриздата
Народов СССР,
Ленинград, Красная, 1.
Ленинградский
Областлит № 64947.
Тир. 7100 экз. 13 л.
Зак. № 1503.

1241
30

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вилли Мюнценберг является одним из основоположников коммунистического движения молодежи, игравшим выдающуюся роль в важнейших эпизодах первых лет этого движения. Известно, что империалистическая война застала социалистические партии непригодными к выполнению интернационального долга. - Шейдеманы всех стран в первый же миг войны стали истекать бешеной слюной шовинизма, яростно отстаивая интересы господствующих классов и не менее яростно нападая на малейшее проявление интернациональных чувств, на малейшую попытку рассеять патриотический угар.

Бернская конференция молодежи, состоявшаяся в апреле 1915 года, вопреки общим шовинистическим настроениям, решительно выступила против бойни народов. Именно на этой конференции был учрежден МЮД как демонстрация пролетарской молодежи против войны. Международное социалистическое бюро молодежи, созданное, вернее, воссозданное на Бернской конференции, стало издавать знаменитый «Интернационал Молодежи», со страниц которого зазвучал набатный колокол революционного интернационализма.

Вилли Мюнценберг был непосредственным участником и инициатором всех этих начинаний. К этому времени он в качестве секретаря Швейцарского социалистического союза молодежи был вполне зрелым политическим бойцом. В Швейцарию он приехал молодым рабочим из Германии. Природные способности и упорная работа над собой быстро привели к тому, что Вилли оказался во главе швейцарской социалистической молодежи. Он оказался не только умелым организатором, но и талантливым пропагандистом. Газета союза «Свободная Молодежь» выходила под редакцией неутомимого Вилли. С началом войны в Швейцарском союзе молодежи наступил кризис. Отшатнувшись от социал-демократов, молодежь едва не увязла в болоте религиозно-

социалистического движения. Вначале Вилли и другим вожакам молодежи приходилось ошупью разбираться в происходящем. Однако уже в 1914 году Мюнценберг встретился с В. И. Лениным, очень чутко отнесшимся к запросам молодежи. Впоследствии Вилли вспоминал о долгих и подробных беседах с Ильичом, беседах, посвященных не только общим проблемам войны и революции, но и организационным вопросам, «мелочам» юношеского движения. Нет никакого сомнения, что встреча с Лениным значительно выпрямила линию Мюнценберга, помогла ему вступить твердо на почву пролетарского интернационализма.

На Бернской конференции Вилли был избран в Международное бюро. Он явился секретарем этой организации, намеревавшейся вести суровую борьбу с международными империалистами. Надо сказать, что «Интернационал Молодежи», в котором появились статьи В. И. Ленина, Зиновьева, К. Либкнехта и др. социалистов, не уронивших знамени интернационализма, превосходно вел эту борьбу. Ошибка Бернской конференции, принявшей утопический лозунг «разоружения», не могла умалить заслуг небольшой фаланги молодежи, выступившей в союзе с лучшими умами революционного социализма.

Мюнценберг был одним из ближайших работников журнала. В 1918 году, будучи выслан из Швейцарии за интернационалистическую пропаганду, он пробовал возродить закрытый швейцарскими властями «Интернационал Молодежи» в Штутгарте.

Когда стали вырисовываться контуры Коммунистического интернационала молодежи, Вилли в числе первых оказался на лесах стройки. Он подготовлял первый конгресс КИМ'а, вместе с другими делегатами «заседал» в венской тюрьме, перекочевывал в Берлин, затем в более укромное местечко, горячо дебатировал по поводу проекта программы КИМ'а и был избран секретарем Исполкома КИМ'а. На II конгрессе Вилли делал обширный доклад об экономической работе союзов молодежи, важнейшие тезисы которого легли в основу работы КИМ'а.

Уйдя из юношеской организации, Мюнценберг остался активным работником коммунистического движения. В Германской компартии он является одним из виднейших деятелей. Будучи председателем ЦК Межрабпома с самого основания этой организации, В. Мюнценберг оказал неоценимые услуги СССР, способствуя самому глубокому внедрению в массы западных рабочих симпатий к пролетарскому государству и правильных представлений о стране строящегося социализма. Редактируя ряд изданий Межрабпома, прово-

дящих в массы коммунистические идеи, В. Мюнценберг остался неутомимым пропагандистом, продолжателем славных традиций «Интернационала Молодежи».

В отдельных случаях Вилли отклонялся от правильной линии — так, при обсуждении программы КИМ'а он настаивал на полной организационной независимости, при ренегатстве Пауля Леви не сразу занял четкую позицию, — но никогда не упорствовал в своих ошибках. В этом смысле он представляет собой образец революционера, десятки лет честно служившего делу рабочего класса. В историю же юношеского движения он прочно вошел как ближайший соратник К. Либкнехта, как одна из наиболее ярких фигур мирового юношеского движения, как блестящий пропагандист, давший, помимо всего прочего, чрезвычайно четкий очерк истории юношеского движения КИМ'а.

Богатство личных впечатлений, близость ко всем основным событиям истории международного юношеского движения за годы войны, революционный темперамент делают воспоминания В. Мюнценберга ценнейшим документом, а вместе с тем и глубоко волнующей книгой.

КРУЖОК «ПРОПАГАНДА»

— Я не пойду туда, — прошептал мой товарищ.

— Один я тоже не пойду, — ответил я.

Мы оба пришли в просветительный кружок «Пропаганда». Старшие товарищи на фабрике указали нам на него. Особенно убеждал меня вступить в число членов «Пропаганды» рабочий в пенсне с кличкой «Треска», при котором я был помощником. Мы узнали, что собрания происходят каждую среду в ресторане «Форель», в Графском переулке в Эрфурте. У нас хватило мужества зайти в ресторан, но подняться на второй этаж, в помещение кружка, мы не решились.

Мы почти ничего не знали о программе этого кружка, его задачах и целях, за исключением того, что его члены — «социалисты», «занимающиеся образованием». Остальное, даже само слово «пропаганда», было для нас книгой за семью печатями. Слово это казалось нам каким-то чуждым и таинственным. Как раз в то время мы прочитали сто выпусков бульварного романа «Тайна массонов» и предполагали, что кружок «Пропаганда» — нечто похожее на масонские ложи или какое-нибудь масонское отделение. Мы приготовились к тому, что перед принятием в члены от нас потребуют каких-нибудь странных клятв и подвергнут испытанию наше мужество. По дороге к «Форели» мы твердо решили стойко выдержать все испытания огнем и железом, но в решительный момент нас охватило малодушие.

Когда мы летом 1906 г. решили связаться с пролетарским юношеским движением, мы еще не были подготовлены для понимания простейших идей рабочего движения. Даже смысл такого теперь общеупотребительного политического термина, как «пропаганда», был нам совершенно чужд и непонятен. Как многие другие товарищи на обувной фабрике Лингеля, куда я осенью 1904 г. поступил учеником, я провел мои школьные годы в тюрингенских деревенских школах, сначала в Фримаре под Готой, потом еще в худшей школе в

деревушке Эберштед. Деревенская школа состояла из «восьми классов», помещавшихся в одной комнате, и имела всего лишь одного учителя. Главными предметами преподавания были библейская история и церковные псалмы, в арифметике мы доходили только до таблицы умножения, география кончалась герцогством Гота и история — родословной правящего герцога. Год в городской школе в самой Готе немного прибавил к этим «широким» познаниям. Окончив школу, я почти ничего не знал по истории народов, политической экономии, художественной литературе и искусству. Таковую же школьную подготовку получили и другие сотни юношей, каждое утро из окрестных деревень стекавшихся на различные фабрики и заводы Эрфурта.

Даже те немногие из нас, которым посчастливилось окончить школу в Эрфурте, поражали своим невежеством.

Пятнадцатилетним мальчиком мы через родных одного товарища получили билеты на представление в эрфуртском городском театре. Давалась «Ифигения в Тавриде» Гете. Я был первый раз в жизни в театре и ничего не понял из того, что происходило на сцене. По окончании спектакля один из моих товарищей подверг пьесе резкой критике и закончил так: «Это просто-напросто было глупо! Длиннейшие речи, размахивают без конца саблями — и все-таки не дерутся». Мы все согласились с нашим приятелем и решили в будущем отказаться от дальнейших посещений театра и снова ходить только на дешевые воскресные киносеансы.

В нашем столетии разительнее, чем когда-либо, контраст между богатством и бедностью, особенно резко неравномерное распределение материальных благ, и все обостряются противоречия между капиталистами и пролетариями. Современная высокоразвитая техника империалистической эпохи способствует небывалому накоплению утонченных предметов роскоши. Неизмеримо возросли также знания. А развитая техника облегчает усвоение науки и ежедневное расширение своих познаний. И еще больше, нежели экономическое противоречие между собственником и неимущим, ныне контраст между пролетарием, благодаря изнуряющему труду и нужде лишенному знаний, и человеком, чье умственное развитие с первых лет его жизни планомерно и заботливо лелеяли его богатые родители.

Когда я, много лет спустя, двадцати двух лет, под влиянием анархистского литературного кружка в Цюрихе, начал размышлять о человеке и его отношении к окружающему миру, я с ужасом осознал, чего меня, как и сотни других молодых пролетариев, лишили. А когда еще позже, в 1920 г., я в первый раз посетил Советскую Россию, ничто не

произвело на меня такого глубокого впечатления, как тот факт, что тысячи молодых рабочих и работниц могут учиться теперь на фабриках и в университетах.

Помня свой личный опыт при вступлении в юношеское пролетарское движение, я всегда старался говорить с рабочей молодежью самым простым и элементарным языком. Будучи секретарем юношеского объединения в Швейцарии, я, особенно в районах швейцарской часовой и металлообрабатывающей промышленности, в Золотурне, Гренхене и Биберисте, в районах, где швейцарский пролетариат больше всего страдает и наиболее отсталый, старался, выступая перед рабочей молодежью, говорить ее языком и иллюстрировать свою речь примерами из повседневной жизни. Теперь коммунистическое юношеское движение сильно выросло, и многие идеи и понятия, за которые мы до русской революции боролись, до смысла которых с таким трудом доходили, доступны пониманию каждого юного коммуниста в возрасте 14 — 15 лет.

Тем не менее я считаю, что зачастую в коммунистических организациях молодежи говорят слишком сложным языком, без нужды пересыпанным специально-партийными выражениями. Особенно вредно это на агитационных собраниях с участием беспартийной рабочей молодежи. Разумеется, на юношеском собрании в Берлине можно говорить иначе, нежели на собрании в отдаленном от промышленных центров уголке Шварцвальда или Тюрингии. Но и в Берлине агитатора среди молодежи лучше поймут, если он будет избегать выражений, понятных и привычных ему, политически воспитанному, но совершенно неизвестных беспартийной массе молодежи, как например, «империализм», «большевизм», «центризм» или, тем более, специальные определения различных внутрипартийных направлений и мнений.

В те времена, о которых я говорил вначале, нас отпугнуло даже такое довольно общеупотребительное слово, как «пропаганда». Именно из-за него мы не стали тогда членами юношеской организации. Так было не только с нами. То же самое, что и мы, испытали сотни других. Это подтверждается уже тем фактом, что приток новых членов в названный выше союз молодежи сейчас же увеличился, как только мы его переименовали в «Свободную молодежь».

Итак, наша первая попытка вступить в число членов юношеского объединения окончилась ничем.

Мы уплатили за лимонад и поплелись домой. Но тяга к большому и сильному товарищескому объединению, которое в то же время могло бы нам помочь улучшить заработную

плату и вместе с нею всю нашу жизнь, побуждала нас все чаще задавать вопросы старшим товарищам о социалистах, профессиональных союзах и рабочем движении. Мы получали ничтожную заработную плату: 4 марки 20 пфеннигов (около 2 рублей) в неделю. За угол мы платили две марки, стало быть, на еду, одежду и «удовольствия» оставалось только 2 марки 20 пфеннигов. Если мы не голодали, то и никогда не были сыты и всегда чувствовали себя утомленными и вялыми. Мы не видели, как зеленеют деревья и распускаются цветы, не наслаждались красотами природы, которые другие юноши нашего возраста, находящиеся в лучших условиях, воспевают в стихах. Мы всегда думали о еде. Мы образовали группу из четырех парней, игравших каждое воскресенье в карты в закоптелом кабачке. Выручка шла в общую кассу, и эта сумма давала нам возможность изредка наесться колбасой.

Голод и страстное желание получить ответ на волновавшие нас вопросы преодолели, наконец, мою робость. Однажды вечером я из трактира поднялся по лестнице на собрание просветительного кружка «Пропаганда» и вступил в число его членов. При моем вступлении он насчитывал от пятнадцати до двадцати членов, преимущественно рабочих в возрасте от 19 до 28 лет. Это была группа передовых молодых социалистов, недовольных официальной партийной политикой и желавших более радикальной тактики. Некоторые члены группы, которая была своего рода первой оппозиционной ячейкой в эрфуртской социал-демократической партийной организации, позже активно работали и работают до сих пор в коммунистической партии: Карл Клейн, Георг Шуман и другие; а один, Герман Вендель, состоит теперь социал-демократическим депутатом в рейхстаге.

В эту группу я в 1906 г. вступил как самый молодой. Первое собрание еще больше усилило впечатление чего-то таинственного, создавшееся у меня до того. Один человек встал, позвонил в колокольчик и произнес какие-то странные формулы, другой торжественным тоном прочитал «протокол», — все вещи, о которых я до того не имел никакого понятия. Из содержания речей я ничего не запомнил, но на другой день подробно описывал товарищам весь поразивший меня церемониал, и многие удивлялись тому, как у меня хватило смелости вступить в такое странное сообщество.

При втором и третьем посещениях я уже привык, сдружился с отдельными членами и нашел среди них одного товарища с нашей фабрики, по фамилии Зейланд. От него я получил первые социал-демократические книжки: «Принципы и требования социал-демократии» Карла Каутского и

Бруно Шенланка и другие брошюры. Зейланд занялся мною, ночи напролет знакомил меня с основными понятиями и таким путем, с редким терпением, дал мне первые уроки по всем вопросам социалистического рабочего движения.

С пламенным рвением набросился я на новую для меня социалистическую литературу. Когда я в городской библиотеке в первый раз, вместо обычного Карла Мая или «ка-

На первой юношеской конференции Тюрингии в Иене (1907 г.)

кого-нибудь такого интересного романа», попросил книгу Фердинанда Лассаля, библиотекарь посмотрел на меня с удивлением и сказал: «Но ведь это не для вас!» — «Наоборот, как раз для меня, отныне я буду читать только такие книги!» — ответил я с сияющим лицом. Я много читал без всякого порядка и системы: «Мировые загадки» Геккеля, книги Фореля и Дарвина, речи Фердинанда Лассаля, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, брошюры Каутского, стихи Фрейлиграта, Гервега, Гейне и т. д. Так как вечерних часов не хватало на то, чтобы удовлетворить мою жажду чтения, я, не долго думая, сказался больным и в течение нескольких недель, сидя дома, изучал «Всемирную историю». Не много понял я тогда, но с каждым месяцем усваивал все больше и лучше. Беседы с Зейландом и дру-

гими продолжались, а на воскресных прогулках часами дебатировались различные вопросы.

В то время я начал агитировать за новые идеи. Я хотел передать товарищам все то новое и светлое, что сам узнал. Скоро больше двенадцати товарищей с нашей фабрики, приблизительно одного возраста со мною, вступили в число членов нашего кружка.

По средам происходили наши собрания, а каждое воскресенье мы отправлялись за город или, через Рихгеймерскую гору, ходили в Веймар. Жизнь вдруг приобрела возбуждающее и бодрящее содержание. Заработная плата не повысилась, голод не уменьшился, и все-таки жизнь как-то стала богаче и светлее. Каждая новая книга была значительным событием, глубоким переживанием, знание вызывало прилив сил. Жизнь не была больше безнадежной, где-то мерцала и порою ярко вспыхивала возможность освобождения из мрачного и гнетущего фабричного однообразия.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Со вступлением группы рабочей молодежи изменился характер нашего кружка. При моем вступлении я был единственным членом молодежи двадцати лет. А через полгода уже большинство всех членов было одного со мною возраста. Кружок был основан исключительно с образовательными целями. Но под влиянием молодых членов он превратился в пролетарскую юношескую организацию Эрфурта.

Первым симптомом этого было наше решение установить связь с «Южно-Германским союзом рабочей молодежи».

Первая пролетарская юношеская организация в Германии была основана в 1903 г. в Оффенбахе на Майне. Спустя короткое время образовались группы в Мангейме, Людвигсгафене и т. д. Все эти группы вскоре объединились в «Союз рабочей молодежи Германии». Центр организации был в Мангейме.

Объединение это было определено политическое с антимилитаристскими тенденциями. Органом союза была газета «Молодая Гвардия», выходившая под редакцией радикального тогда Людвиг Франка. Постоянным сотрудником был Карл Либкнехт.

Мы связались с мангеймским центром и выписали пятьдесят экземпляров «Молодой Гвардии». Ничто не доставляло нам такой большой радости, как продавать запрещенную в Пруссии антимилиаристскую «Молодую Гвардию». Я начал с продажи десяти номеров, и мои друзья на фабрике поддер-

живали меня постоянной покупкой. Вскоре я мог уже распространять двойное количество.

Между тем в Северной Германии образовался «Союз трудящейся молодежи Германии» с центром в Берлине. Союзу и его отделениям, согласно прусским законам, была запрещена всякая политическая деятельность. Поэтому союз ограничивался экономическими и общеобразовательными вопросами, и в таком же духе велся и его журнал «Трудящаяся Молодежь». Так как мы думали, что как группа берлинской организации сможем работать легально, мы в зиму 1906/7 года объявили себя местным отделением берлинской организации и одновременно переименовались в «Свободную молодежь».

К тому времени я был выбран председателем нашей группы. До сих пор мне кажется, что это произошло слишком быстро. Я состоял не дольше полугода в группе. Но благодаря вступлению большого числа молодежи и отъезду многих руководящих старых членов на военную службу, мы, юные новобранцы в пролетарском движении, вынуждены были взять на себя ответственную работу. Другой причиной была полнейшая пассивность, более того, враждебное отношение стариков к «Свободной молодежи». Ни разу ни один партийный или профсоюзный секретарь не снизошел до того, чтобы прочитать у нас доклад, только один редактор, имя которого я, к сожалению, забыл, провел у нас курс стенографии и иногда читал доклады. Стало быть, мы были вынуждены помогать себе сами и развивать друг друга. Каждый из нас должен был один раз в месяц «делать доклад». Эти доклады, без сомнения, не отличались большой теоретической ясностью, но они заставляли нас внимательнее читать книги и готовиться. Мы привыкли свободно говорить, и члены дискутировали непринужденнее, чем если бы доклад делало какое-нибудь «тяжелое орудие». Самоуправление в первых самостоятельных пролетарских юношеских организациях имело огромное воспитательное значение. В этом я убедился во время моей деятельности в «Свободной молодежи». И именно потому я позже, в Германии и Швейцарии, так горячо защищал самостоятельность юношеских организаций.

В середине 1906 г. слово «пропаганда» было еще совершенно непривычно для меня, а в 1907 г. я уже был председателем «Свободной молодежи», насчитывавшей к тому времени тридцать членов. Само собой разумеется, что мое собственное развитие подвинулось не слишком быстро, так как невозможно в каких-нибудь шесть месяцев наверстать то, что упустил в течение шестнадцати лет. Я узнал много

новых слов, политических и общих понятий, только частично усвоив их смысл, но самим собою я так же мало занимался, как и прежде, и мне все еще недоставало правильного мерил. Тем не менее, со времени моей деятельности в «Свободной молодежи» жизнь моя протекала уже не так, как прежде. Пост председателя пробудил во мне до того незнакомое чувство: чувство ответственности. Что-то удерживало меня посещать, по примеру моих друзей, «танцульки», напиваться скверным пивом, горланить и ходить с девушками в кусты. Я не видел в этом ничего плохого или унижительного, но меня удерживала мысль: «Ты не должен. Ты — председатель группы и несешь ответственность. Браг — полиция — использует это». Это развившееся чувство ответственности было для сотен молодых рабочих в старых юношеских организациях первым и самым строгим воспитанием.

УЧЕНИЧЕСТВО

После присоединения нашей группы к берлинскому центру мы преимущественно занимались экономическими и культурными вопросами. Условия жизни ученичества в императорской Германии не поддавались никакому описанию. Во многих отраслях, например, в ресторанном, хлебопекарном, кондитерском и парикмахерском деле, для учеников существовало неограниченное рабочее время. Многие ученики должны были работать в день двенадцать, четырнадцать, шестнадцать и даже больше часов. «Мастеру» по условиям договора предоставлено было право «отеческого» применения телесного наказания, и он не забывал широко пользоваться этим правом. Социал-демократическая пресса почти ежедневно приводила случаи тяжелого истязания учеников. Непосредственным поводом к основанию в 1906 г. берлинской организации были последовавшие друг за другом три самоубийства зверски избитых учеников.

Мой личный опыт ученичества тоже очень богатый. Перед тем как поступить на обувную фабрику сортировщиком колодок, я попытался изучить почетное ремесло цырюльника. Рабочий день начинался в 7 часов утра и продолжался без всякого обеденного перерыва до 8 и 9 часов вечера, по субботам еще дольше, а по воскресеньям — от 7 до 1 ч. дня. Мы учились брить на деревянных моделях и на живых людях. В Готе была богадельня на 100—150 человек. Помещавшиеся в ней старики имели жесткие и твердые, как колючая проволока, бороды. И как раз мы, ученики, должны были самыми тупыми бритвами брить этих бедняков. Старики боялись пятницы как огня, и некоторые из них тщетно пыта-

лись избежать грозной бритвы, заявляя надзирателю, что их «борода еще небольшая» и они могут «еще недельку подождать». Все они должны были по очереди претерпеть и платить за наше неуменье ключьями кожи. Отправляясь бриться в богадельню, мы всегда брали с собой побольше липкого пластыря.

Мастера могли обойтись без этой работы, так как за каждого таким манером «оскобленного» нами они получали от города 5 пфеннигов в цеховую кассу. На эти деньги ежегодно устраивалась большая жратва парикмахеров, которую 150 обитателей богадельни в буквальном смысле этого слова оплачивали своей кровью.

Мое ученичество довольно быстро окончилось благодаря тому, что один подмастерье трахнул меня кирпичом по голове и меня с сотрясением мозга отвезли в больницу.

Этот короткий личный опыт дал мне достаточное представление о том, как живут ученики и как с ними обращаются.

ПОЛИЦИЯ ЗАИНТЕРЕСОВЫВАЕТСЯ НАМИ

Весною 1907 г. мы начали устраивать открытые собрания учеников, чтобы завербовать этот слой молодых пролетариев в «Свободную молодежь». Мы решили развернуть «широкую агитацию» и отпечатали пятьсот пригласительных билетов. Докладчиком был намечен Георг Шуман. Я взял на себя распространение листов у профшколы, которую посещали ученики. Все шло отлично, и билеты буквально вырывали у меня из рук, как вдруг долговязый полицейский выхватил меня из толпы и объявил арестованным. В участке составили протокол в несколько страниц и обещали мне максимальное наказание. К этому я отнесся совершенно спокойно. На следующий день в «Эрфуртском всеобщем указателе» была напечатана большая заметка о моем аресте, что, конечно, преисполнило меня гордостью. Но менее обрадован был я, когда на фабрике мне пригрозили, в случае повторения, немедленным увольнением без предупреждения.

Полиция неожиданно очень заинтересовалась нашим собранием. Собрание состоялось в небольшом помещении рабочего трактира в Ильверсгафене. Несмотря на нашу «широкую агитацию», явилось только около двадцати молодых рабочих и учеников, зато присутствовали чиновник уголовной полиции, два полицейских и два вооруженных до зубов жандарма.

Вообще полиция начала теперь, несомненно, по указанию свыше, уделять нам больше внимания. В связи с известным антимилитаристским процессом Карла Либкнехта

прокуратура возбудила целый ряд судебных преследований против берлинского центра то из-за «изменнических» статей в «Трудящейся Молодежи», то из-за «преступного» текста в изданном берлинским центром песеннике. Так, редакторы песенника были осуждены за песню «Кто добывает золото», а песня во всех экземплярах замазана черным. Тем чаще распевали мы ее во время наших странствий и прогулок за город. Правительство начало обращать серьезное внимание на социалистическое рабочее движение, особенно на радикальное и антимилитаристское крыло юнского движения. Немецкий молодой рабочий не должен был перед военной службой быть «развращен социализмом», ему полагалось принести с собой в казарму исключительно познания, полученные им в тюрингенской деревенской школе. При таком положении правительство было более уверено в безоговорочном исполнении призывов кайзера, «если нужно, стрелять в отца и мать». Многие собрания молодежи под ничтожными предлогами запрещались полицией, в одном случае (в Мариенфельде под Берлином) потому, что «помещение слишком мало», в другом (в Адлерсгофе под Берлином) «потому, что говорилось об организации молодежи». Жалобы на эти явные полицейские придирки ни к чему не приводили и оставались без ответа. Ландрат фон Штубенраух, впоследствии начальник берлинской полиции, ответил одному жалобщику: «Я не намерен беседовать с каким-то ремесленным учеником».

Усилился полицейский надзор на собраниях. Но зачастую сами чиновники переставали серьезно относиться к своей работе. Целью наблюдения было воспрепятствовать политическим дискуссиям. Но эта цель не достигалась. На официальном собрании, которое открывалось и закрывалось с соблюдением всех установленных правил, мы говорили о сотворении мира, происхождении человека и подобных вопросах. Но как только собрание закрывалось и мы собирались вокруг стола трактира для «дружеской беседы» или отправлялись за город, между нами велась исключительно политическая дискуссия.

Иногда прибегали к оригинальным уловкам для того, чтобы ввести в заблуждение наблюдающих полицейских и под видом нейтральных тем освещать политические вопросы. Одна же берлинская районная группа сделала наоборот. Она объявила доклад на тему «Борьба против короля». Зал был битком набит, полицейское наблюдение усилено. Оратор начинает, говорит о крестьянах, лишенных всяких прав, о короле, вокруг которого все вертится, и о борьбе крестьян против короля. Присутствующий полицейский чиновник уже

хватается за каску, чтобы объявить собрание закрытым, но оратор начинает говорить яснее — и рассказывает о шахматной игре...¹ Весь зал раздражается хохотом — и представитель государственной власти посрамлен.

На конфискованных у меня 49 пригласительных билетах одна напечатанная фраза была взята материалом обвинения: «Вперед через борьбу к свету». Почти такое же название имела юношеская брошюра «К свету!», выпущенная в 1907 г. тогдашним председателем северо-германской организации Максом Бросом. У него мы, наверное, и заимствовали инкриминируемую фразу. Полицейский комиссар все допытывался: «Что скрывается за этим?», и поднимал листок так, что он закрывал его лицо. «Вы, господин комиссар», — отвечал я с наивным видом. После этого возник длительный спор между комиссаром и другим чиновником по вопросу о том, действительно ли я так глуп или только притворяюсь дурачком. Я счел за благоразумное не вмешиваться в эту дискуссию. Меня отпустили. Дело ограничилось денежным штрафом. Полицейские булавоочные уколы и придирки нас больше забавляли, нежели пугали, и мы были довольны, если удавалось дать полиции чувствительный щелчок.

ЧИНОВНИКИ ОТ СОГЛАШАТЕЛЬСТВА

С социал-демократической партией мы все еще не установили связи и жили в своем замкнутом кружке, без помощи со стороны стариков, но и без помехи в нашей работе. Но скоро это изменилось. В 1907 г. в рейхстаге началось обсуждение закона о союзах, уничтожавшего в южно-германских государствах всякую возможность политической деятельности молодежи.

Новый закон о союзах вступал в силу 15 мая 1908 г. По этому закону лицам моложе 18 лет запрещалось принадлежать к политическим организациям и посещать политические собрания. Закон о союзах был направлен против левых и иногда применялся самым диким образом. Я участвовал на одном собрании, программа которого была составлена из обычной в то время развлекательной дешовки и короткой политической речи. Во время доклада полиция вывела из зала всех подростков и детей, среди них многих в возрасте трех-четырёх лет! Даже женщины с грудными младенцами на руках должны были под полицейской охраной и под шиканье публики оставить зал.

¹ По-немецки шахматная пешка называется Вагел—крестьянин.

Без сомнения, существующие пролетарские юношеские организации справились бы и с этим реакционным законом о союзах. В Северной Германии старый прусский закон о союзах уже включал в себе подобные постановления. И все-таки мы развивались и даже нелегально распространяли «Молодую Гвардию». В сущности, по новому закону не запрещалось юношеству объединяться в союзы и посещать собрания. Закон разрешал попрежнему организацию таких союзов молодежи, которые занимались экономическими, культурными и просветительными вопросами. В этом отношении для Пруссии вообще не вводилось никаких изменений, но для Южной Германии закон ухудшал возможность политической деятельности. Но если бы закон даже совсем запрещал организацию молодежи, тем настоятельно необходимым было бы нелегальное и подпольное развитие юношеских организаций, может быть, в форме спортивных обществ и т. п. Революционная партия ответила бы на этот вызов прусского министерства расширением и укреплением существующих юношеских организаций. Ведь закон был, главным образом, создан для того, чтобы воспрепятствовать социалистическому просвещению и выучке рабочих перед солдатчиной. Германская социал-демократия, руководство которой уже прочно находилось в руках реформистов, поступила наоборот. Она воспользовалась законом о союзах для того, чтобы распустить и уничтожить столь ненавистное реформистам самостоятельное пролетарское юношеское движение, требовавшее революционного омоложения партии.

В «Нейе Цейт», в партийных газетах и особенно в профсоюзных органах появились «глубокомысленные статьи» о том, что в интересах молодежи необходима реорганизация юношеских объединений. Только немногие радикальные вожди, как Карл Либкнехт, высказывались против этого. Съезд германских профсоюзов, состоявшийся в 1907 г. в Гамбурге, постановил распустить существующие юношеские организации. Позиция социал-демократических и профсоюзных вождей в нынешней буржуазной республике по отношению к рабочему классу станет понятнее, если вспомнить тот бессовестный цинизм, с каким тогда вожди выступали против свободных юношеских организаций. Одним из главных подстрекателей против юношеских организаций был профсоюзный лидер Роберт Шмидт. На гамбургском съезде профессиональных союзов он, по отчету «Форвертса», говорил следующее:

«Наша юношеская организация образовалась по иностранному образцу и переняла отсюда как раз самое худшее. Преувеличенный романтизм толкнул юношеские организации в объятия антимиитаризма. Но милита-

ризм в Германии бесконечно строже и наказания за проступки гораздо суровее, нежели за границы. Наша молодежь вступила в чрезвычайно опасную область, где она не могла бы подвинуться вперед. Мы не можем допустить, чтобы наша молодежь разбила себе головы о стальную броню милитаризма. Эта политическая форма военной системы отомрет сама собою, как только изменятся экономические образования... Не дело трудящейся молодежи также брать на себя функции бюро по присканию работы, заниматься защитой интересов подростков и вмешиваться в экономическую борьбу. Мы должны решительно отвергнуть всякое такое вмешательство юношеских организаций, ибо это—задачи профессиональных союзов... Насколько я слышал от центрального комитета, наша партия тоже не желает, чтобы юношество пыталось влиять на ее политические решения. Вы видели на примере юношеской конференции в Штутгарте, как наша молодежь, если не особенно отрядным образом, зато с невероятной шумихой и еще большим апломбом голосовала по важнейшим политическим вопросам. Как эффектно были выражены в этих постановлениях „мировое сознание“ и гордость тем, что они „носители великой идеи“. Только политическая партия, а не юношеская организация должна решать политические вопросы и поддерживать международные связи“.

На съезде профсоюзных попов и бюрократов жертвенный пыл молодежи вызвал только веселое настроение и смех. Съезд дружно рукоплескал закостенелому чиновнику, когда он обливал клеветнической грязью пролетарскую молодежь.

Постановление гамбургского съезда вызвало бурю возмущения в рядах молодежи и в группе радикальных вождей. «Трудящаяся Молодежь» в ряде номеров поместила обстоятельные статьи по этому вопросу. Выступили Герман Дункер, Либкнехт и —«о времена, о нравы»— Генрих Шульц, отобравший во время войны у Клары Цеткин ее журнал «Равенство» и ставший потом министром. Так кончают иногда радикальные люди...

Мы все, конечно, были против постановления и, в юношеском воодушевлении, решили ни в каком случае не подчиняться и спасти самостоятельную юношескую организацию. Мы написали статьи для «Трибуны» (эрфуртской социал-демократической ежедневной газеты), но они не были напечатаны. Наш товарищ Роберт Герман, обладающий недюжинным литературным талантом, написал статьи для «Нее Цейт», но они никогда не появились. Мы пошли на собрание эрфуртского профсоюзного объединения и социал-демократической партии. Ярko обрисовав все преимущества самостоятельной юношеской организации и все недостатки проектируемых юношеских комиссий, я закончил свою речь цитатой: «Вы можете запретить слово, но не убьете свободный дух». Некоторые товарищи сказали мне, что я «хорошо говорил». Но мое красноречие не помогло, — собрание, за редкими исключениями, голосовало за предложение бюрократов.

Эрфуртские партийные бюрократы представляли собою особую смесь бесстыдства, глупости и подлости. Против этой группы мы и хотели вести борьбу за автономные юношеские организации. Благодаря этому я в начале моей деятельности в рабочем движении узнал, что значит бороться против окостенелой бюрократии. Посредством злобной иронии или даже клеветнических личных нападков наглые попы пытались уничтожить неприятную им активную юношескую группу. Для характеристики их способов борьбы приведу один случай. Несколько молодых рабочих были приговорены судом присяжных к денежному штрафу в двадцать марок. Для нас, зарабатывающих только 4 марки и 20 пфеннигов в неделю и вносящих ежемесячно 10 пфеннигов в «Свободную молодежь», это было огромной суммой. Мы обратились за помощью в секретариат партии. Нас вызвали туда, и так называемый рабочий секретарь заявил нам следующее: «Приговором вы выявляетесь как политическая организация. Мы уплатим эту сумму, но вы должны распустить свою организацию, и вместо нее мы назначим юношескую комиссию». Мы хлопнули дверью и, уходя, сказали: «Мы предпочитаем просить милостыню, чем согласится на это. Ныне в берлинском полициейпрезидиуме и в полицейских управлениях других городов социал-демократические уполномоченные работают в качестве экспертов по делам коммунистической партии. И рассказанный случай, имевший место в Эрфурте в 1908 г., доказывает, что уже тогда между социал-демократическими жрецами и полицией существовало трогательное «родство душ». Все эти партийные бюрократы достигли того, к чему стремились. Высшие попы, прежние секретари, ныне в большинстве своем бургомистры, и их приспешники чином пониже занимают теплые местечки в больничных кассах и в кооперации. Социал-демократия превратилась в надежную опору буржуазного государства, стала партией государственного порядка. Ее позиция прежде всего обуславливается тем, что тысячи ее руководящих членов, от верхушки до низового актива, получили государственные должности, а этот слой партийных чиновников давно уже считал себя всей партией и свою личную карьеру — судьбой всего германского рабочего класса.

Несмотря на все ухищрения партийных воротил и полиции, фронт молодежи стойко держался. И при малейшей поддержке партии пролетарская юношеская организация, несмотря на закон о союзах, могла бы удержаться. Восстание в 1918 г. кильских матросов и берлинских рабочих против империалистической войны, несомненно, произошло

бы раньше и было бы сильнее, если бы социал-демократическая партия вместо того, чтобы распустить самостоятельные юношеские объединения, вела в них систематическую социалистическую, революционную и антимилиитаристическую просветительную работу.

СЪЕЗД 1908 ГОДА

Пролетарские юношеские организации в Южной и Северной Германии за короткий период своего существования блестяще развивались, а иногда даже вопреки партии и вопреки всем политическим преследованиям. Северо-германское объединение, основанное в 1906 г., насчитывало летом 1908 г. уже 34 местных группы с 4850 членами, южно-германское насчитывало 1 июля 1907 г. 73 группы с 7500 членами. Как раз в 1907 г., под влиянием сообщений и рассказов о первой русской революции 1905 г., дошедших только позже в Западную Европу, начало наблюдаться быстрое развитие юношеских организаций.

Северо-Германский союз был разделен на округа. Георг Шуман как председатель и кассир руководил Тюрингенским округом.

Мы вносили ежемесячно членский взнос в размере 10 пфеннигов. Из них 5 пфеннигов шли в центральную кассу союза, 3 пфеннига оставались в местной кассе и 2 пфеннига получал округ.

Северо-Германский союз созвал на 6 сентября 1908 г. Всегерманский съезд, чтобы принять какие-нибудь решения в связи с постановлениями гамбургского съезда профсоюзов. От эрфуртской «Свободной молодежи» я был избран делегатом. С трудом мне удалось добиться на фабрике двухдневного отпуска. И то для этого мне пришлось заставить умереть никогда не существовавшую тетку, чтобы поехать на ее похороны. Тюрингия послала пять или шесть депутатов. Мы выехали поздно вечером в вагоне 4-го класса и всю ночь дискуссировали с пассажирами по различным вопросам. Георг Шуман в течение нескольких часов пытался убедить какого-то простодушного сапожника из Корбетты, что бога, как он описывается в библии, не существует. Удалось ли ему это, я не знаю. Мы приближались к Берлину, и я поражался тому, как долго шел поезд по предместьям до центрального вокзала. Мы прибыли в пять часов утра. Усталость от бессонной ночи как рукой сняло. Первый раз в Берлине! Больше всего поразили нас трамваи, omnibusы и тот факт, что люди читали в вагоне газету. Это подействовало на нас ошеломляюще. Наши квартирохозяйева — мы по-

селились у товарищей — встретили нас и сейчас же повели показывать Берлин, прежде всего — и это характерно — дворец, аллею Победы и колонну Победы. Я уверен, что нынешняя берлинская рабочая молодежь в первую очередь покажет приедем товарищам что-нибудь другое.

После этой утренней прогулки мы пошли в «Арминхаллен», в улице Комендантов, где открывался съезд, на котором я должен был присутствовать. В моей памяти сохранились празднично украшенный зал, возбуждение и всеобщая деловитость. На съезде было 100—120 участников, из них 30 депутатов из 25 местных групп. От международного юношеского бюро прибыл из Австрии Роберт Даннеберг, теперь социал-демократический член общинного и национального советов в Вене. Из руководителей берлинской организации я знал только Павла Шиллера. Он незадолго перед тем, совершая агитационную поездку по Тюрингии, посетил нас. Между мною и им завязалась продолжительная переписка. На съезде я познакомился с тов. Машке, одним из способных работников берлинской организации, к сожалению, слишком рано умершим от туберкулеза, и М. Петерсом, тогдашним председателем организации.

Петерс один из первых капитулировал перед центральным комитетом социал-демократической партии, во время войны под началом Фрица Эберта работал в центральной юношеской комиссии, подписал протест этого социал-демократического центра (для развращения молодежи) против Бернской конференции 1915 г., как многие другие подхалимствующие попы, получил пост городского головы и верою и правдою служит буржуазному правительству. Но тогда, на съезде, Петерс решительно выступил против гамбургского постановления.

Съезд был созван для борьбы против постановления гамбургского съезда и за самостоятельность молодежи, а также для того, чтобы оказать влияние на решения предстоящего нюрнбергского социал-демократического съезда. Всего этого съезд не выполнил. Официальному заседанию предшествовало частное совещание, не столько занимавшееся главными вопросами, сколько личными разногласиями в недрах руководства. Целый час спорили о том, выплачивать ли вперед жалование председателю, единственному оплачиваемому лицу. Так как я плохо разбирался в таких «важных» арифметических тонкостях, то скоро уснул и так и не знаю, на каком способе выплаты, наконец, договорились.

Основной доклад по главному вопросу делал Макс Петерс. Он говорил очень радикально и особенно под конец своего доклада нашел сильные слова:

„В противоположность Роберту Шмидту, мы высоко ценим ученика; отдающего свой последний грош организации и отказывающего себе во всем. Мы не желаем заниматься текущей политикой—это породило бы только болтунов и путанников, но хотим познать мир. Мы безусловно остаемся в рамках закона, но вместе с тем мы не боимся административных преследований. Правительство уже применяет по отношению к нам принудительные меры. Казалось бы, все сознательные рабочие должны бы всемерно поддержать нас. В Эссене престарелый Бебель сказал, что мы все сукины сыны, если позволим отнять у себя то, что уже имеем. Презрительна та молодежь, которая не дорожит своей честью! Самое большое счастье для всех нас—бороться, страдать и умереть за наше правое, великое дело, за идеалы современного рабочего движения“.

Выступившие в прениях подкрепили положения докладчика. Единогласно была принята следующая резолюция:

„Отказываясь от вмешательства в чисто-политические дела, как-то вопросы государственного устройства и управления, законодательство существующих государств, политические права граждан и международные отношения между государствами,—юношеская организация преследует цель объединения пролетарской внешкольной молодежи, без различия пола и профессий, для планомерного содействия ее умственному и физическому развитию и для защиты ее экономических интересов.“

Прежде всего надо знакомить рабочую молодежь, в систематической и доступной форме, с главнейшими достижениями современной науки и, главным образом, с тем, что в первоначальной школе оставалось в пренебрежении и искажалось, особенно из области истории, политической экономики и естествознания. На ряду с этим должно идти ознакомление с сокровищами культуры и, прежде всего, с произведениями истинно-народных поэтов свободного духа.

Наконец, путем устройства экскурсий развивать понимание красот природы и укреплять тело гимнастикой.

Этим будет обеспечена выработка такого мировоззрения и жизнепонимания, которое сделает из молодых рабочих и работниц бесстрашных, стремящихся вперед и полагающихся только на организованную самопомощь рабочих“.

ПАРТИЙНЫЙ НАЖИМ

Это было больше, чем мы ожидали. В то время мы были очень доверчивы и твердо верили в то, что отныне каждый охотно пожертвует жизнью для спасения пролетарской юношеской организации. И с этой радостной надеждой мы поехали домой, готовые с удвоенной силой вести в Эрфурте борьбу со всеми нашими врагами. В поддержке, конечно, недостатка не будет... Мы заблуждались. Реформисты усилили свое давление на партию; особенно профсоюзный лидер Роберт Шмидт объявил настоящий поход на молодежь. Именно он произнес в Гамбурге «крылатое слово»: «На те десять пфеннигов, что молодежь теперь платит как членский взнос, пусть она лучше покупает себе кусок колбасы». В самом деле, для Шмидта и компании классовая борьба

всегда была только колбасным и желудочным, а не революционно-марксистским вопросом. На нюрнбергском партийном съезде ревизионистам удалось провести постановление, по смыслу такое же, как и постановление гамбургского съезда профсоюзов. Вот соответствующее место из этого постановления:

„Партийный съезд вменяет в обязанность организациям заботиться о том, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе пролетарского мировоззрения.

Для достижения этой цели надлежит читать доклады, приспособленные к умственному уровню молодежи.

На ряду с этим следует устраивать собрания серьезного характера, так же как и развлечения, а также содействовать общению и приятному времяпрепровождению посредством игр и спорта.

Для этой цели следует на местах образовать особые комиссии. Комиссии состояются из представителей местных партийных организаций и профсоюзных объединений, с привлечением уполномоченных рабочей молодежи. В эту комиссию должна входить по крайней мере одна работница.

Партийный съезд поручает центральному комитету издание печатного органа для просвещения молодых рабочих и работниц“.

И ввиде уступки радикальному крылу партии было принято следующее дополнение:

„Эту резолюцию надо так понимать, что ничто не препятствует деятельности местных юношеских организаций, не имеющих политического характера, самоуправляющихся при участии взрослых“.

После партийного съезда центральный комитет немедленно вступил в переговоры с нашим берлинским центром, с целью привлечь его активных работников в проектируемые юношеские комиссии. Переговоры окончились для центрального комитета вполне успешно. Макс Петерс и другие покорились и, не созвав нас на новый конгресс, постановили распустить союз трудящейся молодежи Германии. В ответ на наши письменные яростные протесты они заявили, что иначе не могли поступить; впрочем, дополнение к нюрнбергской резолюции оставляет возможным дальнейшее существование неполитических юношеских групп; а припев был такой: «Нас перехитрили, и если вы не согласны с нами, — защищайтесь, как только можете».

Это было, конечно, легче сказать, чем сделать... Общие условия в германском юношеском движении значительно ухудшились. Не ожидая решения Северо-Германской организации, южно-германское объединение («Союз молодых рабочих и работниц»), имевшее центр в Мангейме, на своем чрезвычайном общем собрании 3 мая 1908 г. постановило прекратить свое существование. Это постановление

«означало добровольный и полнейший отказ от права молодежи на объединение в союзы» — писал даже президиум Свободной юношеской организации в Германии (центр находился в Берлине) в своем отчете («Отчет администрации от 1 января 1907 г. 30 июня 1908 г.») Впрочем, через несколько месяцев они сами последовали этому примеру.

Руководство Северо-Германского союза под председательством Макса Петерса отказалось только от всяких демократических придатков.

Официально «Объединение свободных юношеских организаций» вообще не было распущено, и эти организации были просто ликвидированы путем переговоров между Петерсом и Фрицом Эбертом. Место «Объединения свободных юношеских организаций Германии» и «Союза молодых рабочих и работниц Германии» 11 января 1909 г. заняло «Центральное бюро трудящейся молодежи Германии». Одновременно прекратили свое существование «Молодая Гвардия» в Мангейме и «Трудящаяся молодежь» в Берлине. «Центральное бюро трудящейся молодежи Германии» начало с 1 января 1909 г. выпускать газету «Рабочая Молодежь».

Мы, в Эрфурте, как и всякая другая оппозиционная юношеская группа, с роспуском Южно-Германского союза и ликвидацией Северо-Германского союза, остались без связи с центром, без газет и без агитационного материала. Тем не менее, мы продолжали в Эрфурте нашу деятельность как «Свободная молодежь» и пытались, таким образом, сохранить самостоятельную юношескую организацию. С эрфуртским партийным комитетом велись длительные переговоры, причем мы шаг за шагом теряли, а партийный комитет в такой же мере приобретал влияние. Он добился того, что мы перенесли наши собрания в партийное помещение «Риволи». Отдельные партийные лидеры внезапно снизились до того, что читали у нас доклады, но мы упорно защищали каждую пядь нашего самоуправления и нашу самостоятельность. Только гораздо позже мы узнали, что в других городах, например, в различных берлинских районах, в Штутгарте, Дрездене и Лейпциге, молодежь вела такую же ожесточенную борьбу за сохранение своей самостоятельной юношеской организации. Если бы в то время между нами была правильно налаженная связь, то, несомненно, удалось бы в той или иной форме сохранить значительные части пролетарской юношеской организации. При создавшемся же положении, без всякой связи и под давлением всего партийного и профсоюзного аппарата, поражение было совершенно неизбежно.

Приблизительно в это время нас посетили два представителя молодежи из Рейнской области. Сначала прибыл Зольман, тот самый, который потом был министром Германской республики и, вместе с Гильфердингом, высказался за разрешение наследнику Вильгельма II вернуться в Германию. Он «благожелательно» выслушал наши жалобы, во всем согласился с нами, но в своем докладе в Эрфурте, на котором присутствовали старшие и молодые рабочие, все-таки защищал «новую линию» центрального комитета партии. Стало быть, уже тогда мы узнали его как мелкого демагога. Несколько недель спустя нас посетил Вальтер Штеккер из Кельна. Он помог нам практическими советами по отношению к полиции — как раз в день его приезда у нас снова произвели обыски — и вообще дал нам много ценных указаний. Мы полюбили его, а позже я вступил с ним в оживленную переписку. Я встретил потом Штеккера во время войны в Швейцарии, где он завязал сношения с созданным нами «Юношеским интернационалом». Штеккер — один из немногих в раннем юношеском движении, который потом по всем вопросам юношеского движения представлял такую же решительную точку зрения, какую заняли по отношению Бернского юношеского интернационала некоторые переходившие на большевистские рельсы группы.

Борьба между центральным комитетом партии и нами закончилась, наконец, своего рода компромиссом. Центральный комитет назначил юношескую комиссию, которая должна была помогать нам словом и делом. Однако организационная форма «Свободной молодежи» пока была сохранена. Сейчас я склонен думать, что в достижении этого компромисса — большая заслуга Эрнста Деймига, прибывшего как раз в то время из Галле в Эрфурт в качестве редактора социал-демократической газеты «Трибуна». С его стороны мы встретили гораздо большее понимание, нежели со стороны старых эрфуртских партийных бюрократов. Тот же Деймиг отговорил одного из лучших наших товарищей Роберта Германа от поступления в иностранный легион и пригласил его сотрудником в «Трибуну». К сожалению, Герман погиб в самом начале войны 1914 г., и его смерть была отмечена всей печатью. В силу трагического стечения обстоятельств, он погиб в первый же день военных действий на восточном фронте, и в тот же день и почти в тот же час был убит его брат на западном фронте.

Благодаря тому, что Деймиг, взявший и себя председательствовавшему в просветительной комиссии, очень интересовался нашей группой и послал разумных людей в юноше-

скую комиссию, некоторое время дело обходилось без серьезных трений. Особенно госпожа Герман, ныне активная деятельница эрфуртского отделения Межрабпома, старалась работать с нами в товарищеском согласии.

И все-таки наша эрфуртская организация очень изменилась с 1907 г. Просветительная комиссия пригласила в качестве ораторов преподавателей и ученых. Ни один молодой рабочий не решался теперь, как это было год назад, выступить с докладом, никто не осмеливался принимать участие в дискуссии или хотя бы задать какой-нибудь вопрос. Просветительная комиссия устраивала для нас серьезные вечера с концертными певицами и со всем, что стояло на соответствующей художественной высоте и необходимо было для таких увеселений. Нашей обязанностью было только смиренно сидеть с подобающим торжественной обстановке благопристойным видом.

Выходивший два раза в месяц журнал «Рабочая Молодежь» имел весьма внушительный вид и объем, и рядом с ним прежние «Молодая Гвардия» и «Трудящаяся Молодежь» казались весьма жалкими. Наша бурная энергия и жажда деятельности находили теперь себе исход в юношеском клубе. Там мы придумывали различные игры, сочиняли и ставили пьесы, инсценировали «собрания противников» и «рейхстаг». Эти часы были единственными, которые мы могли заполнить по своему желанию. Но развлечения и игры все больше оттесняли на задний план бывшие серьезные политические дискуссии. И скоро нельзя было отличить нашу недавно столь свободолюбивую юношескую группу, распространявшую нелегальные газеты и проводившую тайные собрания, от клубов туристов или объединения национально-либеральных немецких парней и девушек.

Мы, «старики», т.е. основное ядро старой «Свободной молодежи» составляли особый кружок в юношеском движении и каждое воскресенье собирались для обстоятельной дискуссии. Мы подвергали действительно старых духом и мыслью беспощадной критике и ломали себе головы над тем, как заставить социал-демократическую партию, эту старую, унылую клячу, вступить на путь революционного движения. Снова мы не имели никакой связи с другими такими же группами, пока из статей в партийной печати о «движении среди восемнадцатилетних» не узнали о том, что и в других немецких городах имелись подобные же кружки. С большим интересом следили мы в 1909 г. за дискуссией в партийной печати о массовой забастовке как средстве добиться в Пруссии отмены многостепенной неравной системы выборов. По действовавшей тогда в Пруссии системе

избирательное право определялось по доходу избирателя. Кто имел больший доход, мог избирать больше выборщиков, нежели обладающий меньшим доходом. Приблизительно, десять человек с высоким доходом могли избрать сто выборщиков, которые, в свою очередь, избирали одного депутата. Но тысяча людей с меньшим доходом тоже могли выделить только сто выборщиков и, стало быть, только одного депутата. А рабочих, имевших в большинстве своем ничтожный доход, надо было двадцать или тридцать тысяч для ста выборщиков и одного депутата. Предложенная Розой Люксембург массовая забастовка против этого позорнейшего из всех избирательных законов никогда не была проведена. Многоступенчатая система выборов в Пруссии была отменена только в конце войны вместе с падением монархии.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЭРФУРТЕ

В 1909 и 1910 гг. происходили массовые собрания протеста и уличные демонстрации против прусского избирательного закона. Уличные демонстрации были тогда запрещены. Тем не менее в Берлине, Франкфурте, Галле и других прусских городах происходили грандиозные уличные демонстрации, кончавшиеся серьезными столкновениями с полицией. В Берлине правительство держало наготове значительные воинские части. Реформисты прилагали все усилия к тому, чтобы ослабить мощно развернувшееся движение или, по крайней мере, направить его в «законное русло». Я живо вспоминаю одну демонстрацию того времени... Массы собрались за городом в большом саду, чтобы оттуда сомкнутыми колоннами вернуться в Эрфурт. Полиция оцепила мосты через Геру, ведущие в центр города. «Вожди» заклинали массы ни в коем случае не делать попыток пройти по мостам. Один секретарь профессионального союза — ныне он член государственного экономического совета (странным образом каждый бывший секретарь рабочей организации, которого я могу припомнить, теперь — правительственный чиновник...) — орал как помешанный и угрожал «каждому, кто не подчинится его распоряжениям, дать по рылу». Эти слова привели меня в такую ярость, что я охотно запустил бы в него камнем. Ни один погонщик скота не мог бы грубее и презреннее реветь на свое стадо. Масса — несколько тысяч мужчин и женщин — двинулась вперед с юношеским ядром во главе. Перед мостом, как телохранители выстроившихся полицейских, стояли великие и малые попы и с отчаянием вопили: «Направо! Идите направо!

Не напирать на мост!» А мы и группа молодых каменщиков и плотников в ответ: «Подвигайтесь вперед, не свертывать в сторону, вперед!» И к нашей радости, после нескольких минут колебания задние ряды с такой силой нажали на передние, что «вожди» вместе с городовыми были отнесены в сторону и массы разлились широким потоком по улице, выходящей на Ангер. На этой главной эрфуртской площади играл военный оркестр для услаждения буржуазной золотой молодежи. Но мы затопили собою всю площадь и громко запели «Свободное избирательное право — наш лозунг», «Рабочий люд» и другие запрещенные песни. Мы пели и кричали до тех пор, пока не охрипли. «Вожди» беспомощно бежали вдоль домов, как пастухи, растерявшие свое стадо. Концерт сразу прекратился. Только через полчаса полиция снова собралась, пришла в себя и проделала такую штуку. Она оцепила всю площадь, и с одной стороны отряд конной полиции кинулся на нас. Полицейский кордон закрывал все выходы, и на площади произошла невообразимая паника, причем самое большое количество толчков и пинков получила воскресная буржуазная публика. Мы вернулись домой словно в состоянии опьянения.

В период избирательной кампании мне пришлось впервые выступить с речью на большом открытом собрании. Собрание было созвано одной левой буржуазной партией. Докладчиком был Гельмут фон Герлах, редактор газеты «Мир в понедельник» и ныне ярый противник коммунизма и Советской России. Герлах говорил о необходимости отмены прусской многостепенной избирательной системы и требовал введения равного, прямого и тайного голосования, с предоставлением избирательных прав всем немцам, достигшим двадцати пяти лет. С этим мы не были согласны. Мы требовали избирательных прав для всех двадцатилетних. Нас было всего несколько человек, и мы представляли собою крошечный островок среди этой массы мелких буржуа, служащих и чиновников. После Герлаха выступал один демократ, но, конечно, опять не за то требование, которое интересовало нас больше всего, — за предоставление избирательных прав двадцатилетним. Я больше не в силах был сдержаться. Взял листок бумаги, написал на нем свою фамилию и отнес записку к столу президиума. Председатель, старый и почтенный, как праотец Авраам, взял записку, подозвал меня и сказал: «Но передайте этому господину, чтобы он говорил как можно короче». Я обещал передать. Потом говорил еще один объявленный оратор. Мне стало немного не по себе, мною овладела нерешительность, и я уже подумывал о том, не лучше ли мне отказаться от

слова, как вдруг громко прозвучало: «Слово имеет господин Мюнценберг». Председатель и все собрание были не мало удивлены, когда я, довольно небольшого роста и по виду не старше шестнадцати лет, появился на трибуне и выпалил: «Уважаемое собрание»... Не помню, что я тогда сказал, вспоминаю только, что сделал сравнение между nasledным принцем, который восемнадцати лет уже считался достаточно созревшим для того, чтобы управлять, и нами, которые в двадцать лет считаются недостаточно созревшими для пользования избирательным правом. Я имел даже успех. И мое радостное чувство и довольство своим выступлением не мог омрачить даже «Всеобщий Указатель», на следующий день написавший в отчете о собрании: «Но превзошел всех на собрании семнадцатилетний Вилли Мюнценберг». В то время я как раз лишился работы. По поручению профессионального союза я пустил по предприятию подписной лист в помощь шведской всеобщей забастовке. Один особенно подхалимствующий член фабричного певческого кружка донес на меня. Директор явился собственной особой и заявил: «Это означает войну, а война означает — вон!» В тот же вечер мне выдали мои документы.

Наш профессиональный союз был еще очень слаб. Тем не менее, товарищи решили протестовать против этой расправы надо мною. Я попытался пристроиться на какой-нибудь другой фабрике, но везде было «все заполнено» или «в данный момент нет свободных вакансий». Было совершенно ясно, что именно для меня нет места. Это, впрочем, очень мало огорчало меня. И, тщетно проискав несколько недель работы, я отправился с одним товарищем в странствие, «катиться». Перед войной тысячи немецких рабочих «катились» по всем градам и весям Германии и забирались даже за границу. Я познакомился со многими товарищами, которые в качестве странствующих ремесленников, стало быть, большею частью пешком и только со скудным пособием из профсоюзной кассы, прошли через Балканы и побывали даже в Каире и Палестине. Многие странствовали, гонимые нуждой, потому что не находили работы, но были и такие, что хотели повидать мир, подобно старинным цеховым подмастерьям.

ПЕШКОМ ВО ФРАНЦИЮ

В одно прекрасное утро, летом 1909 г., бодро выступили мы в путь-дорогу с небольшим багажом на спине и еще более легким кошельком. У моего товарища было немногим

больше пяти марок, у меня — ровно три марки. Но мы твердо решили искать работы не раньше, чем доберемся до Франции.

Как ярко сияло солнце, весело плыли белые облака на небе и как сильно благоухали сосны и ели чудесных лесов, по которым наш путь вел к Обергофу, а оттуда — вниз, к Мейнингену. Удовольствия от путешествия не могло испортить нам даже самое скверное «христианское убежище». Только в крупных городах имелись дома профсоюзов и профсоюзные приюты, из которых некоторые, как во Франкфурте и Лейпциге, пользуются хорошей репутацией среди странствующих рабочих. Помещения для ночлега в большинстве городских и «христианских приютов» были ужасны.

Однажды ночью мы остановились в маленьком городе. Там имелся ночлег за двадцать и десять пфеннигов. Так как нам надо было экономить, мы выбрали ночлег за десять пфеннигов и выпили по две чашки кофе, стоимостью три пфеннига каждая. Постель состояла из тонкого слоя соломы, покрывавшей пол комнаты. Поверх лежало сшитое из мешков и других лоскутов «одеяло», под которым помещалось от двенадцати до пятнадцати человек. На мое несчастье, мое место пришлось рядом с одним старым «завсегдаем». Странствуя уже сорок лет по проселочным дорогам, он при помощи изрядных порций водки старался заглушить свою тоску. Несомненно, в своем опьянении он спал лучше, чем я.

В некоторых христианских убежищах перед сном полагалась молитва, после чего заведующий или служитель занимались «исканием пчел». Это происходило таким образом. Все ночлежники должны были раздеться до-нага и, вывернув наизнанку рубашку, держали ее перед собой. Производящее осмотр начальство свечкой освещало каждую складку рубашки в поисках вшей. Только тому, на ком не имелось ни одного паразита, разрешалось остаться. Но из предосторожности все должны были спать совершенно голыми. Эти осмотры, понятно, иногда вызывали бурные сцены. В Рюдесгейме заведующий убежищем утверждал, что нашел у одного «пчел», тогда как тот хотел выдать найденных зверьков за «имперских орлов». За это его не только немедленно выгнали из «христианского приюта», но и пригрозили полицией за «тяжкие оскорбления». Бедняга ушел, стойко заявив, что будет ночевать на улице. Старые, постоянные ночлежники, на полицейском жаргоне титулуемые «бродягами», особенно сильно страдавшие от паразитов, предпочитали «останавливаться» в домах профессиональ-

ных союзов. «Там, говорили они, при электрическом свете труднее найти пчел, потому что они не так ползают».

Как ни приятно было странствовать, мы все-таки уже в Оффенбахе на Майне сделали продолжительную остановку. Денег у нас больше не было, и мы могли рассчитывать только на скудное профсоюзное пособие. К тому же мой спутник почувствовал тоску по эрфуртской капусте и бобам. После того, как мы три дня тщетно проищкали какой-нибудь работы, он поехал обратно в Эрфурт. Мне нечего было спешить. Я посетил оффенбахскую «Свободную молодежь», основательно осмотрел во Франкфурте, хотя только снаружи, большую выставку воздухоплавания и отправился дальше, через Висбаден, Рюдесгейм и Гоарсгаузен вверх по Рейну. Область Рейна была наиболее посещаемой странствующими рабочими и «бродягами». Они колесили по ней вдоль и поперек. Ежедневно я встречал не менее пятидесяти «клиентов» (как называли таких путешественников на собственных ногах), направлявшихся вниз, и столько же «паломничавших» вверх по реке. Я вернулся через Бинген, зашел в Майнц, Мангейм и Людвигсгафен и потом направил свои стопы в Пирмасенс, город обувных фабрик и мастерских. Тем временем наступила осень, стало довольно холодно, рано темнело, часто шли дожди. Короче говоря, пора было приискать какую-нибудь постоянную работу, чтобы иметь пристанище на зиму.

На второй вечер, после того как я тщетно искал какой-нибудь работы, на постоялый двор зашел молодой парень, член профсоюза, имевший, по его словам, больше удачи: он нашел работу, к которой должен был приступить на следующий день. Мы быстро познакомились и порешили вместе переночевать.

Утром я слышал, как мой друг тихо встал, чтобы уйти на работу. Мне некуда было торопиться, а потому я повернулся на другой бок и опять уснул. Когда я проснулся, оказалось, что исчезли мои башмаки и, что было печальнее всего, брюки. Я кликнул хозяина, но никто не отозвался. Тогда я выскочил в одной рубашке, и мое появление в этом виде обратило в дикое бегство весь женский персонал постоялого двора. Наконец отыскался хозяин, и все разъяснилось. Мой новоприобретенный приятель, как видно, нуждался в моих вещах еще больше, чем я. И он ушел с ними, не оставив мне взамен даже своих, может быть, еще более старых вещей. И я оказался на пирмасенском постоялом дворе без денег, без башмаков и, что хуже всего, без брюк. Хозяин сжалился надо мной и уступил мне свои старые брюки. То, что я тонул в них и мог бы там поместить сво-

бодно еще несколько квартирантов, объяснялось тем, что хозяин был настоящий баварец, т.-е. непомерно толст. Я подогнул штаны вниз, туго привязал их подмышками и босиком двинулся в путь, в надежде раздобыть где-нибудь пару башмаков. Это мне удалось, но башмаки по размеру подходили к брюкам.

В этом живописном одеянии мало было надежды получить работу, и я решил прервать путешествие во Францию и вернуться в Эрфурт, чтобы раздобыть новую одежду. Я побил рекорд в длительных переходах. Так, в течение одного дня я отмахал расстояние от Ландау до Гейдельберга. В пути я питался только плодами и хлебом, от профсоюзного пособия не оставалось больше ни одного гроша. В Гейдельберге мне пришлось заявиться полиции бездомным, и в участке я, должно быть, от усталости, упал в обморок, из горла пошла кровь. Полицейский чиновник обругал меня «грязной свиньей» и «паршивой собакой» и заставил куском газеты вытереть на полу кровь. После этого случая я еще прибавил шагу и приблизительно через неделю прибыл в Эрфурт. Там я несколько недель провалялся больной, потом получил в одном мелком предприятии скверную работенку и только значительно позже, при помощи товарищей из организации, получил работу на фабрике.

Зимой я активно работал в профессиональном союзе и партии, слушал доклады и лекции Отто Рюле и Германа Динкера и, разумеется, опять принимал деятельное участие в юношеском движении, которое, однако, теперь находилось под руководством юношеской комиссии. Я снова начал борьбу, ссылаясь на дополнение к нюрнбергской резолюции, разрешавшее существование юношеских организаций в форме союзов, и обратился с пространным письмом к Фрицу Эберту, как председателю центральной юношеской комиссии. В ответ я получил лаконическое извещение, что «они» снесутся с эрфуртским партийным комитетом. Но в то же время партийная клика начала вести ожесточенную борьбу против меня и трех бывших членов «Свободной молодежи». Мы пытались связаться с другими местами, но нам это не удавалось. Зимой 1928 г. Павел Шиллер любезно предоставил в мое распоряжение одно мое письмо к нему от... 1910 г. Для характеристики нашего тогдашнего настроения я приведу из него следующее место:

...к сожалению, я не имею возможности ответить тем же и снабдить тебя материалом о борьбе рабочей молодежи в Эрфурте. Здесь нет больше борьбы, интересы молодежи не защищаются. Юношеская комиссия устраивает только концерты и игры, игры и концерты, и больше ничего. Нет

никаких признаков борьбы с нашими противниками, которые в последнее время проявляют усиленную деятельность и основали пресловутую юношескую оборону. На мою жалобу товарищу Фрицу Эберту по вопросу о делегатах молодежи в юношеских комиссиях я не получил никакого ответа. А здешние товарищи назвали мое заявление Эберту нелояльным. Это говорят те же самые люди, которые всегда так горячо рассуждают о свободе, равенстве и братстве».

Споры между нами и стариками становились все ожесточеннее. Для нас они складывались довольно неудачно. Я решил осуществить свой план лета 1909 г., отказался от работы и весной 1910 г. снова отправился странствовать. На этот раз Тюрингенский Лес, вдоль и поперек через Шварцвальд и Баварию, в Ландау на Боденском озере и дальше, через Шафгаузен, в Швейцарию.

ПРИЕЗД В ЦЮРИХ

В начале июля 1910 г. я прибыл в Цюрих и при посредстве председателя швейцарской юношеской организации познакомился с секретарем профсоюза Максом Бок, который отнесся ко мне самым товарищеским образом. Уже при первой встрече сказалась глубокая разница между этим простым в обращении товарищем и эрфуртскими самовлюбленными и спесивыми партийными бюрократами. Меня взяли в «пансион», т.-е. одну неделю я столовался у Брупбахера, другую — у его коллеги доктора Басса. А в это время Бок и другие товарищи из юношеской организации старались найти для меня какую-нибудь работу. Но, к сожалению, безуспешно. Несмотря на дружеский прием, я чувствовал себя несколько неловко, решил довести мой план до конца и перекочевать во Францию. Бок дал мне адреса швейцарских юношеских организаций, и через Цуг, Люцерн, Мейринген, Интерлакен и Тун я дошел до Берна. Там я записался в конторе по присканию работы, осмотрел город и встретил одного сверстника, который так же, как и я, собирался в Марсель и потом «дальше». Мы решили на следующий же день двинуться в путь. Утром мы встретились на условленном месте. Я зашел в посредническую контору, чтобы выписаться. Но там мне сообщили, что для меня подыскана работа. После долгих колебаний я, наконец, решил остаться и немного заработать денег, а потом уже ехать дальше.

Часом позже я уже приступил к исполнению обязанностей «цедильщика» в бернской гостинице «Звезда». Я дол-

жен был переливать вино из бочек в графины, бутылки и стаканы и, кроме того, помогать швейцару. Рабочий день начинался в 5 часов утра и продолжался до 9 часов вечера, в отдельные дни — в субботу, воскресенье и в особых случаях, которые, к сожалению, бывали слишком часто — до 1—2 ч. ночи и еще позже. Я написал цюрихским друзьям и получил от них ответ обратно почтой, чтобы я немедленно вернулся, так как для меня имеется работа и они повсюду искали меня.

Это было легче предложить, чем сделать. Я обязан был предупредить за две недели о своем уходе, и хозяин ни за что не хотел отпустить меня. «В первый раз в моей жизни, — сказал он, — я вижду парня, не пьющего вина. Вы должны остаться. Ведь только вчера я купил вам новую рабочую куртку».

Но я настаивал, обещал вернуться, может быть, позже, если в Цюрихе ничего не выйдет. Наконец он согласился. Но у меня не было денег на дорогу. С помощью некоторых товарищей это было улажено, и вечером я прибыл в Цюрих. Неутомимый Бок нашел для меня работу у одного аптекаря, сочувствовавшего партии и особенно молодежи, причем Бок сильно прихвастнул и преувеличил мои познания, так что аптекарь был уверен, что я не только отлично владею латынью, но и умею готовить лекарства. Конечно, это было не так. Тем не менее, аптекарь любезно принял меня и даже дал мне сейчас же десять франков вперед.

Звание это не было слишком большим, но хватало на жизнь. Но самым важным для меня в этой новой должности было то, что я имел более или менее постоянную работу, стало быть, устойчивое существование. Рабочий день был короче, чем на всех моих прежних местах, и у меня была относительно легкая работа, дававшая мне возможность, без каждодневной мучительной думы о зарботке, систематически учиться и читать. Мне повезло еще в том отношении, что я в первые же дни своего пребывания в Цюрихе познакомился с кружком Брупбахера. Хотя потом мне и пришлось внести ряд коррективов в некоторые политические идеи, воспринятые в этом кружке, все-таки посещение его принесло огромную пользу в том отношении, что помогло мне осознать самого себя и свое отношение к окружающему миру. Правда, еще до Цюриха я из курсов Рюле, Дундера и других усвоил многие политические и экономические формулы, но теперь, в Цюрихе, я научился со своей собственной точки зрения рассматривать, объяснять и оценивать происходящее.

Когда я летом 1910 г. поступил в аптеку в Цюрихе, мне было уже двадцать лет. И все-таки именно теперь мне предстояло пережить незабываемые годы юности в кругу лучших товарищей и в качестве главаря активной, жаждущей деятельности группы.

В Цюрихе мне дано было испытать на самом себе самое прекрасное и ценное, что человек наблюдает в своих делах: «пробуждение души».

Я ВСТУПАЮ В РЯДЫ ШВЕЙЦАРСКОГО ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В пятницу я прибыл в Цюрих. В субботу пришел в цюрихскую социалистическую организацию молодежи, называвшуюся «Союз рабочих юношей», и вступил в число ее членов. В воскресенье я уже принял участие в первой экскурсии группы к Эгельскому озеру у Дидикона. Швейцарская организация молодежи — одна из старейших юношеских организаций, но начало и основание швейцарского юношеского движения вызвано совершенно другими причинами, нежели бельгийских организаций «Молодой гвардии» или берлинских организаций рабочей молодежи. В Швейцарии создание юношеских организаций было вызвано не тяжелым положением рабочей молодежи в крупных промышленных центрах и не классово-сознательной волей к проведению антимилицаристской пропаганды среди молодежи; наоборот, швейцарская социалистическая организация молодежи была основана несколькими социал-демократическими вождями с единственной целью посредством этой организации развивать среди рабочей молодежи начало товарищеского общения. Швейцарское движение молодежи не имело такого ясно выраженного революционно-классового характера, как бельгийские группы «Молодой гвардии» или подобные организации в других странах. Это была рабочая партия, помимо общих социал-демократических требований, еще питавшая расплывчатые демократические иллюзии и надежды.

Первые социалистические группы молодежи возникли в Швейцарии в 1894 — 1896 гг., под названием «Молодежь Базеля» и «Молодежь Берна». Третья группа имелась в Люцерне. Группы ставили себе главной задачей устройство докладов, организацию вечеров и экскурсий. Однако эти группы просуществовали недолго и в 1898 — 99 г. прекратили свое существование.

Не лучше, чем с группами в Базеле, Люцерне и Берне, обстояло дело и с другой социалистической группой, осно-

ванной 10 ноября 1901 г. в Лозанне. Она издавала с рождения 1902 г. журнал «Социалистическая Молодежь», продолжавшийся только около года.

Независимо от непродолжительного и случайного движения во французской Швейцарии, в 1900 г. в промышленной восточной Швейцарии зародилось пролетарское юношеское движение, из которого выросли социалистическая и нынешняя коммунистическая организации Швейцарии.

25 марта 1901 г. в церкви Иоанна в Цюрихе было основано под названием «Союза рабочих юношей» и под протекторатом социалистического пастора Пауля Пфлюгера «Объединение одинаково мыслящих молодых рабочих в целях обучения и дружбы». Социалистический пастор Пфлюгер был от 1900 до 1923—1925 гг. одним из руководящих политиков правого крыла швейцарского рабочего движения. О нем рассказывались сотни анекдотов. Пфлюгер был не дурак выпить. Иногда он слишком увлекался вином.... Так случилось и в одну субботу, когда он с комиссией цюрихского муниципального совета должен был обревизовать ряд хозяйственных предприятий. В воскресенье утром пьяного, как стелька, социалистического попа нашли валявшимся на улице; его погрузили в телегу и отвезли домой. Там его сдали жене, которая при помощи изрядного количества холодной воды привела его в чувство, схватила подмышками и энергично поволокла в церковь, где он должен был произнести проповедь перед восьмьюдесятью подростками-конфирмантами. Страстным голосом, с большим подъемом он гремел против всех опасностей и искушений, ожидающих молодежь, вступающую в жизнь. Особенно он предостерегал от никотина, любви и разврата. Но его голос поднялся до оглушительного пафоса, когда он заговорил о злейшем враге рабочей молодежи — алкоголе. При этом он рисковал с похмелья каждую минуту упасть с кафедры. Позже его пришлось поместить в сумасшедший дом. В основанный пастором Пфлюгером «Союз рабочих юношей» вступило около пятидесяти молодых рабочих. Группа, согласно отчету, должна была «исключительно заботиться о техническом и научном образовании своих членов». В качестве девиза на членском билете было напечатано крупными буквами: «Здоровье — Образование — Дружба». В протоколе устроенного в марте 1903 г. собрания говорилось: «После этого выступила певческая секция, обрадовавшая публику патриотическими песнями».

Когда на общем собрании 22 апреля 1903 г. один товарищ предложил к параграфам устава о культивировании дружбы и полезных развлечений и содействии физическому

и духовному развитию своих членов прибавить третий параграф о «подготовке своих членов к сознательному участию в государственной жизни», было решено сначала спросить совета у пастора Пфлюгера. Внесенное на общем собрании 26 марта 1904 г. предложение образовать секцию молодых рабочих встретило возражения со стороны большинства, заявившего, что им не нужна «брачная контора». После длительной и горячей дискуссии было принято такое решение: «Об этом чреватом последствиями пункте спросить сперва мнение пастора Пфлюгера».

Когда весной 1906 г. одна взрослая цюрихская работница основала, независимо от «Союза рабочих юношей», кружок молодых рабочих, потребовавший от «союза» предоставления ему своего помещения для собраний, это вызвало бурные дебаты в «Союзе рабочих юношей». Впрочем, дебаты пришлось скоро оборвать, так как «они легко могли бы выродиться в склоку и взаимную грызню». Тем не менее, уже осенью 1904 г. произошел значительный сдвиг и начали выкристаллизовываться политические и экономические тенденции. 5 октября 1904 г., после оживленной дискуссии, было решено вступить в «Рабочий союз». В то же время была установлена связь с австрийскими и германскими организациями молодежи. Сношения с юношескими социалистическими организациями других стран подействовали весьма плодотворно на дальнейшее развитие «Союза рабочих юношей», но еще больше способствовали его радикализации события в самом цюрихском рабочем движении. В 1905 г. в Цюрихе началась усиленная антимилиитаристская пропаганда, исходившая от антимилиитаристской лиги, имевшей свой журнал «Аванпост». Деятели этого движения часто выступали с докладами в «Союзе рабочих юношей». В 1905 и 1906 гг. в Цюрихе произошли большие стачки и бурные экономические бои. Рабочие обратили внимание на организацию молодежи, и некоторые их группы начали ее поддерживать. Возникли новые юношеские группы в Винтертуре, Альтштеттене и Винкингене. На рождестве 1906 г. существующие секции образовали «Объединение швейцарских союзов рабочих юношей», выработали устав, избрали правление и постановили выпустить газету. Началась новая жизнь, с новыми, более высокими задачами и целями. Рабочая молодежь Швейцарии приступила к созданию своей исторически ставшей необходимой организации для защиты своих экономических интересов и для своей политической выучки.

При моем вступлении в швейцарскую организацию, в мае 1910 г., она переживала тяжелый политический кризис.

В 1907/8 г. швейцарские организации молодежи приняли совершенно другой характер, нежели в 1905 г. Официальная партия и профессиональные союзы преступно пренебрегали организацией молодежи и всячески старались ее подавить. Радикально настроенная молодежь вела ожесточенную борьбу с партией и руководителями профессиональных союзов. Социал-демократическая партия все более скатывалась в болото оппортунизма и считала своей главной задачей устраивать своих членов; рядовым членам она предоставляла скромные государственные и общественные должности, вроде школьного швейцара, а партбюрократы более высокого ранга получали должности судей, начальников полиции и т. п. Побуждаемые своим горячим стремлением к революционной активности, многие группы рабочей молодежи, особенно цюрихской, подпали под влияние синдикалистов и анархистов. Георгий Чичерин, народный комиссар по иностранным делам Советского Союза, в своей книге «Очерки из истории юношеского Интернационала», так характеризует тогдашнюю стадию швейцарского движения молодежи: «Созданное им (Паулем Пфлюгером) движение, однако, уже через год начало переходить в другие руки, и после первой русской революции в нем возобладали анархисты и анархисты-социалисты с блестящим путанником доктором Брупбахером во главе. Главной организацией швейцарской социалистической молодежи была цюрихская. Она представляла собой любопытное зрелище. На ее собраниях было, собственно, больше стариков, чем молодых. Съехавшиеся в Швейцарию из разных стран анархисты, старые французы с длинными бородами, не ужившиеся под гнетом родного полуабсолютизма немцы и австрийцы преобладали над юношами. На собраниях цюрихской организации в это время можно было видеть молодых мальчиков, которые смиренно сидели сзади взрослых, мало принимая участия в том, что перед ними происходило, и взрослых и даже стариков, для которых так называемая юношеская организация была в действительности их собственным дискуссионным клубом».

С февраля 1907 г. швейцарские организации рабочей молодежи издавали газету под названием «Скорпион». На первой же полосе печатался своего рода эпиграф: Я «Скорпион», центральный орган организаций швейцарского рабочего юношества, боевая газета молодого поколения, стремящегося из глубокого мрака к свету». Характерной для политического содержания газеты была статья о русской социал-революционерке Татьяне Леонтьевой. Эта женщина в Интерлакене лишила жизни одного безобидного обыва-

теля, приняв его за русского министра. «Скорпион» воспел это как геройский поступок: «Мы считаем, что хорошее дело или намерение — каков бы ни был результат его — не наказуемо, мы считаем, далее, что не имеет никакого значения, если, благодаря слепому случаю, пострадал непричастный». «Твои нравственные сила и мужество, любящая и ненавидящая девушка, окружают тебя золотым сиянием. Ты указала слабым и нерешительным путь к счастью и свободе». Если и не сознательно политически, без намерения, все-таки фактически здесь восхвалялись индивидуальные террористические акты как путь к освобождению рабочего класса.

Под влиянием одной анархистской группы цюрихский «Союз рабочих юношей» все более запутывался, и в его деятельности наблюдались весьма странные явления. Так, в номере четвертом «Скорпиона» в одной статье говорилось о юношеской организации: «В некоторых наших членах стремление к свободе так развито, что они отказываются даже от линованной бумаги, так как не хотят, чтобы линии принуждали их придерживаться при письме определенного направления».

Самой популярной книгой было сочинение Макса Штирнера «Единственный и его собственность».

Этот анархический период продолжался еще, когда я вошел в швейцарское движение молодежи. Анархистское влияние сказывалось не только в теории, в специфическом уклоне теоретических интересов, но и в повседневной практике и во всей деятельности объединения рабочей молодежи. Местом собраний тогдашней рабочей молодежи был «Бокен-Хюсли» в Аусерзиле (район в Цюрихе). «Бокен-Хюсли» благодаря рабочей молодежи стал историческим местом. Многочисленные русские товарищи, жившие в Швейцарии в эмиграции, и многие вожди современного рабочего движения вели там горячие дискуссионные бои.

В 1920 г. я был делегирован на II конгресс Коммунистического Интернационала. В Москве я вместе с Лазарем Шацкиным в четыре часа ночи посетил народного комиссара по иностранным делам, товарища Чичерина. Я начал несколько официально представляться, но Чичерин перебил меня: «Не нужно, ведь мы с вами знакомы еще по Бокен-Хюсли». Чичерин, как и многие другие русские эмигранты, был членом «Союза рабочих юношей» и частенько заходил в «Бокен-Хюсли». «Бокен-Хюсли» был двухэтажным домом, отведенным муниципалитетом под клуб рабочей молодежи. Дом стоял на дугу и был окружен рядом деревьев. Это позволяло нам веселиться и шуметь, сколько душе угодно, не опасаясь вызвать неудовольствие соседей или

прохожих. В клубе жизнь была ключом. Однажды вечером я довольно поздно пришел в «Бокен-Хюсли». Как только открылась входная дверь, на меня оскалился череп со сверкающими впадинами. По лестнице скатились такие же черепа. Председатель, открывая собрание, держал в руке огромную бедренную кость, заменявшую ему колокольчик. Поблизости перекапывалось кладбище. Этим воспользовались ребята, чтобы притащить в дом для забавы несколько корзин, наполненных костями и черепами.

Всюду, где были деятельная жизнь, шум и свалка, — ребята были первыми. Незадолго до моего приезда в Цюрих в одном из самых больших помещений города состоялось собрание, созванное католическими попами и цюрихской католической организацией для протеста против движения свободомыслящих в защиту памяти расстрелянного Франческо Ферреро. Как только открылось собрание, началась битва. Рабочая молодежь заняла всю сцену, и когда попы открыли собрание, ребята подняли вверх гигантский плакат с надписью: «Месть за Ферреро», «Долой Рим!» Это послужило сигналом к такой грандиозной потасовке, какой еще никогда не бывало ни на одном собрании в Цюрихе. При поддержке цюрихских рабочих, особенно же итальянских массонов и гамбургских плотников, ребята основательно избили попов и выгнали их из зала. Боевой энтузиазм в потасовке проявлен был исключительный. Когда через полчаса явилась полиция, она, кроме нескольких дюжин поломанных столов, сотен поломанных стульев и разбитых стаканов, нашла также с десятков башмаков, снятых в пылу битвы и брошенных в головы попам.

Теперь я вел совершенно другую жизнь, нежели в бытность мою на эрфуртской обувной фабрике. Там меня каждодневно угнетала забота о заработке и угроза увольнения. Здесь, в Цюрихе, у меня было сравнительно прочное положение. Мой аптекарь был польский эмигрант, питавший глубокую ненависть к пангерманцам и к германскому национализму. Отсюда — его сочувствие к социалистическому рабочему движению. Он предоставлял мне много свободы. Я часто и надолго отлучался от работы, в последние годы даже на несколько дней и недель, когда разъезжал с докладами по швейцарским городам. После ряда голодных лет, после лишений, после отчаяния перед лицом окостенелой эрфуртской бюрократии, движение швейцарской рабочей молодежи казалось мне свежим ветром. И я бросился очертя голову в водоворот и скоро стал одним из наиболее деятельных и ретивых. В то же время я принялся за чтение новой для меня анархистской и синдикалистской литера-

туры. Я проглатывал все, какие только мог достать, анархистские и синдикалистские журналы. Прочитал все сочинения Петра Кропоткина, в том числе «Хлеб и воля», «Записки революционера», «Историю французской революции», «Историю русской литературы» и т. д., брошюры и книги Бакунина, Моста и др. Эта литература захватила меня, особенно потому, что представляла для меня нечто новое, неизвестное. До того мне не случалось читать такой литературы, и я ничего не слышал об анархистском движении и анархистских группах. Более всего привлекали меня теории антигосударственности, безвластия и нападки на партийный централизм. После печального опыта с эрфуртскими партийными жрецами и с бюрократией я находился в весьма бунтовщическом настроении. Огромное впечатление произвела на меня антимилитаристская тенденция, красной нитью проходившая в анархистской и синдикалистской пропаганде. На ряду с социал-демократическими партийными попами я ничего так страстно не ненавидел, как прусскую казарму. К этому надо прибавить сознание, что я попал в круг людей, которые не только говорят и говорят, слушают лекции и изучают историю, но и требуют активности, жаждут живого дела и готовятся сами творить историю. В течение нескольких месяцев я всецело находился под влиянием всего этого нового и до того незнакомого мне. В «Общем Благе» от 25 января 1911 г. я опубликовал стихотворение «Солдатская доля». Так как оно характеризует тогдашние антимилитаристские тенденции и идеи, хотя и неясные еще швейцарской рабочей молодежи, я привожу его здесь.

СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ

Губы влажны, бледны и дрожат,
Катятся слезы из глаз:
Отрывают от близких меня.
Как мне это, скажите, понять?
Орудия убийства мне в руку дают:
„Коли любишь отчизну,
Стреляй, убивай!
Раз я приказал, ты не должен щадить
Ни мать ни отца своего.
В решительный час
Целься лучше, пали!
То приказ твоего повелителя „милостью божьей“.
Песням, молитвам
О „храбром“ солдатском сословии
Учат меня,
О бойнях „молодецких“, кровавых
За бога, отечество и короля.
Клятвы требует черная ряса

Что на фронте буду я молодцом,
Как „истый“ мужчина,
На месте своем,
С отточенным мечом,
К плечу винтовку приложив
И к небесам поднявши взор,
В сердце врага пули пускать.
И даже друга своего
Не смею я щадить,
Пока трава не оросится кровью,
Не пронесется всюду смерть.
Тогда возьми распятыя в руки и молись—
Так хочет твой король, так хочет бог.
И волокут меня далеко от родного края,
От гор и высей,
Где тебя, любимая, так часто я ласкал.
Прощай! Прощайте все!
Меня уводят, ташат прочь...
Зачем?.. Я не могу понять.

К сожалению, в этот период мы не ограничивались изучением синдикалистских и анархистских идей, но в нашем юном порыве стремились немедленно претворить в жизнь эти анархистские идеи. Это имело для нашей организации молодежи плохие последствия. Так например, мы постановили упразднить президиум и каких бы то ни было председателей, так как недостойно свободных людей подчиняться какому-то председателю и просить у него слова. Истинно-свободные люди сами знают, когда, как и сколько им говорить. На практике же все было иначе и отнюдь не соответствовало нашим теоретическим представлениям. В большинстве случаев все говорили сразу или только тот, кто умел других лишать слова. Далее, мы отменили все взносы. Это тоже было признано недостойным свободных людей. Мы осудили эти принудительные определенные взносы как мелкобуржуазное социал-демократическое зло централизованных профессиональных союзов. Мы были твердо убеждены в том, что каждый будет давать организации добровольно по своему заработку и возможностям. Но, к сожалению, вскоре выяснилось, что почти никто ничего не давал. С поистине ребяческой наивностью производили мы наши организационные эксперименты. Неудача этих анархистских опытов в организации молодежи немало способствовала тому, что группа членов, в том числе и я, начали критически относиться ко всем анархо-синдикалистским идеям.

Насаждавшееся, особенно Фрицом Брупбахером, антиавторитарное настроение привело также в нашем кругу к недооценке теории вообще и в особенности марксистской. Докладчики на собраниях рабочей молодежи приглашались

только для того, чтобы в дискуссии хорошенько высмеять их и разделать их под орех. Перед приходом докладчика мы сговорились, как расправиться с ним в дискуссии, и заранее распределяли между собою роли. Одной из жертв был Генрих Брандлер, приглашенный нами для прочтения доклада о марксизме, в тот период юношеского движения не пользовавшемся нашими симпатиями. Брандлер к тому же сделал доклад в крайне ортодоксальном духе, и мы так напали на него в развернувшейся дискуссии, что он потом с бешенством требовал в социал-демократическом «Свободном согласии» и в «Рабочем союзе» респуска «Союза рабочих юношей» и замены его, по германскому образцу, комиссиями по делам молодежи. С того времени Генрих Брандлер всегда считал меня диким анархистом.

Наше неуважение к авторитету старых партийных лидеров привело ко многим резким столкновениям. О некоторых из них я здесь расскажу.

Огромное ликование вызвал среди нас следующий случай. Во время горячих дебатов на одном собрании престарелый вождь швейцарской социал-демократии, Герман Грейлих, так сказать, швейцарский Август Бебель, носивший длинные седые волосы, крикнул, обращаясь к нам: «Если вы ничего другого не уважаете, то отнесите с уважением хотя бы к моим сединам!», на что немедленно раздался ответ: «Я еще не видал ни одного осла, у которого бы не было серых¹ волос». Или на другом собрании, когда социалистический лидер, член суда Отто Ланг требовал от молодежи больше уважения к старшим, один парень с такой же молниеносной быстротой бросил реплику: «Мы не знаем, что это такое — «уважение». Нас больше интересует хороший кусок свиного сала!»

Озлобление против буйного поведения молодежи на собраниях взрослых рабочих было так велико, что однажды один социал-демократический активист, добродетельный отец семейства, крикнул в нашу сторону: «Заткните глотку, вы должны быть нам благодарны уже за то, что мы произвели вас на свет». На это немедленно раздался ответ: «Ведь это вы сделали не ради нас, а ради своего удовольствия!»

Ничего удивительного поэтому нет в том, что в 1910 — 1912 гг. цюрихский «Союз рабочих юношей» наводил ужас на социал-демократических отцов города и высоких социал-демократических сановников.

Осенью и зимой 1910 г. я впервые познакомился с русскими эмигрантами. Потом, в течение моего восьмилетнего

¹ По-немецки grau значит „седой“ и „серый“.

пребывания в Швейцарии, я приобрел многочисленных знакомых среди русских. Одним из первых был Георгий Чичерин, во время войны — Ленин, Крупская, Зиновьев, Мануильский, Радек, Троцкий и многие другие. При посредстве Фрица Брупбахера я весной 1911 г. познакомился также с Верой Фигнер и намеревался посетить в Лугано Петра Кропоткина. Но, к сожалению, за несколько дней до моей поездки в Лугано полиция выслала меня из Швейцарии.

Среди русских эмигрантов были различные рабочие, с которыми я поддерживал дружеские отношения. Особенно помню молодого маляра Марголиса.

Осенью и зимой 1910/11 г. мы — по крайней мере, наша небольшая группа — преодолели самую худшую анархистскую фазу. И в «Союзе рабочих юношей» начались теперь бурные споры о тактике, которой следовало впредь придерживаться. Некоторые анархисты попытались решить борьбу за изменение курса при помощи кулаков. В пресловутой Ланггассе, цюрихской улице, где происходило большинство побойщ, анархисты окружили меня как представителя новой, требующей изменений группы, и когда я отклонил их доводы, они попытались при помощи изрядной порции колотушек убедить меня в правильности старого анархистского курса. Это было последнее объяснением с анархистской группой. Уже через несколько недель анархисты были исключены из организации. «Союз рабочих юношей» решил вступить в более тесную связь с рабочим движением и бороться внутри рабочего движения. Мы ликвидировали как помещение для собраний так полюбившийся нам «Бокен-Хюсли», и нам отвели зал в новоотстроенном Народном доме на площади Гельвеция.

Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ИТАЛЬЯНСКОЙ ЮНОШЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Весною 1911 г. я с одним приятелем и товарищем по цюрихской организации Генрихом Фришем в первый раз предпринял поездку в Италию. Целый год мы усердно копили деньги. С нашими восемьдесятю франками мы казались себе миллионерами, несмотря на то, что больше половины этой суммы стоили железнодорожные билеты от Цюриха до Рима. Через Готтардский туннель, Лугано и Комо мы поехали в Милан. Особенно неизгладимое впечатление произвел на меня кантон Тессин со своими чудесными озерами, обширными виноградниками, оливковыми деревьями и живописными итальянскими деревушками.

В Милане мы зашли в бюро труда, где нас приняли очень радушно. В тот же вечер мы выступили на собрании миланских социалистов по вопросу об антимилитаристской тактике. Миланская социалистическая организация всегда была особенно радикальной и настроена определенно антимилитаристически. При посредничестве бюро труда мы связались с вождями социалистической организации молодежи, устроившими нам ночлег и стол у членов организации.

Итальянская социалистическая организация молодежи принадлежала к числу лучших революционных антимилитаристских боевых организаций Социалистического юношеского интернационала перед войной.

Все попытки реформистского крыла итальянской социалистической партии ограничить самостоятельность и антимилитаристскую борьбу юношеской организации не имели успеха. В 1909 г. центральный комитет социалистической молодежи Италии опубликовал ясную, четкую и прекрасно написанную декларацию протеста против позиции тогдашнего реформистского правления партии по вопросу об антимилитаристской тактике. Как ответ на это правление 7 июля 1912 г. на съезде партии внесло предложение распустить в Италии юношескую социалистическую организацию. Но партийный съезд, при участии нынешнего фашистского диктатора Муссолини, скovyрнул реформистское правление и избрал вместо него более левое и радикальное. Партийный съезд спас юношескую социалистическую организацию Италии от разгрома. Организация эта насчитывала 82 местных ячейки и объединяла свыше 6000 членов. Итальянская социалистическая молодежь и во время войны осталась верна своим антимилитаристским принципам. В 1914/15 г. она стойко боролась против участия Италии в империалистической войне и позже, когда военные действия все-таки начались, она боролась против войны. Сейчас же после вступления Италии в мировую войну тогдашний секретарь юношеской организации Катанези был мобилизован и послан на один из самых опасных участков фронта, где он уже через несколько дней был убит. Его преемник, товарищ Доскани, в 1917 г. за распространение антимилитаристских воззваний Социалистического интернационала молодежи был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Итальянская социалистическая юношеская организация одна из первых в 1915 г. присоединилась к Бернской конференции и участвовала в основании Коммунистического интернационала молодежи осенью 1919 г. в Берлине. Ее секретарь Полано в течение ряда лет был членом Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи.

Перед нашим отъездом нам дали адреса и рекомендательные письма в партийные организации и к товарищам в Генуе, Флоренции, Венеции и Риме. Из Милана мы сперва отправились в Геную. Генуэзская социалистическая организация молодежи приняла нас с товарищеской теплотой. Члены ее дрались между собой из-за того, у кого из них мы будем есть и спать. Сопровождаемые ими, мы в течение ряда дней осматривали Геную и ее окрестности. Послеобеденное время мы проводили на берегу моря, и мой спутник показал себя отличным пловцом. К сожалению, не могу сказать того же о себе, так как река Гера в Эрфурте была неподходящим местом для выработки океанских пловцов. Все-таки я не хотел совсем отстать от него и однажды надел спасательный круг и смело отдал себя на волю морских волн. Но непривычные движения, солнце и вода скоро утомили меня, и я заметил, что мои силы ослабевают. Я рисковал утонуть и отчаянно взывал о помощи. Итальянские товарищи, разумеется, не понимали ни одного слова из моих воплей и думали, что я ору от удовольствия и хочу показать, какой я молодец. И они спокойно смотрели, как волны уносили меня все дальше в открытое море. Наконец мой цюрихский приятель понял положение, вместе с несколькими итальянскими товарищами поплыл за мною и полуживого вытащил меня на берег.

Из Генуи мы поехали в Рим, где участвовали на собраниях рабочей молодежи и агитировали за Интернационал молодежи. Несмотря на регулярное посещение юношеских организаций, у нас оставалось достаточно времени для ознакомления с Римом и его окрестностями. Мы часами просиживали на Форуме и вспоминали все моменты римской истории. «Катались» через Виа Аппия за город, в Кампанию, и мечтали там о деяниях, которые позже еще хотели совершить. Из неизмеримых художественных сокровищ, натаस्कанных в Рим римскими патрициями и папами и особенно собранных в Ватикане, ничто так не захватило и не потрясло нас, как грандиозная картина «Страшный суд» и плафон Сикстинской капеллы кисти Микель-Анджело.

Из Рима мы поехали во Флоренцию, где приняли участие в демонстрации местной юношеской организации. Меня поражало, что в колоннах шло много товарищей, отбывавших воинскую повинность, в солдатской форме. Я вспомнил Германию и подумал, что там это совершенно невозможно. После демонстрации мы с несколькими итальянскими товарищами совершили прогулку в чудесно расположенный Фьезоле, а вечером, вместе с товарищами в форме, с пением

«Интернационала» и с красными знаменами вернулись в город.

Пребывание в Венеции мы принуждены были сократить, так как наши капиталы, несмотря на максимальную экономию и несмотря на то, что мы повсюду пользовались широким гостеприимством итальянских товарищей, исчерпались. И через Верону мы поехали обратно в Цюрих. Мы прибыли туда совершенно изголодавшимися, но с здоровым загаром и полные богатых переживаний и впечатлений от посещения чудесной страны.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Поездка в Италию, особенно встречи, совещания и беседы с итальянскими товарищами подействовали на нас благотворно. В Цюрихе мы приступили к созданию подлинно-пролетарской и социалистической юношеской организации. Заблуждения анархистского периода были окончательно изжиты. В юношеской организации мы ставили три основных задачи: культурно-просветительная работа, экономическая борьба и антимилитаристская пропаганда. С теми же энтузиазмом и страстью, которые прежде привели нас к анархистским крайностям и ошибкам, мы приступили теперь к осуществлению этих трех задач в социалистической организации молодежи.

В первом сборнике швейцарской социалистической юношеской организации, вышедшем из печати 1 мая 1912 г. под названием «Утренняя Заря», под моей редакцией, напечатан календарный план культурно-просветительных вечеров и докладов в нашей цюрихской группе от 1 марта 1911 г. до 1 мая 1912 г. Каждую неделю делался один доклад и несколько раз в неделю происходили собрания группы. В числе других докладов были прочитаны доклады об алкоголизме, о мартовской революции 1848 г. в Германии и о Парижской коммуне 1871 г. На последнем докладе я мог воочию убедиться в силе внушения хорошего оратора. О Парижской коммуне говорил Фриц Брупбахер. Как раз в то время тогдашний германский император Вильгельм II велел передать от его имени генералу Галлифэ, палачу Парижской коммуны, в день его рождения венки или какой-то другой знак внимания. Брупбахер так живо и ярко описал варварскую роль убийцы коммунаров Галлифэ, что один из слушателей вдруг вскочил и вскрикнул: «Кто идет со мной в Париж?» Другие доклады читались на следующие темы:

профессиональные союзы и кружки фабричных учеников; Генрих Гейне; война и пролетариат; задачи социалистической организации молодежи; почему мы празднуем 1 Мая; рабочее движение и политика; молодая работница и ее организация; стачка каменщиков; история швейцарского юношеского движения; борьба с туберкулезом; средневековое искусство; итальянские воспоминания; права и обязанности членов; о религии; экономическое положение учеников; эпизод классовой борьбы в средневековье; милитаризм и пролетариат; причина дороговизны за границей; причины турецко-итальянской войны; юношеские суды; вопросы дороговизны; Феррер; Толстой; участие в жизни современного государства; партия и молодежь; чего хотят социалисты; охрана ученичества; о порнографической литературе; как Карл Маркс сделался социалистом; как Бакунин сделался анархистом; русская редакция и ее судебное преступление по отношению к депутатам думы; интернациональная борьба горнорабочих; основы социализма.

Уже приведенные темы показывают, какая серьезная пропагандистская и просветительная работа велась среди рабочей молодежи. Кроме этих, происходивших раз в неделю собраний членов или дискуссионных вечеров, часто устраивались специальные дискуссионные вечера со свободным входом для всех желающих и ряд открытых агитационных собраний. Были образованы особые кружки для подготовки ораторов и молодых докладчиков. Стенная газета, которую я в 1920 г. при посещении Советского Союза увидел в русских юношеских организациях, тоже имела свою предшественницу в Цюрихе. Мы завели тетрадь, в которую члены записывали свои статьи на литературные, политические и экономические темы. Многие из этих статей печатались потом в газете юношеской организации и в общепартийных и профессиональных органах. Эта тетрадь придала мужества многим попробовать свои силы в сочинении статей и рассказов.

В качестве образцов я приведу здесь из нашей тетради, заменявшей нам стенную газету, два рассказа.

ПРОСТИТУТКА

В темную ночь родилась она. Ее мать была нищенкой, а отца своего она никогда не знала. В мраке ночном росла она, в мраке столицы жила она. Она была еще очень молода, почти ребенок, когда ею воспользовался «порядочный» господин. От матери она научилась только одному способу зарабатывать на жизнь и применяла этот способ.

Там, где в самом бедном районе города расположена самая мрачная, самая глухая улица, жила она. Она видела вокруг себя только грязь, нищету и горе. Ее жизнь напоминала вялое течение мутного потока среди мира грязи и нужды, без смысла и цели. Но вдруг она пробудилась к жизни. Благодаря одной прочитанной книге она познала действительность и осознала весь ужас своего положения. Поняла законы бытия, прозрела смысл жизни и содрогнулась перед своей участью. И начала стремиться выбраться из трясины. Священное, великое, все отесняющее пламя охватило все ее существо. Свободы! Света! Солнца! Потом она встретила его... Молодого, белокурого рабочего, крепкого и мускулистого, грубого и низменного. Вся ее душа порывалась к чистоте великих идеалов. И чем глубже опускался ее друг, тем больше она старалась спасти его. Она кормила и одевала его, давала ему деньги на уплату за комнату и на водку. «Мне необходима водка, а то я умру», сказал он ей. И со слезами она давала ему требуемое, в надежде все-таки спасти его. С каждым днем она все больше постигала тайну жизни. Внутренним взором она видела истинные источники всех своих страданий. Она ненавидела причины человеческих страданий и любила их жертвы. Однажды он пришел к ней, как всегда, за деньгами. У нее оставалось только еще несколько грошей, столько, сколько ей казалось нужным для ее похорон. Этих денег она не хотела дать ему. Чем настойчивее он требовал, тем тверже она отказывала. Тогда, возбужденный водкой и яростью, он выхватил нож и заколол ее. Вскрикнув, она упала. Когда она пришла в себя, ее окружали полицейские. И тот господин, что первый взял ее, сказал, что женщина будет жить всего еще несколько минут. Но в последний раз она почувствовала прилив сил и мягким голосом рассказала присутствующим о своей юности, своих страданиях и борьбе.

— Как имя убийцы?

Усталый отрицательный жест бледной, как воск, руки. Она продолжает рассказывать о нужде, которую наблюдала вокруг, о своей любви и о нем.

— Его имя?

Еле слышен ее голос, слабеет дыхание. Только шопотом может она назвать врагов, сделавших его, любимого, убийцей.

— Имя! Имя!

Ее глаза сияют всепрощающей любовью, на лице нежная, светлая улыбка.

— Имя!

— Этого вы никогда не узнаете!

КЛЯТВОПРЕСТУПНИЦА

Он прибыл из далекой чужой страны искать защиты от своих диких, кровожадных врагов. Вместе с другими юношами он рисковал своей жизнью для того, чтобы умертвить чудовище, которое вот уже несколько столетий высасывало всю кровь его народа. Это не удалось ему. И, тяжело раненый, он припелся к нам залечить свои раны и собраться с силами. Но власть и влияние чудовища далеко простирались, и в нашей стране нашлись прислужники, которые связали юношу и хотели отвезти его обратно, туда, где ждала его смерть. Тогда шесть человек составили заговор, чтобы разрушить этот план и вырвать жертву из рук прислужников палача. Попытка не удалась; их предали, и они были обвинены в тяжелом преступлении. Их ожидало долготное тюремное заключение. Но их спасла женщина. Ее губы трепетали и содрогнулась ее душа, когда она должна была присягнуть в том, что подсудимые в то самое время были у нее. Но надежда во взорах подсудимых и ужасная мысль, что эти люди, желавшие только добра, на годы будут лишены свободы, рассеяли все сомнения, и твердо и громко она произнесла:

— Именем бога, клянусь!

Люди были спасены.

Прошло уже много-много лет, когда вдруг раскрылось, что она дала ложную присягу. Ее привлекли к ответственности и осудили. С гордо поднятой головой, в сознании исполненного долга, вошла она в тюремную камеру. Все лицемеры, ханжи, лакен и прочая жалкая мразь шипели ей вслед: «Преступница».

Но миллионы нового поколения славил ее как героиню.

* *
*

Теперь наша организация, на ряду с культурно-просветительной деятельностью, в гораздо большей мере, нежели прежде, интересовалась экономической борьбой учеников и молодых рабочих. По вопросу об экономическом положении учеников созывались специальные собрания. К участию в прениях приглашались и мастера. Осенью 1911 г. мы, кроме устройства широких собраний по вопросу об ученичестве, проводили демонстрации против мастеров, особенно дурно обращавшихся с учениками. Перед их мастерскими происходили собрания и произносились бурные речи. Мы распевали о мастерах-истязателях обличитель-

ные сатирические песни и оглашали воздух негодующими криками. Мастера вызывали полицию, но до ее появления ребята расходились. Иногда эти демонстрации давали известный положительный результат. В отчете об одной из таких демонстраций в конце говорится: «Вызванная хозяйка обещала внести улучшения». Речь шла об одной прачечной, где девушки работали без ограничения времени.

Несмотря на экономическую борьбу и культурно-просветительную работу, мы не забывали и антимилитаристской пропаганды. Этот вопрос прорабатывался в многочисленных докладах и в ряде дискуссионных вечеров. Мы принимали участие во всех антимилитаристских выступлениях партий, поддерживали связь с новобранцами в казармах и распространяли в массах антимилитаристские сочинения, как «Антимилитаризм и милитаризм» Либкнехта, «Отечество богатых» Гервега и др. В числе других публичных антимилитаристских выступлений состоялось 17 июля 1911 г. массовое собрание в цюрихском «Велодроме». Устроителями собрания были «Союз рабочих юношей» и социал-демократическая группа «Свободное согласие». Председательствовал на собрании я, а докладчиком был товарищ Карл Либкнехт, которого я незадолго перед тем встретил в Арбоне на Боденском озере. Либкнехт горячо отстаивал необходимость развития социалистических организаций молодежи. Он говорил следующее: «Социализм имеет задачу бороться с милитаризмом как явлением, тормозящим культурное развитие. Какими средствами вести эту борьбу? Прежде всего, необходимо просветить винтовки, т. е. разъяснить солдатам сущность и последствия милитаризма. В этой работе организации молодежи могут быть особенно полезны и ценны. Пролетарскую молодежь заставляют проливать свою кровь за эгоистические интересы капитала. К ней мы и должны обратиться в первую очередь. Вне всякого сомнения, если только нам удастся просветить рабочую молодежь, — милитаризм развалится, так как будет подточен его фундамент. Дезертирство нецелесообразно, как всякий единичный акт. Вся армия должна стать красной. Юношеское движение должно влиять в этом направлении на партию и профессиональные союзы и показывать им пример последовательной антимилитаристской пропаганды. Будем развивать классовое сознание! Будем способствовать росту международного социализма!»

В добавление к научным докладам и демонстрациям мы устраивали еще целый ряд интересных собраний, ежегодно в январе — о русской революции, празднование 1 Мая, специальные юношеские дни и т. д.

Летом 1911 г. мы порвали, наконец, со старой традицией союза рабочей молодежи, по которой в число членов принимались только юноши, и постановили впредь принимать и девушек; была основана особая секция девушек. В то же время название «Союз рабочих юношей» было изменено в «Социалистическая организация молодежи Цюриха». Началась оживленная пропаганда за укрепление этих секций девушек. Мы старались всеми средствами организовать в них как можно большее число молодых работниц. Между прочим, мы устроили как-то общедоступный доклад. На пригласительных билетах была напечатана тема: «За кого должна выходить замуж девушка-работница?» На собрание пришло около пятидесяти молодых работниц. Доклад делал я. После того как я говорил минут 15—20, половина девушек оставила зал. Они ожидали, что мы не только изложим биографии кандидатов в их мужья, но и вручим их фотографии. Остальные высидели до конца, но в дискуссии приняли участие только две девушки. Однако кое-какой положительный результат все-таки был: около восьми молодых работниц вступили в число членов секции. Наши же пригласительные билеты со слишком завлекательной темой приводились всей буржуазной прессой как документ, иллюстрирующий нашу безнравственность.

Новый политический курс и энергичная и разнообразная деятельность привели к укреплению юношеской организации. Группа Цюрих-Аусерзиль численно выросла больше чем вдвое; образовались новые группы — в Риссбахе, Видиконе и фабричном районе. В остальной Швейцарии тоже очень оживилось все движение молодежи. Но руководящей группой была и оставалась цюрихская организация. В нашей организации образовалось крепкое ядро ребят, связавших свою жизнь непосредственно с организацией, для которых работа в социалистическом юношеском движении стала их единственной жизненной задачей. Каждый день, каждая свободная минута принадлежали социалистической организации молодежи. В своем юношеском идеализме, в лучшем смысле этого слова, мы были убеждены, что сможем перевернуть мир. В нашей тетради многие товарищи в кратких изречениях выразили наши настроения. Например: «Если мы боремся за будущее молодежи, то это не значит, что мы отказываемся от настоящего». «Нет никакого позора в желании завоевать мир и в невозможности это сделать; зато позорно быть в силах это сделать — и не хотеть». Мы были одушевлены безграничной жаждой деятельности и пользовались всяким поводом, чтобы посредством организации политических выступлений, собраний и демонстраций «хоть

что-нибудь сделать». Но некоторым из нас казалось это недостаточным. Часами мы ломали себе головы над тем, что нужно предпринять для того, чтобы заставить двигаться быстрее хромую клячу социал-демократической партии. Нам надоела теория, и мы хотели действовать. Этот избыток деятельной энергии толкнул нас на поступки, которые можно объяснить только тогдашними настроениями среди рабочей молодежи. Цюрихская «Бюргерская Газета» особенно агрессивно вела себя по отношению к рабочему движению и всячески травила рабочую молодежь. Мы решили хорошенько проучить ее. Однажды ночью мы отвинтили весьма объемистую мраморную вывеску «Бюргерская Газета» и потащили ее в мансарду одного редактора социал-демократического «Народного Права». Бедняга порядком испугался, когда мы положили к нему на кровать увесистую мраморную доску, имевшую около трех метров в длину, в качестве утреннего подарочка. Он заклинал нас во имя всего святого как можно скорее убрать ее и бросить в реку. Неделью спустя мы, человек десять парней, выстроились перед зданием «Бюргерской Газеты» и по команде: «Раз, два, три! Пли!» разбили все окна. Потом, удовлетворенные, отправились по домам. В 1911 г., на рождестве, мы обратили на себя внимание всего Цюриха. В первый день праздника мы прибили к убогой телеге самую жалкую рождественскую елку, какую только могли раздобыть, и развесили на ней особые украшения: судебные постановления, залоговые квитанции, описи судебного исполнителя, объявления о повышении квартплаты и подобные документы. В двенадцать часов мы двинулись в путь, по Вокзальной улице, как раз в то время, когда откормленные цюрихские мещане торжественно возвращались домой засесть за празднично накрытый стол. При этом мы распевали сочиненные нами рождественские песни весьма неблагочестивого содержания. Высмеиваемые буржуа осыпали нас неистовыми ругательствами и пытались натравить на нас полицию. Но мы производили такое дикое впечатление, что ни один полицейский не отважился подступить к нам. И мы беспрепятственно протащили нашу своеобразную рождественскую елочку по всему Цюриху и благополучно вернулись в Аусерзиль.

Наша оживленная агитационная и пропагандистская деятельность была весьма нежелательной конкуренцией для партии. И она неоднократно заявляла нам, что ей одной принадлежит право организации таких выступлений. Для того, чтобы нас проучить, социал-демократический клуб «Согласие» назначил на пятницу массовое собрание с участием бывшего секретаря бельгийской организации моло-

дежи де Мана, в то время как мы такое же собрание предполагали устроить в понедельник. Недолго думая, мы в четверг и в пятницу утром распространили десять тысяч листовок, в которых говорилось: «Единственный интернациональный митинг состоится только в понедельник». Затея «Согласия» позорно провалилась. Это послужило поводом к новым атакам против самостоятельности юношеской организации.

В своем рвении наша аусерзильская цюрихская группа даже стала в оппозицию к центральному комитету швейцарской социалистической юношеской организации, возглавлявшейся тогда Максом Боком. На делегатских собраниях в Люцерне в 1911 г. и в Винтертуре в 1912 г. мы не участвовали в выборах центрального комитета и сконструировались, так сказать, как собственная группа. Но на особых делегатских собраниях цюрихские делегаты вели решительную борьбу против комиссий по делам молодежи, предложенных Генрихом Брандлером, Робертом Гриммом, Францом Платтенем и швейцарской социалистической партией, и против всякого ограничения самостоятельности наших организаций молодежи.

Прекрасным дополнением к оживленной деятельности социалистической организации молодежи в различных областях были воскресные экскурсии на окрестные озера и в горы. Не менее раза в месяц предпринимались более дальние экскурсии, например, на Миф в Швицком кантоне или на другие горы, высоту от 2300 до 2500 метров.

Для занятия литературой в социалистической организации молодежи была выделена специальная группа. Молодой русский маляр Марголис, Генрих Фриш, с которым я ездил в Италию, несколько других товарищей и я образовали кружок и устраивали литературные вечера. Прежде всего нас захватила русская литература, и мы читали все книги, какие только могли достать, — Гоголя, Тургенева, Достоевского, Герцена, Толстого и Горького. Ночи напролет мы спорили о содержании романов, об отдельных персонажах, об идее автора и, главное, о значении этих книг для нашей пропаганды и для всего революционного движения. Период увлечения русской литературой сменил Ибсен, которого мы обсасывали в течение многих месяцев. Его пьесы «Призраки», «Пэр Гюнт» и особенно «Нора» произвели на нас глубокое впечатление. Некоторое время Нора была для нас идеалом женщины. Но ибсеновский период продолжался недолго. После периода увлечения французской литературой мы открыли Стриндберга. Стриндберг быстро помог нам ликвидировать Ибсена с его Норой. Среди нас разлилась

своего рода эпидемия стриндбергианства. Отныне мы читали только книги Стриндберга. И одним из последствий этого было то, что меня чуть не исключили из «Рабочего союза». Чрезмерно чувствительные и несколько религиозно настроенные социалистические воскресные проповедники и ханжи считали, что чтение книг Стриндберга крайне развращает цюрихскую молодежь. Его книга «Исповедь глупца» казалась нам откровением, и на меня лично она оказала весьма отрицательное влияние.

В тот период некоторые из нас принимали участие в организованных Фрицем Брупбахером литературных вечерах. В 1904—10 гг. Фриц Брупбахер как главный оратор и руководитель «Рабочего союза» пытался преобразовать социалистическое движение в революционное массовое движение. Разуверившись в близком осуществлении этого, он посвятил себя теоретической подготовке небольшого круга рабочих. Он хотел развить отдельных индивидов, чтобы они потом действовали как дрожжи в тесте. Он работал с невероятным терпением. В течение ряда лет он вел систематические занятия в своем кружке и старался дать членам кружка научные и литературные познания, а также воспитать их. В эту пору был как раз литературный период. Каждый участник — всего было человек 15—20 — должен был проработать книгу и написать о ней доклад. Мне досталось «Преступление и наказание» Достоевского. В течение нескольких месяцев я усердно работал над этой темой, и доклад заслужил одобрение Брупбахера и сочувственно был принят в руководимом им кружке. Позже Брупбахер отказался от своей затеи, так как, несмотря на его исключительную способность к такой работе и несмотря на его многолетнее терпение, только очень немногие получили надлежащее развитие. Когда я потом как-то заговорил с ним о неуспехе его попыток, он сказал мне: «Видите ли, милый друг, я убедился, что из мопса нельзя сделать борзую собаку».

После стриндберговского периода в нашей группе мы подпали под власть еще худших настроений: начали читать Ведекинда и подобных писателей и познакомились с группой литераторов и художников, по примеру Мюзамы в Мюнхене, образовавших в Цюрихе кружок синдикалистско-анархистских художников. После разочарования в анархизме, после разочарования в партии и после того, как нам казалось, что работа в социалистической юношеской организации тоже разворачивается недостаточно бурно и быстро, мы зимой 1911—12 гг. переживали новый кризис. Стали скептиками, кисло острили, и весь мир казался нам пошлым,

пустым и прогнившим. Некоторые из нас носились с мыслью о самоубийстве, ибо вся жизнь представлялась им бесцельной. Настроение этого времени прекрасно передается одним товарищем, написавшим стихотворение следующего содержания:

„Ноябрь, холод, туман, сыро и мрачно. На Лысой горе, где бушует ветер и льет дождь, стоят три черных виселицы; на них висят три старые проститутки, покрытые вшами, грязью и изъеденные сифилисом: Вера, Надежда и Любовь!“

Рождественская демонстрация 1911 г. в Цюрихе

Таково было наше настроение в зиму 1911—12 г., так мы представляли себе весь мир и так называемые идеалы. Совершенно ясно, что подобное настроение мало способствовало активной работе в юношеской организации. Кое-кто из нашей группы все более и более погружался в такие настроения и был потерян для рабочего движения и пролетарской классовой борьбы. Но другие, и в их числе я, быстро преодолели этот новый кризис. Мне всегда внутренне претили эти вечные самоковырянья и нездоровая критика. Я был к тому же проникнут неукротимым стремлением к практической, созидательской работе и деятельности.

В своем желании положительного дела я отбросил Стриндберга и принялся за изучение произведений Маркса, Энгельса, Меринга и особенно Лассаля. Это значительно облегчило мне возвращение к активной работе в социалистической организации молодежи и в рабочем движении. В это же время я познакомился с прекрасной девушкой, которая всей своей жизнью и своими многолетними великими жертвами ради меня навсегда опровергла — ложно понятые нами к тому же — теории Стриндберга и Ведекинда. Я снова преисполнился твердой и непоколебимой верой в социалистическое рабочее движение и в самоотверженно преданных ему деятелей.

Весною 1912 г. наша группа реорганизовалась и снова энергично приступила к начатой еще в 1911 г. работе по организации социалистической молодежи в Цюрихе и во всей Швейцарии на более широкой основе.

СОГЛАШЕНИЕ СО СТАРШИМИ

Развитие пролетарского юношеского движения и его возрастающая активность привели к горячим дискуссиям в швейцарских профессиональных союзах и ферейнах социал-демократической партии. Летом 1913 г. верхи швейцарских социал-демократов и швейцарского объединения профессиональных союзов также были вынуждены заняться проблемой юношеского движения. Тем временем в цюрихской социал-демократии произошла значительная перегруппировка. Фриц Платтен усилил свое оппозиционное отношение к партийному руководству, с другой стороны — увеличились уже существовавшие раньше разногласия между бернской группой и Робертом Гриммом и партийным руководством в лице Г. Грейлиха и цюрихцев. В 1913 г. именно группа Гримма и бернская особенно настойчиво требовали реорганизации союза молодежи по германскому образцу.

Фриц Платтен и его группа и так называемая марксистская группа в «Согласии», Г. Брандлер, Фриц Геккерт, Роберт Зиверт и др. в принципе тоже были за изменение характера юношеского движения, но только после того, как партия устранит свои собственные реформистские грехи.

Противоречия в швейцарской партии были использованы нами в нашей работе по защите самостоятельности организации молодежи. Дискуссии был положен конец на совместном заседании центрального комитета партии и центрального комитета организации молодежи, на котором были

приняты руководящие линии, правда, установившие более тесную связь партии с организацией молодежи, но в принципе гарантировавшие самостоятельность юношеской организации. Соглашение было подтверждено съездом союза молодежи в 1913 г. в Ольтене, также социал-демократическим партийным съездом в Ольтене и съездом объединения швейцарских профессиональных союзов в Цюрихе в 1913 г.

Соглашение гласило:

„1) Социал-демократическая организация молодежи придерживается программы швейцарской социал-демократической партии и признает для себя обязательными постановления социал-демократической партии в Швейцарии и объединения швейцарских профессиональных союзов. При этом условии партия и объединение профессиональных союзов ежегодно вносит в центральную кассу организации молодежи сумму, размеры которой определяются компетентными по этому вопросу органами партии и объединения профессиональных союзов.

2) Для поддержания постоянной связи с юношеским движением партия и объединение профессиональных союзов посылают по одному делегату в центральный комитет организации молодежи.

3) Партия и объединение профессиональных союзов вменяют в обязанность местным партийным и профсоюзным организациям уделять максимальное внимание юношескому движению. Для его деятельной поддержки местный партийный и профсоюзный комитеты и культурно-просветительная комиссия делегируют в правление организации молодежи по одному товарищу, знакомому с работой среди молодежи. Организации молодежи обязаны присылать партии и объединению профессиональных союзов свой годовой отчет и регулярно доставлять им свой печатный орган.

4) В тех случаях, когда на партийных и профсоюзных съездах, на заседаниях центрального комитета партии и правления объединения профсоюзов будут рассматриваться вопросы юношеского движения,—на эти совещания должен приглашаться представитель организации молодежи“.

Эти руководящие линии имели силу вплоть до послевоенного периода, до того, пока благодаря образованию коммунистической партии в швейцарском рабочем движении не создались другие условия.

Юношеская организация со своей стороны сделала все для того, чтобы, не жертвуя своей самостоятельностью и не отказываясь от своего права критики политики партии и профессиональных союзов, выполнять свою просветительную работу в духе соглашения 1913 г. Организация молодежи пошла даже дальше — и специальным пунктом своего устава обязала своих членов профессионально организовываться.

„Члены, закончившие свое обучение, или вспомогательные рабочие старше восемнадцати лет обязаны вступать в свой профессиональный союз“.

Воспитательная и просветительная работа социал-демократической организации молодежи имела для партии

и швейцарских профессиональных союзов непосредственные и сравнительно хорошие результаты. Так, согласно подробной сводке, в 1915 г. вступило в партию 107 и в 1916 г. — 154 члена организации молодежи. В профессиональные союзы перешли в 1915 и 1916 гг. 922 члена. Весною 1916 г. из 1521 члена организации молодежи уже 316 были организованы профессионально и 115 — политически. К этому несомненно надо прибавить еще несколько сотен, переход которых не включен в сводку, и столько же — старых членами партии благодаря докладам и литературе юношеской организации. Еще больше, нежели организационная польза от юношеского движения для партии и профессионального союза, была политическая польза, благодаря активному участию организации молодежи и ее отдельных должностных лиц в профсоюзной и партийной жизни. Организация молодежи также выиграла от соглашения с профессиональными союзами и партиями, обязавшимися оказывать активную поддержку при основании новых местных групп, равно как и всему юношескому движению. Благодаря соглашению между партией и молодежью отношения были нормированы, и положено основание для развития широкого профессионального юношеского движения.

РАСШИРЕНИЕ НАШИХ ЗАДАЧ

Среди самой молодежи образовалась крепко спаянная группа политических единомышленников, придерживавшаяся одинаковой тактики и с большой энергией приступившая к использованию более благоприятных для молодежи условий. В течение одного года удалось основать в Цюрихе множество районных групп молодежи. Такие группы имелись в Аусерзиле, Випкингене, Ризбахе, в фабричном районе, кроме того, особая группа девушек. Просветительная работа была расширена и усилена посредством устройства ряда серьезных собраний и празднеств. Ежегодно в январе проводился день памяти русской революции 1905 г., объединявший всегда с молодежью многочисленных представителей русской революционной эмиграции. 1 июля 1912 г. мы организовали в цюрихском народном доме митинг по случаю шестидесятилетия социал-революционерки Веры Фигнер. Доклад сделал Фриц Брупбахер. Зал был переполнен, и несколько сот человек не могли попасть на митинг. Кроме того, проводились местные и окружные юношеские дни. В числе других такие юношеские дни были проведены в 1912 г. в Шафгаузене и Базеле. 18 августа

1912 г. около тысячи юношей и девушек из Цюриха, Винтертура и многих других городов восточной Швейцарии приняли участие в демонстрации молодежи в Шафгаузене. Осенью 1912 г. был учрежден в Цюрихе дом молодежи, открытый для учеников и юных рабочих до 11 ч. вечера. В следующем году были учреждены такие дома в Базеле, Сен-Галлене и Берне.

Но нашу молодую энергию не удовлетворяли специальные задачи юношеского движения, и мы решили значительно расширить сферу нашей деятельности, взяться за ряд новых задач. Для меня как секретаря антимилитаристской лиги особенно отрадно вспомнить теперь, что мы в швейцарском юношеском движении уже в 1912 году интересовались колониальным вопросом и, между прочим, провели организованное по всем правилам выступление в поддержку индусских борцов за свободу. В «Свободной Молодежи» был напечатан ряд статей по этому вопросу. А 27 октября 1913 г. был проведен многолюдный митинг протеста против английского империализма. Доклады сделали деятель индусского национально-революционного движения Пиллаи и буржуазный литератор Веннер. Собрание постановило послать английскому правительству телеграфный протест против преследования индусских рабочих и крестьян.

Другая задача, за которую мы взялись, напоминала цели нынешнего Мопра. Перед войной в царских тюрьмах томилась в заключении за политическую пропаганду многие тысячи рабочих и студентов. При поддержке организаций молодежи в 1913 г. в Винтертуре было основано «Общество помощи политическим заключенным в России». В многочисленных газетных и журнальных статьях, а также в сборнике организации молодежи за 1913 г. велась пропаганда за это общество и его цели. Я сам неоднократно выступал с докладами об этом обществе помощи в различных рабочих ферейнах. С большим рвением мы распространяли и продавали выпущенные обществом брошюры, открытки и марки и с радостью сдавали в кассу общества вырученные нами десять или двадцать франков.

Другим примером расширения деятельности швейцарского юношеского движения того времени может служить тот факт, что пролетарская организация молодежи приступила к реформе кино, т. е. взялась за работу, которая в настоящее время, в гораздо более широком масштабе, конечно, производится в отдельных странах союзом народного фильма. Осенью 1912 г. мы начали в Цюрихе по субботам и воскресеньям утром демонстрировать картины. Пер-

вый же вечер имел исключительный успех, перебивало свыше тысячи человек. К сожалению, мы не имели в то время того большого количества революционных картин, которыми, благодаря русской советской кинематографии, располагает союз народного фильма. Мы вынуждены были ограничиваться, главным образом, показом культурфильма и видовых картин, например: «Заготовка древесного угля», «От почки до цветка», «Кирпичный завод», «Охота на леопардов» и т. п. Кроме того, было устроено четыре доклада со световыми картинками о проблемах астрономии.

Наши попытки в этой области дать бой буржуазным противникам имели своеобразные результаты: на нас обрушились не только правобуржуазные элементы, но и всевозможные учителя и священники из социалистического лагеря. В ряде статей высказывалось принципиально отрицательное отношение к использованию кино вообще и требовалось закрытие всех кинотеатров. Бадер, между прочим, писал против нас следующее: «То обстоятельство, что кинематографы, несмотря на большую конкуренцию, не банкротятся, плохо характеризует наш народ и доказывает, что мы должны энергичнее выступить против кинематографов. Конечно, можно было бы использовать кинематографы в интересах народного образования, но так как они этого не делают — лучше, чтобы они исчезли». Эта аргументация напоминает первые иллюзорные попытки посредством разрушения машин уничтожить капитализм.

Организация молодежи приняла вызов, и на чрезвычайно многочленном собрании в Цюрихе, на котором я говорил за продолжение опытов использования кино, а социалистический учитель Бадер — против, подавляющее большинство собрания высказалось за дальнейшее ведение нашей работы в этом направлении. И если, несмотря на это, через несколько месяцев пришлось приостановить нашу работу, то только потому, что невозможно было раздобыть достаточное количество хороших и пригодных для показа фильмов. Но я с радостью вспоминаю теперь эти первые попытки противопоставить развращающим буржуазным фильмам действительно просветительные социалистические фильмы. И я чувствую особенное удовлетворение от того, что часть моей работы последних лет в «Международной рабочей помощи» была направлена на то, чтобы начатые в 1912 г. с примитивными средствами опыты продолжить с более крупными кинокартинами, как «Мать», «Буря в Азии» и другие, на более широком базисе.

В различных городах мы проводили широкие публичные дискуссионные собрания с враждебными юношескими

ферейнами, особенно католическими и евангелическими обществами молодежи. Прения приняли характер страстной схватки между христианским и марксистским мировоззрениями. Наши члены как сумасшедшие зубрили популярно-научные книги и брошюры по этим вопросам, чтобы не уступить противнику. Так как противник принял бой и выставил попов и своих лидеров, митинги эти имели для нас большой успех. Собрания устраивались не только в крупных швейцарских городах, но и в деревнях, например, в Зиггентале (кантон Ааргау), где противник был численно сильнее нас — и все-таки потерпел полное поражение. Месяцами продолжалась дискуссия об этих собраниях в окружных газетах и в органах католических юношеских обществ. О ходе этой схватки двух мировоззрений в Цюрихе «Свободная Молодежь» писала:

„Начавшееся несколько месяцев тому назад успешное развитие нашего движения продолжается по всей линии. В Цюрихе 29 апреля, 6 и 12 мая состоялись грандиозные собрания, являющиеся прекрасным показателем зрелости нашей секции в Цюрихе и цюрихской рабочей молодежи. Темой всех трех собраний было: „Ничтожность буржуазных обществ молодежи и сущность социал-демократической организации молодежи“. На первом собрании доклад сделал тов. Нобеусс из Сен-Галлена о „Ничтожности буржуазных обществ молодежи“. Его доклад вскоре выходит из печати отдельной брошюрой. В дискуссии приняли участие господин Циммерман от католического юношеского отряда, господин Дентликер от „следопытов“ и наш товарищ Мюнценберг. В 11 ч. собрание было прервано, и дискуссия перенесена на 6 мая.

На втором собрании идеи „следопытов“ защищали господа Диггельман и Г. Саппер. „Католический юношеский отряд“ послал в бой господа Циммермана и Шлаттера. Кроме наших товарищей Шнепфа, Альфа и Фриша, выступало большое число юных рабочих. Один ученик хлебопекарни рассказал, как он в качестве члена в обществе католических юношей получил только выражение сожаления, а в социалистической организации молодежи реальную помощь. При бурном одобрении всего собрания, господин Верселль, редактор „Журнала студентов-трезвенников“, заявил о своем вступлении в организацию молодежи и социалистическую партию. Заключительное слово произнес тов. Мюнценберг. Так как все новые ораторы просили слова, было решено устроить третье собрание. Присутствовавшие секретари и члены „Христианского общества молодых людей“ в принципе согласились с тем, чтобы для этого собрания был предоставлен главный зал их общегития. Но на следующий день, должно быть, по „совету“ богатых покровителей христианских юношей, было отказано в зале знаменитого „Глокенхофа“.

Наша секция, с помощью прессы и пяти тысяч летучек, довела об этом до сведения широкого общественного мнения и призвала массы собраться в народном доме. Третье собрание открылось докладом тов. Мюнценберга о „Сущности социалистической организации молодежи“. В дискуссии, в числе других, приняли участие господа Циммерман и Шлаттер от „Католического юношеского отряда“, господин Песталоцци, секретарь „Христианского общества молодых людей“, господин Шнейдер от „Вольных следопытов“ и наши товарищи Хуг, Мимйола, Мандел, Брэм, Кайзер, а также товарищи-женщины Блох

и Гемперле. Знаменательное собрание закрылось в 11 ч. заключительным словом тов. Мюнденберга и кличем в честь международного социалистического юношеского движения. В первом собрании участвовало 350, во втором 700 и в третьем свыше 1500 человек. На третьем собрании была прямо-таки опасная для жизни давка. В 7½ часов зал был уже битком набит, в 8 ч. там негде было яблоку упасть, а между тем прибывали все новые массы желающих войти. На подоконниках сидели подростки, во всех углах и проходах стоял народ, тесно прижавшись друг к другу, как сельди в бочке. Нет ни пяди свободного места. А непрерывный поток стекающей к народному дому молодежи все растет. Коридор переполнен. Молодежь взбирается на вешалки, чтобы заглянуть в зал. Сбор на покрытие стоимости найма помещения дал свыше ста франков, человек шестьдесят молодежи здесь же записались в действительные члены организации, многие старшие—сочувствующими. Результаты собрания означали полную победу для нас и уничтожающее поражение для наших противников. Если они сами на собраниях не хотели сознаться в этом, то это ясно было видно по отчетам и статьям в их прессе. Так ругаются, проклинают, клеветят и лгут только люди, чувствующие себя окончательно разбитыми. Ежедневно в передовых статьях и даже с высоты церковной кафедры заклинают юный красный поток. Тщетно! Мы все-таки пробьемся. Повсюду!

ЦЮРИХСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА

С особенным воодушевлением приняли мы участие в цюрихской всеобщей стачке, происходившей летом 1912 г. Цюрихские металлисты и маляры вели упорную стачку. Несмотря на все угрозы, предпринимателям не удавалось расстроить фронт бастующих. Тогда предприниматели попытались сломить стачку путем вербовки и доставки из Германии большого числа штрейкбрехеров. Среди штрейкбрехеров было много беспутных ребят. Дело доходило до резких столкновений между рабочими и штрейкбрехерами. Само собою разумеется, что наша группа каждый раз по окончании работ на фабриках и заводах принимала горячее участие в этих потасовках. В результате этих столкновений и драк один бастующий маляр был убит, а другой — тяжело ранен. Муниципальный совет, в который входило и четыре социал-демократа, вместо того чтобы принять необходимые меры против штрейкбрехеров, обрушился рядом жестоких репрессий против бастующих. Между прочим, были запрещены сторожевые посты стачечников. Эти меры сильно возмутили цюрихскую рабочую массу. Рабочий союз постановил провести в Цюрихе однодневную забастовку протеста против этих репрессий. Фриц Брупбахер описывает в своей книжке стачку следующим образом:

„Стачка удалась блестяще. Почти все промышленные рабочие, рабочие трамвая, электростанции и газовых заводов, железнодорожники прекратили работу. Там, где еще некоторые рабочие слои колебались, наши проворные стачечные пикеты просто оцепляли вход в мастерские. Неко-

горы шли на работу только для вида и были радешеньки, когда стачечные пикеты не пропускали их. Это особенно относится к трамвайщикам, рабочим газовых заводов, железнодорожных мастерских и городской электрической станции. К владельцам магазинов на Вокзальной улице были посланы депутации с советом закрыть свои лавки, что они и поспешили сделать. Был как раз базарный день. В мгновение ока Вокзальная улица покрылась капустой и морковью, брошенными перепуганными торговцами на мостовой. Огромную услугу оказали нам рабочие-самokatчики. Они разъезжали по предприятиям, и если замечали, что где-нибудь еще работают, телефонировали нам в Народный дом, сколько нужно людей для того, чтобы снять работающих. Многие рабочие и грузчицы, охотно бы забастовавшие, но не имевшие мужества на это, просили нас по телефону тоже вытащить их. Все кино закрылись. Продуктовые магазины могли оставаться открытыми. Многие магазины почтительно, как полицию, запрашивали нас по телефону, должны ли они также закрыться.

После обеда мы устроили демонстрацию по городу. Полиции нигде не было видно. Точно весь город управлялся нами. Ни полиции ни каких бы то ни было высоких политиков. Иоганн Зид (в то время социал-демократический депутат национального совета) поехал вместе с товарищем Пфлюгером в Берн на похороны католического члена союзного совета Дейхера. В Народном доме, где я почти весь день провел у телефона, из верхов я видел только одного Отто Ланга.

Работали, собственно, только печатники и муниципальный совет, который, включая социал-демократов, просил цюрихское правительство представить в его распоряжение пехоту и кавалерию*.

Мы, молодежь, не только принимали участие в демонстрации как особая и весьма шумная группа, но и предоставили себя в распоряжение руководства стачкой. Моему аптекарю пришлось в эти дни обходиться без меня, и я использовал аптечный велосипед для того, чтобы с раннего утра собирать информацию. Ранним утром я объездил трамвайные депо, агитируя в них среди трамвайных служащих и рабочих за участие в стачке. Мы не давали себе ни минуты передышки. Наконец мы дождались дела по себе! Правительство реагировало на всеобщую стачку занятием Народного дома и арестом многих рабочих вожаков. Среди арестованных находился также Макс Бок, секретарь Рабочего союза Цюриха и в то же время председатель социалистической организации молодежи. Товарищ Макс Бок был иностранцем, а потому кантональное правительство несколько дней спустя выслало его из Цюриха. Эта потеря побудила центральный комитет организации молодежи обратиться ко мне и к товарищу Герману с предложением отказаться от своей оппозиции к центральному комитету и вступить в него. После различных переговоров по вопросу о политической и организационной линии работы центрального комитета, мы оба приняли это предложение и в конце июля вступили в число членов центрального комитета швейцарской организации молодежи.

РЕДАКТОР «СВОБОДНОЙ МОЛОДЕЖИ».

Макс Бок как председатель организации молодежи был в то же время редактором выходившего ежемесячно журнала «Свободная Молодежь». «Свободная Молодежь» имела тогда тираж в 2000 экземпляров и книгоношами из числа наших членов распространялась также среди взрослых рабочих. Я уже прежде сотрудничал в журнале, давая отчеты о собраниях и статьи по отдельным вопросам. Но внезапное предложение взять на себя редактирование журнала все-таки было для меня неожиданным, и я с некоторой неуверенностью приступил к выполнению возложенной на меня задачи. Со своими друзьями: Эдуардом Майером, Вильгельмом Тростелем и И. Мимиолой, составлявшими со мною группу, я обсудил программу газеты. Мы сошлись на том, чтобы содержание журнала еще усилить в духе боевого органа, а образовательные, политические и профессиональные вопросы отодвинуть в нем на второй план. Особенное значение я придавал привлечению к сотрудничеству молодежи и рабочих из всех городов и деревень. Разумеется, прошло довольно много времени, пока мы сработались и могли осуществить эту программу. Но благодаря блестящему кругу сотрудников, в том числе Ленина, Либкнехта, Зиновьева, Бронского, Троцкого, Балабановой и многих других, журнал превратился в 1915—1917 гг. в образцовый орган молодежи, что было подтверждено самим Лениным.

Первый номер «Свободной Молодежи» под моей редакцией появился 1 августа 1912 г. и был посвящен всеобщей забастовке и выбывшему редактору Макс Бок. Нам казалось важным с агитационной точки зрения выпускать отдельные специальные номера. Следующий номер «Свободной Молодежи» был посвящен антимилитаристской пропаганде, еще один — борьбе против войны, третий номер трактовал о роли профессиональных союзов в рабочем движении, четвертый, отрецензированный и выпущенный мною, номер «Свободной Молодежи» в ноябре 1912 г. повлек за собою резкую внутрипартийную полемику в швейцарской социал-демократии.

Летом 1912 г. Швейцарию посетил германский император Вильгельм II. Швейцарские власти устроили ему торжественный прием и, между прочим, прикомандировали к нему «почетную роту» свободных демократических швейцарских солдат в качестве «почетного караула». Рота находилась под командой учителя из социал-демократов Эндерли, которому германский император при своем отъезде подарил бриллиантовую булавку в знак его верной службы. Против этой

военно-патриотической гнусности со стороны Эндерли мы, рабочие юноши, подняли энергичный протест, а Фриц Брунбахер написал об этой истории в связи с международным социалистическим конгрессом 1912 г. статью в «Свободной

Картина генеральной забастовки в Цюрихе 12 июня 1912 года

Молодежи» под названием: «За что мы умираем». В статье говорилось:

«Снова возникает вопрос, должны ли мы, социалисты, защищать швейцарское отечество? Точнее говоря, это значит: считаем ли мы это отечество столь ценным, чтобы отдать за него нашу жизнь? Так должен ставиться вопрос и не иначе. Я полагаю, мы все считаем, что демократическая форма государства приятнее абсолютизма. Но речь здесь идет не о том. Я спрашиваю, должны ли мы защищать демократию до последней капли крови? Нет, мы не согласны на это. Каждый из нас охотно отдал бы несколько грошей за то, чтобы оставили в покое нашу демократию, но наша жизнь—слишком дорогая плата за нее. Наша жизнь более ценна, нежели демократия. Наша жизнь стоит больше, чем право избирать правительственные учреждения, которые, как это было во время цюрихской всеобщей стачки, посылают конницу и пехоту против бастующих рабочих, а против муниципальных рабочих, участвующих во всеобщей стачке, принимают репрессивные меры. Наши братья—не власти, а социалисты всех стран. Пусть каждый из нас спросит себя, кого любит он больше, рядом с кем чувствует он себя больше товарищем, рядом с германским, итальянским или французским рабочим, чьи глаза загораются блеском при мысли о социальной революции, или рядом с господином Зульер-Циглером из Винтертура и социал-демократом Эндерли, которому Вильгельм II, германский император, подарил бриллиантовую булавку? Социалист не жерт-

вует своей жизнью во имя буржуазных интересов и идеалов. Он умирает только за свой идеал, за свое отечество—за социальную революцию и Интернационал. Каждый, советующий нам защищать буржуазное отечество, есть „изменник“ нашему отечеству—социализму. Да здравствует Интернационал! Да здравствует всеобщая стачка всех вооруженных и невооруженных пролетариев всего мира!“

— Эта статья вполне выражала настроения рабочей молодежи. Но жрецы швейцарской социал-демократической партии смотрели на эти вещи иначе. Ревизионистский редактор Хаут потом, в 1914 г., когда началась война, перекочевавший в Штутгарт и писавший там шовинистические статьи, официально поставил вопрос об исключении из рядов социал-демократической партии Фрица Брупбахера, так как он оскорбил демократию и проповедывал анархистские идеи. Брупбахер всегда был у швейцарских верховных жрецов бельмом на глазу. Хотели воспользоваться этим случаем, чтобы избавиться от радикального критика. На собрании Рабочего союза Хаут произнес слабую обвинительную речь, на которую Брупбахер ответил с исключительным блеском. Я не раз присутствовал на конгрессах и был свидетелем оваций, устраивавшихся величайшим ораторам рабочего движения, как Жан Жорес и Ленин, но мне никогда больше не пришлось наблюдать такого подъема, как в тот памятный вечер на собрании Рабочего союза. В первый раз осмелился здесь оратор ясно и резко бичевать гнусность социал-демократических членов муниципального совета, голосовавших за запрещение пикетов забастовщиков и за мобилизацию полиции и военной силы против бастующих рабочих. Большинство собравшихся, по окончании пламенной речи Брупбахера, вскочили, бурно рукоплескали, стучали ногами, несколько десятков схватили стулья и вместо рукоплесканий колотили ими по полу; стены зала сотрясались от восторженной овации. Было ясно, что ревизионистам не удастся выбросить Брупбахера. Мы гордились успехом, и в дискуссии я первый взял слово в защиту Брупбахера. Вопрос об его исключении был передан в социал-демократический ферейн «Согласие», членом которого он состоял. Мы, молодежь, начали пачками записываться в ферейн. Это был небывалый в истории ферейна приток новых членов. Я потащил туда аптекаря и его помощника и каждого, кого только мог разыскать, чтобы обеспечить большинство голосов против исключения. На собрании, где этот вопрос решался, с речью против Брупбахера выступил Фриц Платтен и обосновал предложение об исключении. Платтен сам чувствовал себя неловко, тем более, что его собственное положение было довольно шатким. Когда он

кончил, слово было предоставлено Фрицу Брупбахеру. Он встал и сказал: «К чему мне говорить, ведь Фриц сказал все, что нужно». Разразилась бурная овация. Голосование дало подавляющее большинство против исключения (200 голосов против 40).

Гордые победой, мы отправились по домам во главе с Брупбахером.

Фриц Брупбахер оставался сотрудником «Свободной Молодежи», а теперь сотрудничает в выходящем в Цюрихе коммунистическом органе «Боец» и состоит членом коммунистической партии.

Уже в то время руководство швейцарской социал-демократической партией было так заражено оппортунизмом и ревизионизмом, что считало элементарные принципы международного революционного социализма и его антимилитаристскую пропаганду основанием для исключения из своих рядов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС 1912 г. В БАЗЕЛЕ

В ноябре 1912 г. в Базеле состоялся международный конгресс социалистического Интернационала. Это был тот конгресс, который принял историческую резолюцию против войны, вменяющую в обязанность всем социалистическим партиям сделать все от них зависящее для воспрепятствования войне, а если, несмотря на их условия, она все-таки разразится, — всеми средствами бороться за ее быстрое прекращение. Конгресс был грандиозным и весьма пышным парадом. Торжественное заседание было устроено в базельском соборе, где выступали с речами вожди Второго интернационала. Я слышал там германского депутата рейхстага Гаазе, громким голосом начавшего свою речь следующими словами: «На Балканских полях бушует война». Но самое сильное впечатление произвел на меня Жан Жорес. Его небольшая коренастая фигура была мало заметна из-за кафедры. В особенно патетических местах своей речи он поднимал обе руки кверху, точно подчеркивая этим свои слова; кроме того, в числе других, я слышал Августа Бебеля и в первый раз Вайяна, старого бойца Коммуны, Клару Цеткин и многих других.

Мы, цюрихская молодежь, пытались использовать конгресс в наших особых интересах, проведя в связи с ним в Цюрихе широкую демонстрацию за мир. Организация и ход этой демонстрации весьма характерны для тогдашнего духа нашей юношеской группы.

Однажды утром мы прочитали телеграмму о том, что Интернационал устраивает 25 ноября в Базеле демонстрацию за мир. Часом позже нами уже был снят большой зал в Цюрихе на 26-е и отправлены спешные письма Либкнехту и Розе Люксембург. Это вызвало бурю возмущения в партии, наше собрание было запрещено, а докладчиков старались уговорить отказаться от выступления. Оба, действительно, отказались, хотя я и не знаю, что побудило их на это. Но это несколько не смутило нас. В Базеле собралось не менее 500 делегатов, и уж двух или трех из них нам удастся раздобыть. Оказалось, однако, что это не так просто. Все, к кому мы только ни обращались, под разными предлогами отказывались. Некоторые товарищи, в том числе Фридрих Адлер, настойчиво советовали бросить затею. — «Никогда, в крайнем случае, выступлю сам с речью», — отвечал им я.

В воскресенье вечером мы еще не имели докладчика. Наконец удалось склонить на выступление товарища Александру Коллонтай. Но этого было недостаточно. Нам хотелось привлечь «знаменитых» ораторов. Неожиданно Густав Эрве выразил согласие приехать. Наступила ночь. В понедельник вечером должен был начаться митинг, а мы не дали ни одного объявления и не выпустили ни одной ленточки. Раньше 9 ч. утра я не мог приехать в Цюрих, а в 8 ч. должен был уже быть на службе. Утром я по телеграфу передал текст ленточек и объявлений и назначил товарищам сбор в 12 ч. Мы выхватили из печатных машин еще влажные экземпляры — и к часу дня распространили 10 000 огненно-красных ленточек. Дело налаживалось. Вдруг пришло известие, что Эрве уехал и не будет, но придет заместитель. Когда мы пришли его встретить на вокзал, прибыл товарищ Сакозов из Софии и хотел пересесть в другой поезд, чтобы ехать дальше. Мы задержали его. Он должен выступить. Никакие отговорки не помогли. Товарищи Е. и Г. взяли его багаж, я позвал извозчика — и мы отправились в гостиницу, не обращая внимания на протесты схваченного нами товарища. Два товарища сторожили его, отвечали своей жизнью за его сохранность.

Теперь нужен был переводчик. Наконец и переводчик нашелся в лице товарища Фрица Брупбахера. Теперь — в манеж. Для покрытия расходов мы взимали входную плату в размере 20 сантимов. За полчаса до начала собрания зал был переполнен. А новые толпы все прибывали. Товарищ Коллонтай начала свой доклад. Потом говорил французский товарищ, а Сакозова все еще не было. Я сидел как на горячих углях. Товарищ Брупбахер осведомил меня о том, что французский товарищ делает доклад в ревизио-

нистском духе. И это еще! Француз кончил, и Брупбахер приступил к переводу. О Сакозове — ни слуху ни духу. Волнение, усталость, страх — все это привело к тому, что все закружилось передо мною. Брупбахер заканчивал свой перевод, а Сакозов и не думал появляться. Брупбахер ловко сделал перевод. «Единственное средство предотвратить войну, — воскликнул он, — есть всеобщая стачка». И слушатели наградили его бурной овацией. «Правда, — продолжал он, — товарищ не сказал этого. Надо полагать, что как иностранец он не решался высказать это. Поэтому говорю вам это я».

Тут, наконец, привели Сакозова. Товарищ был единственным членом болгарского парламента, голосовавшим и выступавшим в парламенте против разразившейся балканской войны. Ему был оказан восторженный прием. Он свободно владел немецким языком и хорошо говорил. Его описание виденных им собственными глазами ужасов войны произвело огромное впечатление на слушателей. В зале все затаили дыхание. Собрание закончилось достойным образом. Кассир тоже был доволен: финансовый итог вечера выразился в 230 франках чистой прибыли.

После собрания мы до глубокой ночи провели в дружеской беседе с Коллонтай, Брупбахером и Сакозовым. К нашему кружку присоединился также учитель Гильом из Лозанны. Гильом был одним из главных деятелей Юрской федерации в Первом Интернационале и самым выдающимся представителем бакунизма в Швейцарии. Вместе с Бакуниным он был исключен из Первого Интернационала. С истинным дьявольским удовольствием мы досадили ненавистным нам «высоким жрецам», торжественно приняв Гильома в Социалистический союз рабочих юношей. Гильом в тот же вечер написал заявление о приеме, причем особенно подчеркнул, что, прося о принятии его в число членов, он вместе с тем считает своим долгом указать на то, что был исключен из первого Интернационала. При нашем тогдашнем настроении это могло служить в наших глазах только рекомендацией.

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ МОЛОДЕЖИ

Вместе с международным социалистическим конгрессом в Базеле состоялась международная социалистическая юношеская конференция. Заседания конференции происходили в базельском замке. В ней участвовал 21 делегат, представлявшие 17 стран. Руководил конференцией тогдашний

председатель Социалистического интернационала молодежи де Ман из Брюсселя. Центральный комитет швейцарской организации молодежи делегировал на эту конференцию товарища Майера и меня. По вопросу «Интернационал молодежи и война» сделал доклад де Ман и предложил резолюцию.

Так как эта резолюция не напечатана ни в одном опубликованном отчете или документе Интернационала молодежи, я приведу ее здесь полностью:

„Собравшаяся в Базеле конференция социалистического Интернационала молодежи присоединяется к выступлению против войны международного социалистического конгресса. Представляя те группы пролетариата, которые, в первую очередь, как жертвы империалистического хищничества хозяев политической и экономической жизни, должны идти на войну, чтобы убивать своих братьев, таких же пролетариев, как и они, конференция страстно протестует против образа действий господствующих классов.

Она напоминает о том, что в резолюции Штутгартского международного социалистического конгресса, как одно из действительных средств борьбы с милитаризмом и с опасностью международных конфликтов, рекомендуется, „чтобы молодежь рабочего класса прониклась духом братства народов и социализма, а также классовым сознанием“.

Поэтому в борьбе против милитаризма и опасности войны на юношеское движение возлагается особенно ответственная задача. Конференция предлагает организациям молодежи всех стран отнестись с самым большим вниманием к воспитательной работе, чтобы рост нашей революционной армии и ее внутренняя стойкость и спаянность сделали, в результате, для господствующих классов невозможным направить друг против друга свои армии.

Конференция, на которой представлено юношеское движение 17 наций, возобновляет и подтверждает союз международной солидарности юных пролетариев, из рядов которых, в случае войны, десятки тысяч будут противостоять друг другу на фронте в целях взаимного истребления.

Социалистическая молодежь всех стран, молодая гвардия современного рабочего движения готова на самоотверженную борьбу за интересы и великие цели международного пролетариата. Но она употребит все средства для того, чтобы посредством революционирования сознания пролетарской молодежи воспрепятствовать господствующим классам использовать молодежь рабочего класса в своих хищнических интересах“.

Резолюция была принята единогласно. При этом французский делегат Леви сообщил конференции, что французская молодежь с восторгом присоединилась к постановлению французской партии в случае войны объявить всеобщую стачку. Конференция послала приветственные телеграммы заключенным товарищам Норвегии, Испании и Франции.

Но главная задача, стоявшая в то время перед Интернационалом молодежи, не только не была разрешена конференцией, но даже не была на ней поставлена. Это был вопрос об организации международного бюро молодежи. Большинство революционно настроенных тогда организа-

ций молодежи требовало самостоятельного юношеского бюро.

Между тем бюро Второго Интернационала было решительно против самостоятельного юношеского бюро и хотело вместо него образовать при себе своего рода подотдел. Тогдашний секретарь международного юношеского объединения Роберт Даннеберг не только не боролся с этими тенденциями, но, наоборот, поддерживал их. Но целый ряд социалистических организаций молодежи в Италии, Швеции, Норвегии и Дании начал вести атаку против этих тенденций. И только Бернской конференции 1915 г. предстояло разрешить этот вопрос согласно желаниям революционной молодежи.

МЫ ЗАНИМАЕМСЯ ЛИТЕРАТУРОЙ

1912—1913 годы были так заполнены практической работой по организационному построению социалистического чера должен был находиться в аптеке. Таким образом рабочем движении, что оставалось мало времени для литературных занятий.

Хотя мой аптекарь и смотрел сквозь пальцы на то, что я часто брал однодневный отпуск для чтения докладов в кружках молодежи, все-таки я обычно от 7 утра до 7 вечера должен был находиться в аптеке. Таким образом, работа по организации молодежи могла мною вестись только в вечерние часы, а для культурно-просветительной деятельности оставалась только ночь. Она и использовывалась нами в пределах наших сил, пока мы не валились от усталости. И все-таки, несмотря на всю мелкую организационную работу, мы, когда только было возможно, обсуждали книги и спорили на литературные темы.

Дело началось с того, что Макс Бартель, после продолжительного пребывания в Италии, прибывший к нам в Цюрих без гроша в кармане, уговорил меня выпустить вместе с ним брошюру, посвященную рабочей художественной литературе. Книжка была готова осенью 1912 г., под названием «Рождественские колокола», и содержала стихи, рассказы и статьи различных пролетарских поэтов. Я тоже согрешил статьей о солнцевороте. После того как мы составили содержание сборника, Бартель уехал в Германию и оставил меня с рукописью одного. Я закончил книжку, и она вышла из печати на рождество 1912 г.

Быстрая распродажа книжки вселила в нас уверенность, что мы способны в роли писателей и пролетарских поэтов будить массы. Это заблуждение поддерживалось в нас некоторыми нашими не слишком критически настроенными

друзьями. В следующие месяцы я начал писать театральные пьесы, и в короткое время были готовы так называемые «Пьесы для рабочей сцены», среди них — социальная драма «Дети низов». Главная тема этой пьесы — жизнь и страдания ремесленных учеников. Эта театральная пьеса, к сожалению, слишком часто ставилась и, как мне сообщили, ставится кое-где и до сих пор. Она, вне всякого сомнения, не была ценным вкладом в пролетарскую литературу, но зато обогатила кассу нашего союза, чем нельзя было пренебрегать.

Этих поступлений мы достигли следующим образом. Среди нас образовался особый театральный кружок, почти каждую неделю игравший эту пьесу в каком-нибудь профсоюзе или рабочем клубе. За каждую постановку нам платили от 25 до 50 франков в кассу организации молодежи. Этот успех соблазнил товарищей, и меня в том числе, продолжать наше сочинительство. Следующая пьеса, под названием «Молодежь», была протестом против порки, полемическим сочинением за отмену телесных наказаний. Я был очень удивлен, когда в 1919 г. получил из Стокгольма экземпляр перевода этой пьесы на шведский язык с посвящением.

Под влиянием «успеха», я от сочинения театральных пьес перешел к лирическим излияниям и сам совершил ошибку, позволив напечатать эти рифмованные строки. Много лет спустя после войны, когда Брупбахер в первый раз посетил меня в Берлине и мы снова увиделись с ним после долгой разлуки, его первым вопросом было: «Вы все еще пишете стихи?» На что я ответил, что, если он скажет об этом еще хоть одно слово, между нами навсегда будут прерваны всякие отношения.

Но, с другой стороны, многие из этих стихов сохранились и переведены на норвежский, шведский и русский языки.

Когда я в 1920 г. в первый раз приехал в Россию, различные юношеские секции приветствовали меня как пролетарского поэта, о котором они больше знали, нежели о секретаре международного объединения молодежи.

Из всех моих стихотворений того времени я приведу здесь только одно, переложенное на музыку одним из моих друзей и часто распевавшееся цюрихской рабочей молодежью:

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ.

По всем странам проносится, как буря, грозный клич: вперед в священный бой, пусть каждый будет бойцом. Уже загорается утренняя заря свободы и возвещает смерть нашим врагам. Мы, рабочая молодежь, наслед-

ники будущего. Дело удастся нам, мы доведем его до победного конца. Свобода будет завоевана в последней священной войне. Мы все шагаем в ряд и увлекаем за собой народы. Трепещите же, попы! Рабы, от сна проснитесь! Мы боремся за правду, за право и свободу. Мы сломили только власть господ, превратившую нас в рабов. Старый мир должен рухнуть, а труд—свободным стать. Мы дерзко свалим гнилые опоры Маммоны. Разобьем тюремные ворота и смело поднимемся к свету!

* *
*

Недовольный, как всегда, достигнутым, я решил взяться за более крупную вещь и отважился на тему из эпохи Парижской коммуны. Когда я в первый раз в полночь читал рабочим юношам пятиактную драму «Коммуна», все были потрясены и клятвенно уверяли, что со времен шиллеровских «Разбойников» ничего подобного еще не было написано. И, разгорячившись, мы решили как можно скорее поставить драму на сцене. Постановка этой вещи — совсем особая история. В зале, обычно вмещающем только 400 человек, теснилось человек 900. К тому же было адски жарко. В зале царил напряженный атмосфера. В пьесе были выведены войска, производились военные занятия, строились баррикады и много стреляли. Руководство этой военной частью я поручил одному приятелю, который на мой вопрос, все ли удастся нам, ответил: «Если все остальное пройдет так гладко, как это, то успех будет ошеломляющим». Уже в конце первого действия производился расстрел белогвардейскими бандитами взятых в плен коммунаров. Арест происходил на глазах у зрителей. Но самый расстрел я из предосторожности перенес за кулисы. На сцене оставался только генерал, командовавший: «На прицел, пли!» После этих слов раздалось несколько залпов. Поднялась суматоха, все вскочили, так как думали, что произошел взрыв или случилась какая-нибудь катастрофа. Со сцены в зал повалили густые клубы порохового дыма. Женщины кричали и плакали, многие упали в обморок и их пришлось унести из зала. Мой милый приятель мобилизовал 12 запасных солдат, имеющих в Швейцарии право держать у себя дома винтовки, и, когда раздалась команда «пли», они все сряду три раза выстрелили. Это был исключительный эффект.

Опьяненный успехом, я предложил Брупбахеру прочитать драму в его литературном кружке. Он дал свое согласие. Но чем ближе был день чтения, тем более мне было не по себе, и я пошел на собрание в довольно угнетенном состоянии. Уже после 10—15 страниц, заметив роковую тишину в комнате, я заявил, что не буду дальше читать. Беда разразилась очень быстро и сокрушительно, Брупбахер

беспощадно разнес пьесу, и все мои приятели, ухмыляясь, наблюдали за «экзекуцией». Я тогда решил навсегда отказаться от сочинительства.

В сентябре 1913 г. нас ошеломило известие о внезапной смерти Августа Бебеля. Он умер во время своего пребывания на одном из швейцарских курортов. Тело было перевезено в Цюрих и торжественно перенесено в большой зал Народного дома. В карауле стояли члены социал-демократической партии и организации молодежи. Из всех стран поспешно прибыли многочисленные делегации и почти все известные вожди социал-демократического рабочего движения, чтобы отдать последний долг Августу Бебелю. Похороны усопшего вождя носили характер внушительной и торжественной демонстрации. Впереди несли сотни венков, и вся рабочая масса Цюриха следовала за гробом. Рядом с роскошными венками крупных партий венок организации молодежи производил очень скромное впечатление. Но мы честно оплакивали престарелого вождя. В наших глазах Август Бебель был одним из лучших представителей старой гвардии, до самой своей смерти пытавшимся оградить партию от реформистов и оппортунистов. Правда, что это ему не удалось, что он делал это недостаточно решительно и часто прибегал к никуда негодным средствам. Но, несмотря на все, мы глубоко уважали и любили его. Уже один тот факт, что он около пяти лет провел в тюрьме за революционную деятельность, внушал нам горячую симпатию к нему. «Свободная Молодежь» посвятила ему свой октябрьский номер за 1913 г., а мы снова перечитали статьи и книги Бебеля, особенно такие, как «Женщина и социализм», «Из моей жизни» и «Христианство и социализм».

МЫ СОЗДАЕМ СЕКРЕТАРИАТ МОЛОДЕЖИ

Большой шаг вперед в развитии швейцарского юношеского движения представляло создание секретариата молодежи с платным секретарем. При помощи секретариата стали доступны для пролетарского юношеского движения сельские районы в Швейцарии. До 1913 г. швейцарское социалистическое юношеское движение было почти исключительно сосредоточено в крупных городах, как Цюрих, Берн, Базель, Ольтен и Сен-Галлен. Только создание секретариата сделало возможным перенесение движения также и в небольшие города и промышленные деревни. В мелких общинах сравнительно с небольшим числом членов партии до создания секретариата недоставало политических сил и

активистов, способных основать юношескую секцию, укрепить ее и посредством докладов и лекций заинтересовать молодежь и обучить ее. Густая железнодорожная сеть и короткие расстояния облегчали максимальное использование живых сил секретариата. В каких-нибудь два-три часа езды поездом можно было добраться до самой отдаленной секции.

Летом 1913 г. идея основания секретариата была сначала обсуждена в центральном комитете. Осенью проект был продискуссирован в секциях. В то время как почти все мелкие группы в сельских областях высказались за создание секретариата, многие секции крупных городов были против. Некоторые товарищи высказывали опасение, что создание секретариата ляжет на организацию тяжелым финансовым бременем. Другие, хотя и были в принципе за, однако считали быстрое осуществление слишком опрометчивым. Центральный комитет решил предоставить решение вопроса чрезвычайному съезду. Съезд состоялся 1 ноября в Ольтене. После горячих прений, съезд в принципе признал целесообразным создание секретариата. Но противники не удовлетворились этим постановлением. Образовалась, особенно из представителей секций Випкингена и Винтертура, инициативная группа, чтобы добиться первичного голосования всех членов по вопросу о секретариате. Комитет заручился необходимой поддержкой секций, и в конце ноября было проведено голосование. Голосование дало незначительное большинство за постановление ольтенского съезда. Настроение в центральном комитете было отнюдь не радостное. И только благодаря упорству и неутомимой деятельности товарищей Майера, Вильгельма Тростеля и Мимиолы удалось преодолеть все трудности и 1 января 1914 г. открыть секретариат. Центральный комитет единогласно избрал меня секретарем. В конце декабря я распрощался с моим аптекарем и готовился с 1 января 1914 г. приступить к своей деятельности в качестве генерального секретаря социалистической организации молодежи.

В это время типография неожиданно сыграла с нами скверную штуку. Мы должны были типографии, управлявшейся тов. Конзеттом (его отец был участником кровавых боев в 1886 г. в Чикаго), 1500 франков. Уже один этот факт показывает, что мы основали наш секретариат с максимальной дозой юношеского оптимизма, но с минимумом финансовых ресурсов.

За несколько дней до 1 января типография категорически заявила нам: «Если вы не уплатите до 2 января 400 франков в покрытие старого долга, мы прекращаем печат-

тание газеты». У нас в кассе было не более 30 франков. Все попытки столкнуться с типографией ни к чему не привели. Если бы газета не вышла 1 января, открытие секретариата стало бы невозможным. Людям, неспособным даже выпустить газеты, при всем желании нельзя было поверить, что они смогут финансировать секретариат.

Так наступил вечер под новый год. Мы собрались втроем: Тростель, Мимиола и я. Что делать? Мы решились на отчаянный шаг. Сложили в кучу все наши пожитки — часы, книги и т. п. — и хотели отнести их в заклад. Одна наша приятельница выразила готовность оказать помощь и не остановилась бы даже перед продажей своих роскошных волос, если бы это могло спасти. Но сперва мы хотели использовать вечер под новый год и самый новый год. Мы разошлись по трактирам и брали займы у всех находившихся там знакомых товарищей. На следующий день мы усердно продолжали эту деятельность, обходили все квартиры, поехали в близлежащие соседние секции, и когда мы вечером после разбойничьих набегов снова собрались на квартире, у нас было 430 франков. Мы выиграли битву. Газета могла выйти и секретариат мог быть открыт.

Помещением была избрана моя квартира, находившаяся по Вертовской улице в д. № 40, в Цюрихе. Единственная комната была рационально разделена на канцелярию, экспедицию, юношеский клуб, столовую и спальню. Из инвентаря мы имели только несколько папок. В первые месяцы все циркуляры и письма пришлось писать рукой. Еще по сегодняшний день для меня остается загадкой, как получатели могли расшифровывать написанные мною документы. Только через несколько месяцев нам удалось раздобыть за 80 франков старую пишущую машинку, и я быстро научился пользоваться ею.

Мы энергично принялись за работу и всеми силами старались использовать секретариат как средство для быстрого продвижения вперед швейцарского юношеского движения. После того как благодаря соглашению со старшими и ольтенскому съезду были устранены также разногласия внутри молодежи, мы могли всю нашу энергию сосредоточить на построении организации. Первые успехи секретариата были заметны уже по истечении всего лишь нескольких месяцев, когда от 12 до 13 апреля 1915 г. в Люцерне состоялось десятое делегатское собрание швейцарской молодежи. В своем отчете председатель Э. Майер говорит об этом следующее: «Возникли новые секции в Дитиконе, Флументале, Интерлакене, Ленгнау, Лаутербахе, Рошахе, Тальвиле, Тримбахе, Цуге, Адлисвиле, Моргене, Устере,

Зиггентале и Шо-дю-фоне. Во многих местах начата работа по образованию групп. Две секции, в Турге и Туне, прекратили свое существование. Число членов в течение последнего года возросло с 763 до 1342 чел. Среди них 200 девушек. Кроме того, 1500 взрослых товарищей обоего пола входят в группы в качестве сочувствующих членов. Число рабочих ферейнов, принадлежащих к союзу, возросло до восьмидесяти!»

Люцернский съезд принял отчет секретариата и положил конец дискуссии по вопросу о секретариате. Съезд единогласно был того мнения, что создание секретариата является важным и весьма удачным мероприятием. Это мнение зафиксировано также в протоколе. После отчета секретариата слово взял тов. Фриш (взрослый рабочий и представитель цюрихского профсоюза кожевников) и выразил удивление по поводу того, что не раздается никаких критических замечаний. Тов. Келлер (Цюрих) полагал, что плодотворная деятельность секретариата делает излишней всякую дискуссию. Тов. Рюсс из Випкингена (председатель бывшего комитета против создания секретариата) присоединился к этому. Эмиген (Ольтен) считал, что незачем искусственно создавать дискуссию. Бетен, представитель цюрихских деревообделочников, поддержал это мнение. Этим прения были исчерпаны.

Самоотверженная деятельность группы преданных делу товарищей сделала возможным создание секретариата и доказала, что он может принести огромную пользу движению, если только правильно работает. Расцвет юношеского движения в последующие годы — также немалая заслуга секретариата. Об этом в ежегоднике социал-демократической организации молодежи за 1915 г. сообщается следующее:

„В успехах нашей организации за последние годы, особенно в расцвете газеты, следует признать за секретариатом большую заслугу. Некоторые цифры дают картину проделанной в 1905 г. работы. Секретариат отправил 3000 писем и открыток, 800 пакетов и 8500 циркуляров и печатных материалов. За это же время поступило около 2300 писем и открыток, 300 пакетов и множество других вещей. Кроме того, каждый месяц рассымалось 5000 экземпляров „Свободной Молодежи“ секциям и 500—абонентам. С 1 января 1916 г. эта работа удвоилась, так как „Свободная Молодежь“ выходит теперь два раза в месяц. Редактирование газеты, управление конторой, ведение списков абонентов, получение наложенных платежей и сбор абонементной платы, отдел объявлений и т. д.—все это вместе составляет достаточно сложную работу. К этому надо еще прибавить редактирование „Интернационала Молодежи“ и его рассылку. За последние годы через посредство секретариата, кроме 70 000 экз. „Свободной Молодежи“, было распространено 17 000 экз. „Интернационала Молодежи“, 3000 экз. сборников, свыше 2000 брошюр, 1000 отчетов, 2500 экз. песенников, 45000 ленточек и большое количество канцелярских принадлеж-

ностей. Секретариат имел приход в 16 096 фр. 37 сант. и расход в 16 042 фр. 67 сант. Секретарь участвовал на 345 собраниях и заседаниях*.

Только в конце 1916 г., когда к «Свободной Молодежи» и «Интернационалу Молодежи» прибавилась еще третья газета, детская, «Всходы», был приглашен технический сотрудник. До этого я один постоянно работал в секретариате, руководимом мною до моей высылки из Швейцарии в 1917 г. Моим преемником был Эмиль Арнольд, в настоящее время редактор коммунистической партийной газеты «Вперед» в Базеле.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ В 1914 г. В ШТУТГАРТЕ

В начале осени 1913 г. цюрихская секция предложила пролетарской юношеской организации в Штутгарте на троицу 1914 г. устроить Международный юношеский день.

Наши штутгартские друзья с восторгом отнеслись к этому проекту и прислали нам приглашение принять участие в Вюртембергском юношеском дне на троицу 1914 г. Это приглашение вызвало огромное ликование среди цюрихцев. Немедленно была учреждена сберегательная касса для всех желающих поехать. Многие рабочие работали сверхурочно и по воскресеньям и всевозможными другими путями старались раздобыть себе побочный заработок. Экономился каждый грош, чтобы скопить на дорогу. Наконец наступил день отъезда. 54 товарища в сопровождении цюрихской секции и родных отправились на вокзал, и под шум, смех и песни поезд в субботу, в канун троицы, отошел в Штутгарт. Когда поезд в 1 ч. ночи прибыл в Шафгаузен, на вокзале оказалась вся шафгаузенская секция молодежи, во главе со своим председателем Лео Марешалем, теперь деятельным членом коммунистической партии. Всем едущим в Штутгарт товарищам были розданы большие куски пирога с луком, под названием «Bolle Wähe», представляющего всемирно-известную шафгаузенскую достопримечательность. Кроме того, из огромного корыта разливали невероятное количество малинового лимонада.

С громовым «ура» в честь преданных и гостеприимных шафгаузенцев мы, полчаса спустя, переехали швейцарско-германскую границу по направлению к Зинтену. Здесь была германская таможня. Несколько добродушных баденских таможенных чиновников вошли в вагон и спросили, нет ли у нас с собою чего-нибудь, подлежащего оплате пошлиною.

Я ответил, что мы ничего не имеем, но зато готовы усладить слух добрых таможенных служаек несколькими «беспокойными» швейцарскими народными песнями. И наша банда разразилась таким громким пением, что сбежались пассажиры из других вагонов. Искренне обрадованные и тепло отблагодарив нас, чиновники распрощались с нами. Еще большая радость охватила нас. Ведь нам удалось незаметно перевести через границу строжайше запрещенные в Германии книги: 100 экземпляров «Милитаризма и анти-милитаризма» Либкнехта и 50 экземпляров Эрве «Отечество богачей». Через несколько часов наши штутгартские друзья расхватили все экземпляры, и они переходили из рук в руки как драгоценность.

Около 8 часов утра, в чудесный солнечный день, мы прибыли в Штутгарт. На вокзале собралось несколько сот товарищей, оказавших нам восторженную встречу. Но почти в таком же количестве явилась полиция и неустанно металась по площади, чтобы воспрепятствовать образованию шествия. Самые молодые из нас с широко раскрытыми от удивления глазами смотрели на незнакомую им столичную сутолоку, на внушительный королевский дворец и роскошные штутгартские насаждения. Утро ушло на осмотр города. Остаток дня мы провели на чудесно расположенной на Зиленбургской возвышенности даче штутгартской рабочей организации. Между швейцарскими и швабскими танцами оставалось достаточно времени для того, чтобы познакомиться с вождями и друзьями штутгартского рабочего движения. В числе других, я познакомился с депутатом Вестмайером, одним из лучших вождей социал-демократического движения довоенного периода и блестящим оратором. Вестмайер был до войны лидером радикального крыла в Южно-Германской социал-демократической партии, в начале войны стал последовательным антимилитаристом, за что, в наказание, был взят на военную службу и замучен до смерти.

В Штутгарте же я встретил Артура Криспина, в то время тоже державшего себя ультрарадикально, а за несколько месяцев до того он в цюрихском «Согласии» произнес весьма левую речь за массовую забастовку и за группу Розы Люксембург. Мы, молодежь, проводили его тогда от «Согласия» до гостиницы, и он всю дорогу не переставал убеждать нас оставаться верными нашей революционной радикальной программе. Мы по сегодняшний день придерживаемся его мудрых советов, но он сам после войны немедленно перешел в лагерь социалпатриотов и социалфашистов. В настоящее время он — не только самый мелко-

травчатый, но и самый злостный противник КПГ и Советского Союза.

Во главе штутгартского юношеского движения в то время, в числе других, стояли: Яков Вальхер, Макс Гаммер, Рихард Янус, Фридрих Рюк, Эдвин Гернле и Елена Гернле. Эдвин Гернле приобрел большие заслуги в коммунистическом юношеском движении и в коммунистическом детском движении.

Полиция строжайше запретила всякие шествия и демонстрации. Но благодаря умелой тактике организаторов юношеского дня удалось обмануть полицию, и в то время как она сконцентрировала свои главные силы на месте, по которому мы и не думали проходить, мы сомкнутыми колоннами в количестве почти 2000 человек маршировали к известному штутгартскому залу для собраний «Динкелакен». Только тогда, когда последние наши ряды вошли в сад, прибыли вспотевшие и запыхавшиеся полицейские отряды, встреченные громовым «ура» и оглушительным смехом. Большой динкелакенский зал был переполнен. Господствовало боевое настроение. После приветственного слова Макса Гаммера я выступил с речью от имени швейцарских участников. Я приведу здесь конец речи, чтобы показать, как уже до войны, несмотря на растущую ревизионистскую волну, юные рабочие не только чувствовали интернационалистски, но и готовы были на интернационалистские действия.

Дорогие товарищи!

Штутгарт—историческое место. Здесь в 1907 г. в первый раз собрались представители рабочей молодежи, чтобы завязать международные связи. Ныне мы прибыли сюда для того, чтобы посредством личных дружеских и товарищеских связей еще более укрепить эти узы и сделать их нерасторжимыми. Интернационалу денежного мешка противопоставим Интернационал труда. Рабочей молодежи предстоит в будущем разрешить еще больше задачи, нежели до сих пор. Она сможет их разрешить только тогда, если сочетает разум и страсть, силу пролетарской мысли с пламенной страстью молодежи. То, что наши предшественники имели мужество думать и высказывать, мы, юные рабочие и работницы, должны превратить в дело. Приближается серьезный и решительный момент. Дебаты в прусской палате господ и в германском рейхстаге свидетельствуют о надвигающейся грозе. Но в этой битве мы должны победить и победим. Ибо мы, молодое поколение, призваны завершить пятидесятилетнюю просветительную и организационную работу, довести до конца пятидесятилетнюю борьбу рабочего класса. Если нам и предстоят более грандиозные бои, то зато ведь наши отцы и оставили нам более надежное и лучшее снаряжение и оружие.

Товарищи, помните о том, что мы—не только наследники Маркса, Энгельса и Лассалья, но и наследники Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта и их поколения.

Дорогие товарищи, есть легенда, что две тысячи лет назад святой дух снизошел на учеников Христа, и что они пошли по всем землям и проповедывали всем народам. Это—легенда, но такой дух должен воодушевить нас сегодня и воодушевлять всегда. Мы пойдем ко всем народам, ко всем нашим братьям и сестрам и будем проповедывать среди них то учение, осуществление которого только может дать нам образование, знание, свободу, красоту и радость. Этим учением социализма будем воспламенять молодежь и добьемся этого!

Стояли вы когда-нибудь на берегу моря и наблюдали, как море бурно бьется о скалы, преграждающие ему выход на широкий вольный простор? Первая волна безрезультатно откатывается назад. Но в течение года и ряда лет сотни и тысячи волн грозно бьются о скалы, и каждая уносит с собою от них несколько песчинок и камешков. Каждая волна помогает подточить скалы. И наступает день, когда разражается буря, поднимающая море из своих глубин и бросающая на скалы великий мощный прилив, смывающий подточенные скалы и расчищающий путь в обетованную землю. С этим зрелищем природы можно сравнить рабочее движение. Застывшие, угрюмые, точно лишенные жизни скалы—это капитализм. Но море, друзья мои,—это мы, рабочий класс. И каждая волна—это поколение, каждая капля—рабочий или работница. В продолжение последнего столетия не одно поколение бурно билось о скалу капитализма и расшатало ее. И теперь мы, юные рабочие и работницы, призваны историей быть мощным приливом, мы должны броситься на скалу, разрушить ее и расчистить путь для социализма!*

После собрания мы еще долго сидели все вместе и делились опытом, впечатлениями и воспоминаниями. На следующий день мы совершили прогулку в Марбах, место рождения Фридриха Шиллера. Дорогою мы имели достаточно поводов для того, чтобы высмеивать повсюду сопровождавшую нас полицию и всячески досаждать ей. В Германии в то время было запрещено ношение красных знамен. Мы расположились на отдых у каких-то развалин замка, как вдруг на верху башни взвился красный флаг. Один неповоротливый жандарм, пыхтя, поднялся, чтобы снять красное знамя. Когда он взобрался на последнюю верхнюю ступеньку крутой винтовой лестницы, флаг исчез, но как только он спустился вниз—знамя снова весело развевалось. Блудителю порядка начал с нами переговоры, прося нас войти в его положение, так как он рискует лишиться службы. Но знамя колыхалось наверху до тех пор, пока мы не отправились дальше.

На штутгартском вокзале было очень теплое прощание. Точно каждый предчувствовал тяжелые грядущие удары судьбы.

Я поехал не в Цюрих, а в Эрфурт, говорил там на собрании молодежи и на другой день—на тюрингенском собрании молодежи на Экерсберге под Веймаром. Несколько дней спустя я выступил на большом собрании молодежи в Лейпциге, организованном Георгом Шуманом. Так как моя речь была определена надзиравшим полицейским чиновни-

ком как политическая, лейпцигские товарищи вынуждены были уплатить штраф в 100 марок. Из Лейпцига я поехал в Дрезден, где сделал доклад в небольшом кругу лево-социалистических товарищей. Во всех местах, особенно же в Штутгарте, Лейпциге и Дрездене, я познакомился со многими товарищами, находившимися в оппозиции к партийной комиссии воспитателей молодежи, возглавлявшейся Фридрихом Эбертом. Мы сговорились впредь поддерживать связь друг с другом и оказывать взаимную поддержку в борьбе. Кроме того, мы условились на троицу 1915 г. организовать большой Международный юношеский день с участием, кроме вюртембергских юношеских групп, представителей тюрингенского и саксонского объединений молодежи. Мы были уверены, что нам удастся склонить к участию также делегацию французской организации молодежи.

Но случилось иначе.

Через несколько недель после того, как я из Дрездена через Мюнхен вернулся в Швейцарию, разразилась война. Перед нами встали новые и более сложные задачи. Мы старались, по мере своих сил, разрешить их в духе пролетарской революционной классовой борьбы.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Короткое время спустя после возвращения из Германии наша группа после прогулки сидела на Цюрихской горе в народном ресторане без спиртных напитков, как вдруг экстренные выпуски газет сообщили об убийстве австрийского наследника престола в Сараеве. Мы горячо заспорили о возможных последствиях покушения, и хотя мы предвидели серьезный конфликт между Австрией и Сербией, никто из нас, однако, не верил в то, что будет война. Слишком прочным казалось нам международное сплетение и трестирование капитала, а с другой стороны — социал-демократические партии и организации, всего лишь несколько лет назад на Базельском конгрессе клявшиеся употребить все силы на то, чтобы воспрепятствовать всякой войне.

События развертывались с головокружительной быстротой. Австрия предъявила Сербии ультиматум. Угроза войны становилась все реальнее. Шовинистическая волна в Вене и Берлине докатилась и до Швейцарии. Здесь существовали, в немецкой части Восточной Швейцарии, многочисленные немецкие и германско-националистические общества и объединения, начавшие оживленную пропаганду на собраниях и путем манифестаций. За ультиматумом после-

довало объявление войны. Сотни австрийских подданных, призванных в армию, вынуждены были покинуть Швейцарию. Отъезд каждой группы использовался германской и австрийской колониями для новых шумных уличных демонстраций. Каждый вечер несколько сот ошалевших от военного угара людей тянулись от берегов Цюрихского озера по Вокзальной улице и по другим центральным улицам Цюриха. Нас, рабочих юношей, эти манифестации приводили в ярость. Мы призвали всех членов на контрдемонстрацию. Но наша группа была слишком малочисленна для того, чтобы справиться с обезумевшей бандой шовинистов. Мы были заклятыми врагами полиции. Но когда цюрихская полиция начала принимать репрессивные меры против этой орудней, оголтелой от военного угара толпы, мы сильно помогали ей и усердно колотили этих героев, вдаль от фронта смело оравших о «священной войне». Однажды вечером мы заняли перрон, с которого поезда отвозили в Вену пушечное мясо. Погруженные в вагоны рекруты и ополченцы пели до хрипоты «Боже, храни императора Франца». А мы изо всех сил старались заглушить их идиотское пение «Интернационалом» и криками «долой войну», «да здравствует революция!»

Рабочий Союз устроил в самом большом цюрихском зале, в «Велодроме», митинг по вопросу о разразившейся войне. Первым докладчиком выступил социал-демократический реформист Иоганн Зигг, проливавший много слез по поводу ужасного бедствия, но считавший борьбу против войны невозможной и выразивший единственную надежду, что социалистическое рабочее движение возродится... после войны. Это было уже слишком. Я выскочил вперед и своей речью открыл дискуссию. Я со всей резкостью обрушился против этой полнейшей капитуляции социализма перед войной и требовал самой решительной борьбы социал-демократических партий и рабочих масс посредством всеобщих стачек в Германии и Франции, вне всякого сомнения могущих воспрепятствовать расширению войны, и добиться быстрой ликвидации габсбургской авантюры против Сербии. Я закончил свою речь заявлением, что мы, рабочая молодежь, и не думаем идти на войну; мы будем продолжать работать для социалистического движения, и если уж надо отдать свою жизнь, то только за дело социализма, а не за капиталистическую войну. Моя речь, имевшая успех, заставила ринуться в бой социал-демократического партийного папу Германа Грейлиха, чтобы, как выразились буржуазные газеты, «вливать хорошую порцию дегтя в бочку меда экзальтированного юноши». Грейлих защищал позицию Зигга, не отрицал моих добрых намерений, но заявил,

что нет средства против войны, мы слишком слабы, единичное лицо вовлекается гигантской машиной в ее круг действий и вынуждено участвовать. Под этим углом зрения и вели потом Грейлих и Зигг политику швейцарской социал-демократии в продолжение всей войны.

Через день-два после собрания в «Велодроме» последовало со стороны Германии объявление войны Франции, и вскоре после этого австрийско-сербский конфликт разросся в мировую войну. Объявление Германией войны Франции вызвало новый подъем шовинистического безумия. В срочном порядке все проживавшие в Швейцарии германские военнообязанные уехали в Германию. В социал-демократическом фереине «Согласие» почти никого не осталось. И не одна группа социал-демократически организованных рабочих с пением «Дорогое отечество, можешь быть спокойным» и с цветами, как в Первое Мая, отправились на фронт.

Только очень немногие, не более шести из союза рабочих юношей и несколько синдикалистов и анархистов, остались, несмотря на то, что редактор социал-демократического «Народного Листка» Хаут хотел запугать нас заметками в почтовом ящике. Ему было досадно, что не все последовали примеру Гейльмана в Хемнице, когда началась война, заявившего: «Я иду с Гинденбургом». Хаут помещал в «Народном Праве» вымышленные сообщения, что швейцарское правительство решило выдать всех «бунтовщиков», (т. е. отказавшихся от военной службы) и дезертиров. Сам Хаут, впрочем, оставался в мирном Цюрихе, а потом перекочевал в Штутгарт, где в качестве «независимого» тылового вояки вел шовинистическую кампанию в социал-демократическом «Трагвахт».

В нашей организации война произвела большие опустошения. Многие, увлеченные общим течением, пошли на войну. Партия определенно призывала к этому. Но еще большее число наших членов и должностных лиц должно было вступить в швейцарскую армию. Швейцария за два или три дня до германского объявления войны Франции мобилизовала свою армию для охраны границ, и сотни наших членов были благодаря этому оторваны от работы в организации.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ

В противоположность социал-демократической партии, мы сейчас же после начала войны заняли против нее ясную и решительную позицию. Это выражалось не только в наших речах, не только в наших удачных выступлениях и де-

монстрациях, но и в наших брошюрах и газетах, выходящих к моменту начала войны. В первом номере нашего журнала «Свободная Молодежь», появившемся после начала войны и целиком посвященном борьбе против нее, была помещена картина во всю страницу «Война», с надписью

„Свободная Молодежь“, орган швейцарской социалистической организации молодежи. Антивоенный номер.

«Война войне», а вверху была напечатана первая строка стихотворения Г. Маккея «Отечество».

„Не там, где некогда случайно проведена была граница, должна умирать и вновь возникать любовь моя! Я хочу с вольной вышки, широкой и высокой, обозреть все страны земли“.

На ряду с другими антивоенными статьями, заметками и стихами в номере была помещена написанная мною передовая статья, из которой я приведу здесь заключительную часть:

„Армии России, Франции, Сербии, Черногории, Бельгии и Англи борются против армий Австрии и Германии. Сомнительно, чтобы Италия и остальные пока еще нейтральные государства в дальнейшем ходе событий смогли сохранить свой нейтралитет. Но, каков бы ни был исход этой гигантской битвы, для рабочих вовлеченных в нее стран он безразличен. Не их интересы поставлены на карту, а исключительно во имя капиталистов бушует война. Никакие красивые слова не меняют этого.

В прежние времена такие экономические бои велись под религиозным флагом, потом—национальным. Так как то и другое в настоящее время не имеет больше притягательной силы, придумали „борьбу рас“. Славянская опасность угрожает германской расе,—орут германские капиталисты, ради прибылей которых разразилась эта грандиозная проклятая война.

Новые территории, новые колонии и, стало быть, новые прибыльные рынки сбыта будут при заключении мира военными трофеями победителя. Таким образом, в этом отношении разразившаяся война не представляет ничего нового. И все-таки кое-что изменилось. Во всех прежних войнах массы верили в ту причину войны, которую называли им лживые проповедники или правительственные агенты. Миллионы пали в прежних войнах с непоколебимой верой в то, что их смерть угодна богу или неведомому отечеству.

Ныне же отправились на фронт миллионы, понимающие этот обман и отлично знающие, что они сражаются только за интересы буржуазии. Эти миллионы никогда не взялись бы за оружие, если бы чувствовали себя достаточно сильными, чтобы отказаться от этого.

Всего лишь недавно, в Петербурге, при посещении французского президента, 200 000 рабочих ходили с красными флагами и пели революционные песни. А в Германии, Франции, Англии, Австрии—живут миллионы рабочих, устами своих представителей заявившие на международных конгрессах, что они—против всякой войны. И если теперь эти же миллионы все-таки пошли на фронт,—это надо приписать мощной, все регулирующей организации капиталистического государства. Эта организация расколла рабочую массу на тысячи мелких частиц и сделала, таким образом, невозможным всякое сопротивление. В одной из своих последних статей социал-демократический депутат рейхстага Вендель (Берлин) писал: „Быть готовым—это все!“ Теперь он должен был убедиться в том, что не были готовы...

На нашу долю выпадает великая задача. Новые носители социалистической мысли, в первую очередь пролетарская молодежь, должны будут впредь стараться избегать ошибок периода, завершающегося ныне европейской войной“.

*Статья показывает, что наша группа социалистической молодежи решительно была против войны. Правда, при оценке положения нам не только не хватало всей необходимой суммы теоретических познаний, обладая которыми Ленин и его группа приступили к анализу войны, но и не доставало полноты опыта, приобретенного нами только в дальнейшие годы войны. И кроме того, когда мы писали эти статьи, нам не доставало связи с братскими партиями других стран.

Второй Интернационал социал-демократических партий, казавшийся и нам огромным и мощным, рухнул. Мы это хорошо знали, что происходило на наших глазах. Пресса подробно сообщала о позиции социал-демократических лидеров в германском рейхстаге и французском парламенте. О вождах, перед которыми мы, молодежь, особенно преклонялись, до нас доходили только неопределенные сведения. Распространился слух, к сожалению, слишком быстро подтвердившийся, что бывший глава французских революционных антимилитаристов, Эрвэ, переметнулся в лагерь социал-патриотов и начал выпускать собственную шовинистическую газету. О Либкнехте и его группе к нам через границу проникали только непроверенные слухи. Несмотря на то, что мы внутренне твердо и абсолютно определенно были против войны, писали об этом, выступали с речами и демонстрировали, мы, в сущности, не знали, как, какими средствами можно успешно вести борьбу против нее. Одно было ясно: это не мог быть путь социал-демократической партии. Еще не было тех марксистских революционных вождей из рабочего движения, указавших нам новые пути и средства. Нам самим недоставало научно-теоретической зрелости для того, чтобы самостоятельно найти эти пути.

Ничего, поэтому, нет удивительного в том, что мы временно вступили в связь с группой, которая, как и мы, одна из первых выступала против войны и, потрясенная событиями и развалом социал-демократического движения, пыталась вести борьбу против войны другими методами и средствами, нежели реформистские социал-демократические верхи. Это была социально-религиозная группа, возглавляемая профессором Рагацом, Маттие, пастором Бадером и другими. Она действовала еще до войны и, кроме Швейцарии, имела значительные группы также в Голландии, выпускавшие собственные газеты. Лидеры этой социально-религиозной группы, особенно Рагац, выступали перед рабочей массой с резкой критикой капитализма, социал-демократии и реформизма.

Рагац и его друзья добросовестно и беспощадно критиковали крах II Интернационала. Цюрихские рабочие и социалистическая молодежь с большим вниманием и сочувствием относились к его речам в первое время после начавшейся войны. Мы ходили почти на все собрания, на которых выступал Рагац, сами организовывали собрания, приглашая его сделать доклад на них, и предоставили ему страницы «Свободной Молодежи», где он во втором номере, вышедшем после начала войны, написал передовую статью, под загла-

вием «Почему обанкротилась социал-демократия». Эта статья, как и его речи, наносила чувствительные удары социал-патриотам, империалистической войне и самому империализму. Как средство для предотвращения подобных катастроф в будущем он восхвалял «социалистический дух, социалистическую душу во всей ее глубине, красоте и мощи». Он думал, что преодоление войны возможно путем более высокого развития рабочей взаимопомощи и отказа рабочих от улучшения своего материального положения, что может побудить капиталистов экономически и политически раскрепостить пролетариат. Рагац призывал не только имущих отказаться от попыток улучшить свое материальное положение, но и неимущих, терпящую нужду рабочую массу отказаться от последних, остававшихся еще у нее житейских благ. Он проповедывал освобождение от политического гнета и эксплуатации посредством любви. Он учил: «Мы все станем богатыми, если только отвернемся от дьявола и обратимся к богу».

Совершенно ясно, что мы, безбожные и презирающие небо рабочие юноши, недолго находились в контакте с этой группой. Наш окончательный отход был ускорен известиями, всё чаще и в большем количестве получавшимися нами из-за границы о начатой там политически связанными с нами группами революционной борьбе против войны. Путь Карла Либкнехта в Берлине и итальянских юношеских организаций был все-таки более подходящим, нежели рагацовская проповедь любви, все более казавшаяся проповедью апостола среди волков и хищных зверей. Этому способствовало еще то, что война привела в Швейцарию многих крупнейших политических эмигрантов из Германии, Франции, России и других стран, в том числе Ленина, который вскоре после начала войны, в феврале 1915 г., из Берлина перебрался в Цюрих. С Лениным прибывала целая группа членов большевистской партии — Зиновьев, Харитонов и т. д. Лев Троцкий осенью 1914 г. тоже приехал в Цюрих. Я вскоре лично познакомился с ним во время одной поездки из Цюриха в Люцерн. Уже в начале осени появилась его книга «Война и II Интернационал». Почти в то же время вышла из печати книга Ленина и Зиновьева «Социализм и война». Мы усердно изучали обе книги, спорили о них в наших кружках и благодаря этому быстро избавились от последних остатков социально-религиозных проповедей. Чтение написанных Лениным большевистских брошюр и статей оказало огромное влияние на теоретическую и политическую выработку нашей программы. Теперь мы не были, как в самом начале войны, только чувством против

нее, но и сознательно, на основе проверенных теорий и убеждений. Мы видели уже, хотя еще в неясных для нас очертаниях, единственный путь, ведущий к ликвидации войны, — путь пролетарской революции.

Мы еще более заострили нашу позицию в вопросах борьбы против войны и антимиитаризма. Швейцарская социал-демократическая партия устраивала 31 октября и 1 ноября 1914 г. в Берне свой партийный съезд. Я поехал туда в качестве представителя социалистической организации молодежи вместе с Вальтером Штеккером, находившимся в то время еще в Швейцарии, и другими иностранными гостями.

Партийный съезд самым недвусмысленным образом высказался за оборону отечества, и не нашлось ни одной группы, которая могла бы провести подлинно интернационалистическую, антипатриотическую и антинационалистическую точку зрения. Представители партийных групп французской Швейцарии, Нэв и Грабер, хотя и произносили речи против идеи обороны отечества, но не по мотивам революционного идеализма, а из националистически-франкофильской неприязни к Германии. Партийный съезд постановил требовать от Швейцарского союзного совета, чтобы он взял на себя инициативу в деле посредничества нейтральных государств между всеми воюющими государствами в целях прекращения войны. Эта иллюзия не без основания казалась нам наивной и смехотворной. Партийная масса была мало удовлетворена таким результатом, и повсюду начали образовываться революционные очаги. В цюрихской социал-демократической организации была провалена группа Пауля Пфлюгера, хотевшая непременно защищать Швейцарию. Группа центра, во главе с Гриммом, тоже не получила большинства. Зато была принята совместная резолюция группы Платтена, молодежи, социал-религиозников и подобных групп, имевшая антипатриотическую установку, хотя и не содержащая еще ничего коммунистического. В резолюции устанавливалось, что пролетарии и капиталисты не имеют общего отечества. Это положение упорно оспаривалось «рабочими» вождями — Иоганном Лангом и судьей Зиггом.

Организации молодежи постоянно были самыми активными участниками в этой антипатриотической пропаганде и всюду брали на себя инициативу в борьбе с оборончеством. Мы справедливо считали, что не годится требовать отклонения военных кредитов только от германских, французских и английских социал-демократов, и то, чего мы требуем от других, говорили мы, мы сами должны делать, и настаивали на недвусмысленном и ясном отказе от обороны отечества и в отношении Швейцарии. Мы выставили целый

ряд требований, касающихся позиции социал-демократической партии в собственной стране. В журнале «Свободная Молодежь» мы подвергли армию суровой критике, выпускали специальные номера о случаях дурного обращения с солдатами в армии и пограничной охране и требовали демократизации армии, еще считавшейся нами тогда возможной.

Первый съезд швейцарских социалистических организаций молодежи после начала войны, собравшийся на пасху 1915 г. в Берне, главным образом, был посвящен вопросу о войне, вопросам обороны отечества и антимилитаризма. Съездом была принята следующая резолюция:

„Собрание делегатов швейцарской социалистической организации молодежи предлагает исполнительному комитету социал-демократической партии Швейцарии в самом ближайшем времени выпустить воззвание к рабочим, находящимся на военной службе. В нем, прежде всего, должны содержаться программные требования социал-демократической партии, касающиеся демократизации армии, а также все приговоры, вынесенные в результате последних военно-судебных процессов. Вместе с тем мы просим предложить партийной прессе в большей мере, нежели до сих пор, вести пропаганду и агитацию в этом духе, а нашей парламентской фракции вменить в обязанность бороться за это в парламенте. В том случае, если правление партии не примет эти предложения, съезд поручает центральному комитету организации молодежи взять на себя выполнение этих задач“.

Оглядываясь назад, мы должны признать теперь, что это было еще очень кротко и слабо, но вождям социал-демократической партии резолюция показалась чрезмерной.

Отрадным в этой резолюции было заявление, что если старшие сами не выполняют этих задач, вместо них сделает это молодежь. Как мы покажем дальше, молодежь честно сдержала это свое обещание.

БЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Крах II Интернационала автоматически повлек за собою окончательное распадение международной связи социалистических организаций молодежи. Это объединение, основанное в 1907 г. в Штутгарте, никогда не было особенно активным. Международная связь социалистических организаций молодежи до войны сводилась почти к одному только почтовому ящику, притом плохо функционировавшему. Международно объединенные социалистические организации молодежи не имели никакой ни политической ни принципиальной общей программы. Само международное объеди-

нение не устраивало никаких совместных международных выступлений. Не существовало никакого объединяющего и связывающего организации между собою центра, как международная газета и т. п., и вся деятельность ограничивалась изданием от 1907 до 1914 г. жалкого, очень нерегулярно выходившего к тому же бюллетеня. Секретарем международного объединения в начале войны был почтенный социал-демократический член муниципального совета и лидер австрийской социал-демократической партии Роберт Даннеберг.

Ни накануне 4 августа, когда угрожала непосредственная опасность войны, ни после того, как она разразилась, международное бюро не заняло никакой определенной позиции по отношению к этому всемирно-историческому событию. Оно притворилось мертвым, что ему не трудно было сделать, и все считали, что оно, собственно, никогда по-настоящему и не жило. В последующие после начала войны месяцы международное бюро не делало никаких попыток наладить связь с другими социалистическими организациями молодежи или связать между собою социалистические организации молодежи. Зато тем сильнее и живее было желание почти всех социалистических организаций молодежи всего мира вступить между собою в сношения и установить международный обмен мнений по вопросам о разразившейся войне и позиции социалистических организаций молодежи.

Перед войной мы поддерживали ряд международных отношений. В результате моей поездки по Германии завязалась оживленная переписка со всеми посещенными мною юношескими группами. С центральным комитетом итальянской социалистической организации молодежи и со всеми группами, с которыми мы познакомились в нашу поездку по Италии в 1912 г., связь никогда не прерывалась. В сентябре 1914 г. мы вступили в оживленную переписку с норвежским, шведским, датским и итальянским социалистическими союзами молодежи, с целью созвать конференцию социалистических организаций молодежи, которая возродила бы пролетарский Интернационал молодежи.

В согласии с юношескими организациями этих стран я как секретарь швейцарского союза молодежи 10 ноября 1914 г. обратился к международному бюро в Вене с предложением не позже троицы 1915 г. созвать международную конференцию социалистических организаций молодежи. Международное бюро в открытом письме, классическом по своему лаконизму, объявило себя недееспособным. Открытка содержала следующее:

„Уважаемый товарищ! Совершенно невозможно сказать в настоящий момент, удастся ли осуществить на тронце 1915 г. конгресс. Поэтому я пока не могу сказать ничего определенного по поводу вашего предложения. Привет!

Даннеберг.*

Мы убедились в том, что через посредство международного бюро невозможно будет созвать конференцию, и решили организовать ее без бюро. Переписка наша оживилась и привела к тому, что ряд социалистических организаций молодежи обещал прислать своих делегатов на конференцию в Берне, в пасхальные дни 1915 г. Отрицательный ответ получился только от французской социалистической организации молодежи, заявившей, что она не может принять участие в этой конференции, так как Французская социал-демократическая партия еще не высказалась по этому вопросу, а точка зрения организации молодежи автоматически совпадает с мнением партии. Центральный комитет австрийской социалистической организации молодежи письменно приветствовал идею созыва конференции, однако делегатов не прислал. Центральное бюро германских юношеских комитетов, попрежнему руководившееся Ф. Эбертом, резко отказалось от участия, протестуя против конференции вообще. Образованные в 1913 г. в Германии юношеские комитеты при социал-демократической партии и профессиональных союзах никогда не принадлежали к международному объединению социалистических организаций молодежи. Тем не менее, мы считали себя обязанными пригласить их на конференцию, тем более, что как раз «Рабочая Молодежь», орган германских юношеских комитетов, заняла несоциалистическую и ура-патриотическую позицию. Как известно, бывший радикал и вождь южно-германских молодых гвардий Людвиг Франк пошел добровольцем и через короткое время пал на западном фронте. Уход добровольцем и его смерть восхвалялись в «Рабочей Молодежи» как героический поступок и великий пример, которому должны подражать миллионы германских юных рабочих.

В послании центрального бюро, присланном Бернской конференции, подписанном бывшим председателем германских самостоятельных социалистических организаций молодежи Максом Петерсом, тем самым Петерсом, который в 1907 г. клялся защищать свою жизнь самостоятельность юношеских организаций, говорилось:

„В представленной нам напечатанной корреспонденции находится много злобных замечаний о германском пролетарском юношеском движении. Мы отказываемся вступить с вами в настоящее время в спор по этим

вопросам, но зато решительно протестуем против этих нападков. В проектируемой вами международной конференции молодежи мы принимать участия не будем. Предполагаемый главный предмет занятий на этой конференции не входит, по нашему мнению, в задачи юношеского движения и является делом, касающимся социал-демократических партий*.

В этом документе ярко выражена позиция социал-демократического воспитателя молодежи, видящего в пролетарской молодежи только объект. Он считает ее достаточно созревшей для того, чтобы в семнадцать лет истекать кровью на полях сражений, но недостаточно созревшей для борьбы против войны.

Несмотря на отказ берлинского центра социал-патриотической молодежи и колебания центрального комитета французской организации, конференция все-таки состоялась. В конференции участвовали 14 делегатов от 10 стран: Польши, Голландии, Италии, Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, Болгарии, Германии и России.

С 1907 года представители германских социалистических организаций молодежи и юношеских объединений в первый раз принимали участие в международной конференции. Идея Бернской конференции встретила мощный сочувственный отклик в германских социалистических организациях молодежи. Из многих мест поступили приветственные письма и телеграммы, в том числе из Гамбурга, Киля, Эрфурта, Дрездена, Лейпцига и Берлина. Делегатам трех социалистических организаций молодежи удалось беспрепятственно проехать через строго охранявшуюся границу и принять личное участие в конференции. Этими тремя делегатами были: представитель штутгартской свободной молодежи Н о т ц, потом (и по сегодняшний день) активно работавший в германской коммунистической партии, Ш т и р н е р из Геттингена и Д и т р и х из Карлсруэ. Дитрих перешел потом в социал-демократическую партию и в настоящее время он — социал-демократический депутат рейхстага от Тюрингии.

Германские делегаты были особенно тепло приняты швейцарскими товарищами. В первые часы после их приезда мы заставили их рассказывать нам о последствиях войны для германского рабочего класса и германской рабочей молодежи.

На Бернской конференции в первый раз присутствовали также представители польской и русской организаций. Делегатом социал-демократической партии Польши и Литвы был Д о м б р о в с к и й, делегатами от российской социал-демократической рабочей партии — товарищ Инесса

Арманд и Егоров. Мандат последнего был лично заполнен Лениным.

Ленин с большим интересом следил за конференцией и, не принимая личного участия в заседаниях, оказывал решающее влияние на ход дебатов.

Международная конференция социалистических организаций молодежи, открывшаяся 4 апреля в Бернском народном доме, где в то же время происходило делегатское собрание Швейцарской социал-демократической партии, была первой после войны официально объявленной и официально проведенной международной конференцией. Незадолго перед тем в том же Берне состоялась женская конференция под руководством Клары Цеткин. Проведена она была, однако, нелегально, и только после ее закрытия и возвращения всех делегатов в свои страны о ней были даны сообщения.

Открытие конференции состоялось в зале Бернского народного дома и представляло собою внушительную демонстрацию идей международного революционного социалистического юношеского движения. С речами, на ряду с представителями социалистических организаций молодежи, выступали Роберт Гримм от правления Швейцарской социал-демократической партии и Анжелика Балабанова — от Итальянской.

Первое деловое заседание было заполнено докладами делегатов о состоянии и деятельности их организаций. В своем докладе о Норвегии Олауссен сообщил, что 16 000 членов норвежской социалистической организации молодежи составляют ядро левого крыла норвежской партии. Левое крыло партии вместе с оппозицией молодежи стремится к революционизированию партии. То же самое относится и к профессиональным союзам.

Об еще большем влиянии на партию доложил представитель шведской организации молодежи, насчитывавшей 8 000 членов.

В Дании социалистическая организация молодежи сделала смотр 7 000 членам. На состоявшемся незадолго перед тем съезде она основательно проработала вопрос о борьбе против милитаризма. Датская организация молодежи постановила, в случае мобилизации, применить средство солдатской стачки.

О Голландии сделал доклад Лутераан, сообщивший, что представляемая им лево-социалистическая организация молодежи, в своей борьбе с реформистской организацией молодежи всегда настаивает на революционных выступлениях против войны.

О положении в России сделала доклад товарищ Инесса. Так как в России при царизме организации молодежи были запрещены законом, они работали под видом драматических обществ, литературных кружков и т. д. Многие юноши и девушки тяжело поплатились за свою ожесточенную борьбу с царизмом. Организации молодежи в России, говорила докладчица, иначе построены, нежели в Западной Европе. В большинстве случаев молодежь работает совместно со старшими. Русская рабочая молодежь теперь настроена так же интернационалистически, как и до войны. Неустрашимо продолжается там борьба за мир, против царизма и капитализма.

Доклад о Польше сделал Егоров. Польская рабочая молодежь стоит на почве непримиримой классовой борьбы. Она против забастовки солдат и настаивает на проведении целеустремленной классовой борьбы против капитализма.

О движении молодежи в Болгарии сделал доклад Минев.

В Болгарии существовал Союз социалистической молодежи. Во время балканской войны он был закрыт. После войны он вновь был основан. Главное внимание юношеская организация обращает на социалистическое воспитание молодежи. Рядом с марксистским направлением социал-демократической партии (к которому принадлежал докладчик) в Болгарии существует еще реформистское направление. Последнее течение имеет также свою организацию молодежи. В центральный комитет марксистской организации молодежи входит по одному представителю партии и профессиональных союзов.

Борьбу германских юношеских фереинов против реформизма сначала описал Штирнер (Геттинген). Не только буржуазные, но и социалистические группы стараются отравить рабочих военным угаром. Газета юношеской организации «Рабочая Молодежь», прежде редактировавшаяся в радикально-революционном духе, поместила статьи, в которых защищается оборонческая политика. Многие местные группы молодежи решительно протестовали против этого, в ряде случаев молодежь отказывалась разносить газеты, содержащие социал-патриотические статьи. Полицейские меры против пролетарской молодежи были усилены.

В том же духе говорили Нотц (Штутгарт) и Дитрих (Карлсруэ).

Представители Франции, Англии и особенно Италии, откуда три делегата еще были на пути в Берн, сообщили о та-

кой же революционной линии и такой же борьбе молодежи против войны.

Присутствовавшие на Бернской конференции делегаты представляли 33 800 членов, не считая Германии и России.

В начале второго дня возник спор о русской делегации. На прежних конгрессах каждой стране предоставлялся один голос на каждую тысячу членов. По понятным причинам такой порядок был неприемлем на Бернской конференции. В таком случае два делегата скандинавских организаций, представлявшие 23 000 членов, получили бы преобладание на конференции. Поэтому было внесено предложение дать при голосовании каждой стране один голос. Против этого выступила с протестом русская делегация. Дело дошло до довольно напряженной дискуссии, не давшей никаких результатов. Когда большинство конференции приняло предложенный порядок, т. е. каждой стране был предоставлен только один голос, русские делегаты с протестом покинули конференцию. Создалось критическое положение. Было совершенно ясно, что неполная конференция, особенно такая, на которой воюющие страны окажутся представленными только одной Германией, не будет иметь желательного успеха. Поэтому мы снова вступили в переговоры с покинувшими конференцию русскими товарищами и добились соглашения, удовлетворяющего их, так что они на следующий день возвратились.

Главным предметом занятий конференции был, конечно, вопрос о войне и позиции социал-демократических партий и социалистических организаций молодежи. Основной доклад по этому вопросу сделал лидер швейцарской социал-демократической партии Роберт Гримм совместно с Анжеликой Балабановой, внесшие проект резолюции. После оживленных и страстных прений, касавшихся особенно требования полного разоружения, резолюция была единогласно принята.

С принятием этой резолюции Интернационал молодежи вступил в новую фазу своего развития.

В первый раз в истории пролетарского юношеского движения представители социалистической молодежи заняли самостоятельную позицию по отношению к политическим событиям и выразили свое собственное мнение.

В своей резолюции Бернская конференция молодежи, охарактеризовав войну как империалистическую и как результат капиталистической политики, со всей решительностью обратилась против войны и лживой теории оборонительной войны, а также осудила политику примирения классов, так называемый «гражданский мир», разоблачив ее как

отказ от пролетарской классовой борьбы. Бернская конференция требовала соблюдения постановлений международных конгрессов, вменявших в обязанность пролетарским партиям всех стран начать классовую борьбу и революционные выступления за окончание войны. Конференция, далее, обязала все социалистические организации молодежи вести непримиримую борьбу против войны и милитаризма, как неизбежных порождений капиталистического общества.

В начале третьего заседания было оглашено письменное заявление русских товарищей, за день до того из-за порядка голосования покинувших конференцию. Конференция после оживленной дискуссии решила, чтобы доказать свою готовность сделать все для доведения своих работ в полном единстве до конца, пойти навстречу желаниям русских товарищей и в дальнейших голосованиях предоставить каждой стране два голоса, причем Польшу считать отдельной страной. Это решение удовлетворило русских товарищей, и они вернулись на конференцию.

После возвращения русских делегатов возникли новые разногласия между ними и большинством конференции. Русские товарищи выработали по вопросу о войне и в связи с нею о задачах социалистических организаций молодежи свою собственную резолюцию и защищали ее в длинных выступлениях. Они подвергли резкой критике предложенную бюро и принятую накануне конференцией резолюцию и требовали заострения пункта, направленного против ревизионистов. Надо высказаться, говорили они, не только против этой войны, но и против всякой войны, носящей империалистический характер. В резолюции необходимо открыто сказать, какие средства надлежит применять. После длительной и основательной дискуссии, большинством 13 голосов против 3 резолюция русских участников конференции была отклонена. Поправки уже принятой за день до того резолюции, внесенные русскими делегатами, также были отклонены тем же большинством 13 против 3 голосов.

Принятая большинством конференции резолюция, бесспорно, имела много недостатков и слабых мест. Политическая прозорливость и мудрая тактика Ленина характеризуются уже тем фактом, что он, после отклонения русского проекта резолюции, не отозвал с конференции представителей русского Центрального комитета, но дал им продолжать принимать участие в работах конференции. Ленин правильно учел, что принятая резолюция, несмотря на все ошибки и пробелы, по сравнению с прежними резолюциями представляет значительный шаг вперед в пролетарском юношеском движении. Для него было важнее принимать де-

ательное участие внутри развивающегося в революционном направлении пролетарского юношеского движения и благодаря этому оказывать влияние на темп его революционного развития, нежели одним ударом всего достигнуть или же потерять. Дальнейшее развитие юношеского движения доказало его правоту. Всего лишь через несколько месяцев после Бернской конференции игравшие на ней руководящую роль лидеры центристских групп Роберт Гримм и Анжелика Балабанова были в Интернационале молодежи разбиты по всем пунктам, и весь Социалистический интернационал молодежи, душой и телом преданный знамени Ленина, с воодушевлением безоговорочно следовал его заветам.

Конференция 9 голосами против 5 приняла предложение скандинавских и швейцарских делегатов выставить требование осуществления во всех странах полного разоружения.

Согласно предложению голландской делегации, было постановлено ежегодно устраивать Международный антимилитаристский юношеский день, который должен проводиться одновременно во всех странах, где имеются социалистические организации молодежи.

Конференция постановила учредить «фонд Либкнехта». Деньги этого фонда должны служить для поддержания антимилитаристской борьбы и жертв этой борьбы.

Большое значение для всего дальнейшего развития имели постановления конференции организационного характера. Они означали не что иное, как полный разрыв с венским бюро. Первый параграф единогласно принятой конференцией регламента международного секретариата молодежи гласил:

„Социалистические организации молодежи, примкнувшие к международному объединению, учреждают секретариат, временно находящийся в Швейцарии“.

Благодаря этому венское бюро лишалось своих функций, и действовавший до сих пор международный секретарь Роберт Даннеберг считался смещенным.

Принятый регламент намечал четкую и крепкую международную организацию, с международной газетой, регулярными взносами в кассу международного секретариата и рядом обязательств организационного характера, обеспечивающих превращение социалистической организации молодежи в активную, подлинно дееспособную организацию.

В результате последовавших выборов, которыми конференция закончила свои работы, я был избран международным секретарем, а в международное бюро вошли следующие

товарищи: Олауссен (Норвегия), Христиансен (Дания), Нотц (Германия) и Катанези (Италия).

Бернская конференция Социалистического интернационала молодежи означала огромный шаг вперед в деле революционирования пролетарской молодежи и в создании боеспособного, централизованного Интернационала молодежи.

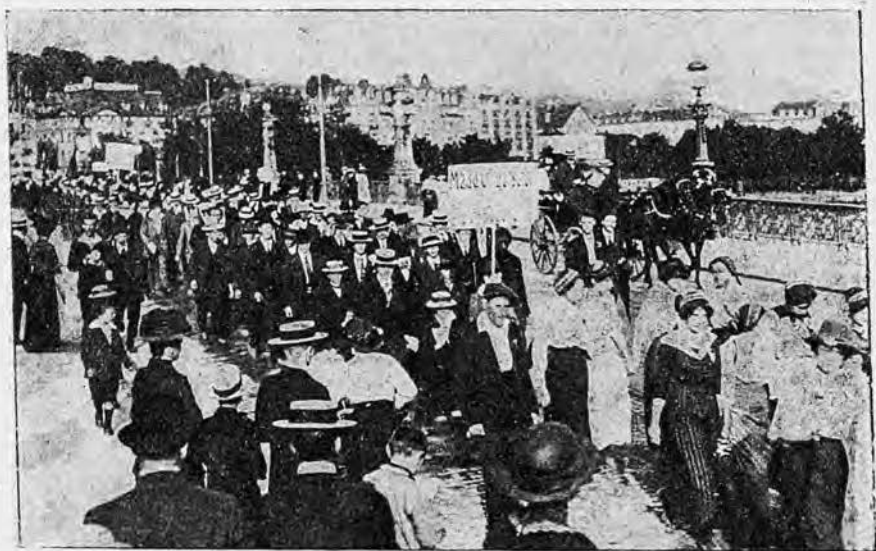
Постановление Бернской конференции и сведения об ее удачном проведении были восторженно приняты всеми социалистическими организациями молодежи и сотнями тысяч юных рабочих всех стран. Тот факт, что во время войны, в период наибольшего подъема шовинистической травли и социал-патриотического угара представители социалистических организаций молодежи собрались на международную конференцию и громко и ясно провозгласили революционную борьбу против войны, мощно способствовал отрезвлению от патриотического угара и быстрому образованию пролетарского фронта против войны.

ЦЮРИХСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА ТРОИЦУ

Мощным отголоском Бернской конференции и демонстрацией принятых на ней постановлений был швейцарский юношеский день, состоявшийся на троицу 1915 г. в Цюрихе. После того как в предшествующие годы был проведен ряд окружных и кантональных юношеских дней, социалистическая молодежь Швейцарии 22, 23 и 24 апреля 1915 г. собралась на первый швейцарский юношеский день. В юношеском дне приняли участие значительные делегации из французской Швейцарии, из Шо-де-Фона, Лозаны и Женевы, из Граубюнденского района, Кура и Бернского кантона. Численно большие делегации послали Золотурнский и Базельский кантоны. Но и консервативная область Швейцарии, Люцернский кантон, была представлена многочисленными делегациями из Люцерна, Криенца, Эмменбрюке и других местностей. Всего приняли участие в этом первом швейцарском слете свыше тысячи молодых девушек и юношей из среды пролетарского юношества Швейцарии.

Пропагандистское значение этого юношеского дня заключалось не только в том факте, что, несмотря на тяжелые условия, распространившиеся после войны и на швейцарскую трудящуюся молодежь, эти массы молодежи все-таки прибыли со всех концов, но и в том, что это была первая массовая демонстрация против войны.

В воскресенье тысяча молодых девушек и юношей и две тысячи рабочих и работниц собрались на Цюрихской горе на первую массовую демонстрацию против войны. После политических речей представителей Рабочего союза и Итальянской социалистической партии и Роберта Гримма участ-

Юношеская демонстрация против войны (Цюрих, 1915 г.)

ники построились в колонны для демонстрационного шествия по Цюриху. В первой колонне шли двести девушек, входивших в организацию молодежи, за ними следовали юноши, а цюрихские взрослые рабочие замыкали шествие. Кроме красных знамен, несли щиты с лозунгами: «Долой войну!», «Долой оружие!», «Нам, рабочим, незачем защищать отечество буржуазии!» Все громче раздавались революционные песни молодежи, все сильнее гремели звуки «Интернационала». Когда демонстранты подошли к казармам, находившиеся там солдаты бурно приветствовали их. Это была первая широкая антивоенная демонстрация цюрихских рабочих со времени начала войны.

Весь день прошел блестяще и впоследствии привел к большим организационным результатам. Тысячи юных участников возвратились домой пламенными агитаторами идей пролетарского юношеского движения и начали на местах вести усердную пропаганду за построение пролетарских организаций молодежи. Многие из участников стали потом са-

мыми активными и лучшими работниками нашего движения.

Для меня лично этот юношеский день чуть не стал последним днем моего пребывания в Швейцарии. Это произошло таким образом.

Мы правильно считали себя хозяевами улицы, по крайней мере, до тех пор, пока мы шли сомкнутыми колоннами. Мы считали в порядке вещей, чтобы экипажи, автомобили и трамвайные вагоны ждали до тех пор, пока мы не пройдем улицы. Группа шедших впереди юных рабочих сумела внушить эту необходимость всем встречным возницам. Но незадолго до нашего прибытия к месту назначения один вагонОВОЖАТЫЙ, повидимому, был другого мнения. Он не обратил никакого внимания на требования и указания наших распорядителей и намеревался врезаться в шествие. В первой колонне шли, как я уже сказал, девушки. Я услышал вдруг дикий крик и увидел, как несколько девушек в ужасе бросились в сторону. Не долго думая, я прыгнул под вагон, который поволок меня с собою, но потом сразу остановился. Трамвайный вагон стоял. Мы настояли на своем: сначала демонстрационное шествие, потом — другие. Но прежде чем я вылез из-под вагона, прибыла полиция, я был арестован и, невзирая на протесты товарищей, отправлен в участок.

В первый момент возмущенные рабочие хотели разделаться с полицией. Но я удержал их, будучи уверен, что меня немедленно отпустят. После того как я около 15 минут пробыл в участке, подошли к нему несколько сот демонстрантов и шумели до тех пор, пока меня не выпустили.

Этот инцидент был использован реакционными буржуазными газетами для травли и требования о принятии мер к высылке иностранца. Окружная прокуратура возбудила против меня дело, предъявив мне обвинение в нанесении ущерба транспорту. Но так как ни вагон ни пассажиры не пострадали, дело, после ряда допросов, было прекращено, и мне, таким образом, дана была возможность еще несколько лет работать для пролетарской молодежи в Интернационале молодежи.

ШВЕЙЦАРИЯ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как нейтральное государство, Швейцария во время войны была избавлена от ее прямых последствий. Если нужда и голод не обрушились на швейцарскую рабочую массу в та-

кой мере, как на рабочий класс воюющих стран, все-таки экономическое положение швейцарских рабочих постепенно все ухудшалось. Правда, безработицы не было. Когда разразилась война, свыше 50 000 германских, австрийских, итальянских, французских и других рабочих уехали в свои

Первый Международный юношеский день в Швейцарии (1915 г.)

капиталистические «отечества». Фабрики военного снаряжения работали полным ходом и снабжали за высокие прибыли, ради соблюдения нейтралитета, все воюющие государства в равной мере, как все воюющие государства занимались в Швейцарии шпионажем и контрразведкой. Но цены на продукты питания быстро росли, а реальная заработная плата столь же быстро падала. Спекулянты взвинчивали цены на продовольствие. Особенно дороговизна наблюдалась в Швейцарии в 1916 г. Повсюду была нехватка в картофеле, хлебе и мясе. Во многих городах на рынках происходили бурные сцены и демонстрации. В Базеле потребление населением мяса понизилось на 35%; были введены хлебные карточки. Разразился топливный кризис. Рабочая масса начала волноваться. Пролетарские члены социал-демократической партии восставали на собраниях против

бездеятельности социал-демократических представителей в правительственных и муниципальных учреждениях. Требовали учреждения комиссий по определению степени нуждаемости, установлению дифференцированных предельных цен, запрещению вывоза фруктов и государственной монополии на ввоз фруктов, доставки по низким ценам маиса, сахара и риса, введения угольной монополии и т. д.

Зима 1916 и 1917 гг. принесла с собой дальнейшее ухудшение условий существования швейцарских рабочих и рост революционного брожения в широких кругах рабочего класса. Во многих швейцарских городах, особенно в Цюрихе, Берне, Базеле и Ольтене, часто происходили продовольственные «беспорядки», женские демонстрации. Осенью 1917 г. социал-демократическая партия и объединение профессиональных союзов учредили комитет действия, который должен был организовать единый боевой фронт рабочих, входящих в социал-демократическую партию и в профессиональные союзы.

Программа комитета содержала в числе других следующие требования:

- 1) Немедленные пере выборы национального совета.
- 2) Активное и пассивное избирательное право для женщин.
- 3) Введение всеобщей трудовой повинности.
- 4) Введение сорокавосьмичасовой рабочей недели во всех государственных, муниципальных и частных предприятиях.
- 5) Реорганизация армии в народное ополчение.
- 6) Обеспечение снабжением продуктами питания.
- 7) Страхование на случай старости и инвалидности.
- 8) Государственная монополия на ввоз и вывоз.
- 9) Покрытие имущими всех государственных долгов.

Эти требования предполагалось подкрепить всеобщей стачкой в ноябре 1917 г. Но при подготовке и проведении этой стачки обнаружилось в еще большей степени, нежели в программе, реформистские недостатки и недуги социал-демократического комитета действия. Стачка провалилась, о чем речь будет ниже.

Ухудшение жизненного положения, постоянно растущая дороговизна, принявшая в отдельных швейцарских городах промышленных районов характер бедствия, неизбежно должны были повлечь за собою встряску и радикализацию швейцарского рабочего класса.

Процессу революционизирования швейцарской рабочей массы во время войны способствовали многочисленные группы политических эмигрантов, приехавших в Швейцарию до войны или в самом ее начале и действовавших в швейцарском рабочем движении как дрожжи в тесте. Прежде всего большевистская группа, возглавляемая Лениным; большая меньшевистская группа с Аксельродом, Мартовым и Мартыновым во главе; далее, Феликс Кон, группа польских эмигрантов, ряд итальянских эмигрантов, Анжелика Балабанова, Мизиано, германские мятежники и дезертиры, короткое время находился также в Швейцарии Пауль Леви в качестве защитника Розы Люксембург на знаменитом процессе перед франкфуртским судом присяжных, быстро приобретший известность в революционных кругах. Из французов припоминаю Анри Гильбо, лево-радикального писателя, примкнувшего к большевистской группе. Гильбо выпускал в Женеве смелый журнал, был приговорен французским правительством к смерти, швейцарским правительством заключен в тюрьму и, наконец, переехал в Советскую Россию. Все эти группы немало способствовали обусловленному объективными условиями революционному омоложению швейцарского рабочего движения.

Правда, первый, состоявшийся во время войны, в 1915 г., в Берне съезд социал-демократической партии занял вполне социал-патриотическую позицию. Но он ни в какой мере не отражал настроения социал-демократической членской массы и рабочих. Повсюду образовались оппозиционные очаги против реформистской линии партийного руководства, и в 1916 и 1917 гг. оппозиции удалось добиться значительных успехов в выпрямлении политической линии социал-демократической партии, а также известных организационных успехов на выборах в Центральный комитет партии, в кантональные и рабочие комитеты. Наибольший успех был достигнут среди членской массы Цюрихского кантона, не в последнюю очередь потому, что Цюрих был центром иностранной эмиграции. Кантональные съезды цюрихской социал-демократической организации в 1916 и 1917 гг. находились под сильным влиянием требований и программы большевистской группы и присоединились к принципиальной платформе циммервальдской левой. Выходящая в Цюрихе газета «Народное Право», в настоящее время ведущая самую злостную кампанию против Коммунистического Интернационала и Советского Союза, была с конца 1916 г. до 1917 г. органом циммервальдской левой в Швейцарии. Налицо были, стало быть, весьма благоприятные условия для развития пролетарского юношеского движения.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ШВЕЙЦАРСКОГО ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Под влиянием ленинской группы актив, а позже и членская масса швейцарского юношеского движения все быстрее развивались в определенно революционный, марксистски выдержанный авангард швейцарского рабочего класса. Члены организации молодежи принимали большое участие во всех дискуссиях в швейцарских профессиональных союзах и социал-демократической партии и вели упорную борьбу за проведение революционной программы. На всех публичных собраниях, манифестациях и демонстрациях членская масса союза молодежи была сильнее всего представлена и являлась самой активной и решительной группой. Юношеские организации вели пропаганду на военных заводах и агитировали там среди рабочих за стачку. Вопрос о проведении всеобщей стачки был раньше всего поставлен и обсужден на съезде социалистических организаций молодежи в 1917 г. Социалистические организации молодежи первые порвали со всеми реформистскими иллюзиями и раньше всех подняли решительную и непримиримую борьбу против всех социал-патриотических и социал-реформистских лозунгов. Рабочая молодежь организовала первую широкую демонстрацию против войны и стояла в первых рядах революционной борьбы против нее. Антимилитаристская пропаганда была усилена и в то же время отброшен старый пацифистский лозунг разоружения и заменен более правильным требованием революционной пропаганды в армии.

Единственным тактическим вопросом антимилитаристской пропаганды, возбуждавшим еще в организации молодежи споры, был вопрос индивидуального отказа от военной службы. В 1916 и 1917 гг. многие швейцарские рабочие и студенты отказывались от военной службы. Они отказывались пойти в швейцарскую армию, проходить военное обучение и охранять границы. Они отнюдь не думали, что таким путем упразднят буржуазную армию, но были убеждены, что отказ от военной службы, тот факт, что они за свои убеждения пойдут на 6, 9 и больше месяцев в тюрьму, поможет быстрее созреть активному боевому духу швейцарской рабочей массы. Во главе отказавшихся от военной службы находился тогдашний лидер социалистического юношеского движения во французской Швейцарии и бывший священник Эмбер Дро, потом активно работавший в Коммунистическом Интернационале.

Отказывались от военной службы не только рядовые, но и офицеры, лейтенанты и даже оберлейтенанты. Одним из

этих офицеров был лейтенант Клейбер, осужденный за это военным судом в Ааргау к продолжительному тюремному заключению. Я поехал с ним из Цюриха на судебное заседание в Ааргау и в пути познакомился с социалистом-революционером Устиновым, тоже сопровождавшим его. Когда я был заключен в тюрьму швейцарским правительством, в камере рядом со мной находился товарищ по организации молодежи, Берген из Берна, получивший при первом отказе от службы три месяца, при втором — шесть, и все-таки твердо решивший продолжать упорствовать в своем отказе.

Организация молодежи неоднократно на своих съездах и в печати высказывалась против индивидуального отказа от военной службы и требовала сосредоточения всех революционных сил на антимилитаристской пропаганде в армии. И организация приступила к практическому проведению этой пропаганды. Кроме специальных номеров «Свободной Молодежи», было выпущено много листовок, распространявшихся среди солдат. Сильным агитатором в этой области был Яков Герцог, один из основателей и первый организатор коммунистической партии в Швейцарии. Для финансирования этой пропаганды социалистическая организация молодежи ввела антимилитаристские марки. Но почта отказалась отправлять письма с такими марками. Весною и летом 1917 г. началась пропаганда по созданию солдатских советов и объединений, приведшая в некоторых армиях к образованию революционных организационных групп.

Оригинальную и имевшую большой успех листовку написал Фриц Брумбахер на швейцарском диалекте. Она была в тысячах экземпляров роздана среди швейцарских солдат. Было возбуждено преследование против «Свободной Молодежи» за выпуск этой летучки и произведены аресты. В числе арестованных находился и Вильгельм Тростель. Во время производившихся в связи с этим делом обысков со мной случилась странная история.

В помещение нашей организации, в д. № 40 по Вертовской улице явилось несколько шпииков и агентов уголовной полиции для производства обыска. Они искали протокол заседания Центрального комитета, чтобы по протоколу установить автора листовки. В то время как большинство проявляло исключительное усердие и просматривало каждый клочок бумаги, один из чиновников исполнял свою работу крайне неохотно и поверхностно. Я, твердо уверенный в том, что товарищ, который вел протокол, взял сравнительно увесистую и заметную книгу протоколов к себе домой, чтобы занести последнее заседание, спокойно смотрел на по-

иски чиновников. После семичасового обыска, перерыв все вверх дном, чиновники ушли, не солоно хлебавши, не найдя нужной им книги. Я сейчас же отправился к товарищу, чтобы немедленно спрятать подальше книгу протоколов. Но он спокойно заявил мне, что это невозможно, так как книга лежит у меня на столе. Я подумал, что он рехнулся. Он повторил, что оставил ее у меня на столе.

Мы поспешили обратно, и, действительно, книга лежала посреди письменного стола.

Развитие социалистической молодежи из мечтательных юных бунтарей по чувству в обученных и сознательно действующих революционных марксистов еще теснее связало ее в боевой общности с большевистской группой. Мы стали носителями антимилитаристских идей группы Ленина. Делегации молодежи на кантональных и общешвейцарских партийных съездах вносили антимилитаристские резолюции и требования. Наша газета «Свободная Молодежь» стала трибуной для антимилитаристских статей и высказываний большевистских партийных товарищей.

Бодрая, бьющая ключом политическая жизнь в социалистической организации молодежи привлекла в ее ряды целые группы из других объединений молодежи. Из католических и евангелических юношеских организаций к нам переходили тогда целые части. В Зейбахе, под Цюрихом, довольно крупное общество туризма, во главе с талантливым молодым живописцем Оскаром Вебером, целиком перешло в нашу организацию, передав ей все свое имущество.

Слияние с этими группами сопровождалось некоторыми столкновениями и дискуссиями. Слишком много еще было в этих интеллигентах, в возрасте от 18 до 21 года, от буржуазного мировоззрения и буржуазной философии, особенно от того взгляда, что только самоусовершенствование отдельного индивидуума и заботливое внутреннее воспитание отдельного человека может улучшить мир.

Мы вели резкую борьбу против этих душеспасителей. А на съезде в Ааргау подавляющее большинство решительно отвергло все попытки ограничить, сузить или приостановить в общем и целом уже совершившееся наше развитие из литературных мечтателей в большевистских революционеров. Несмотря на то, что этот процесс роста совершился в сравнительно короткое время, в каких-нибудь два года, вся организация образовала в дискуссии единый железный фронт.

В 1916 г. наша антимилитаристская кампания была дополнена широко поставленным выступлением за издание общешвейцарского закона об ученичестве. Условия жизни в Швейцарии учеников не поддавались никакому описанию.

Только очень немногие кантоны имели законы по охране ученичества, но и там, где существовали, они были крайне недостаточными и устаревшими. Почти повсюду мастер пользовался правом неограниченной эксплуатации учеников. Рабочее время либо совсем не было нормировано, либо установлено в 10—12 часов. Кроме того, мастера пользовались правом телесно наказывать учеников.

Подъем в швейцарской промышленности, особенно в металлообрабатывающей и военного снаряжения, и необходимость в больших размерах, чем прежде, принимать на фабрики женщин и молодежь, чтобы пополнить убыль в рабочей силе, образовавшуюся после отъезда 50 000 иностранцев, создали благоприятные условия для успешной борьбы за улучшение положения учеников. Мы собирали материал, производили статистические обследования, работали совместно с секретариатами швейцарских профессиональных союзов проект закона об ученичестве и начали посредством прессы, воззваний, брошюр, собраний и демонстраций кампанию по популяризации этих требований и за принятие их парламентом.

Швейцарская социалистическая организация молодежи принимала самое активное участие и была пионером во всех областях политической и профсоюзной жизни.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Благоприятное политическое развитие швейцарского юношеского движения сопровождалось хорошим организационным строительством. Со времени своего основания число секций социалистических организаций молодежи возрастало таким образом:

1 января	1906 г.	7 секций
"	1907 "	"	6 "
"	1908 "	"	9 "
"	1909 "	"	13 "
"	1910 "	"	14 "
"	1911 "	"	18 "
"	1912 "	"	20 "
"	1913 "	"	24 "
"	1914 "	"	53 "
"	1915 "	"	64 "
"	1916 "	"	111 "
30 марта	1917 "	"	152 секции, вкл. 23 франц. секции
15 "	1918 "	"	164 секции, вкл. 14 франц. секций.

Прирост членов выразился в следующих цифрах:

При основании в 1906 г.	180	чл.
1 января 1907 г.	250	"
" 1908 "	300	"
" 1909 "	380	"
" 1910 "	420	"
" 1911 "	540	"
" 1912 "	493	"
" 1913 "	763	"
" 1914 "	944	"
" 1915 "	1765	"
" 1916 "	3500	"
1 октября 1917 "	4729	"
1 января 1918 "	5500	"

К 5 500 человек молодежи надо еще прибавить многие тысячи взрослых рабочих, из сочувствия принадлежавших к социалистической организации молодежи. Большой шаг вперед означает также подъем социалистического юношеского движения во французской части Швейцарии в первые месяцы после войны. Там число ферейнов быстро возросло до 16 с 1 000 членами с лишком, а тираж газеты «Голос Молодых» («Voix des Jeunes») достиг 1 500 экз. Построение всей организации было централизовано. Основой организации была местная секция, объединение молодежи по району жительства. Местные секции объединились в окружные союзы. Такие союзы существовали в 1916 г. в следующих пунктах: Винтертур, Цюрих-Оберланд, Цюрих-Зейбах, Цюрих-Лимматталь, Цюрих-Зей, Ааргау, Цуг, Зейтель, Ваге, Базель, Золотурн, Васерамт, Берн-Зейланд, Бернер-Миттельланд, Граубюнден, Торгау, Люцерн, Шафгаузен, Тессин; кроме того, союз в самом городе Цюрихе охватывал следующие районы: Аусерзиль, Альтштадт, промышленный квартал, Нагорная улица, Ризбах и Випкинген.

В секциях и окружных союзах кипела деятельная жизнь. В среднем, раз в неделю секции что-нибудь устраивали — членское собрание, агитационное собрание, вечер игр и занятий или прогулку за город. Кроме того, почти каждое воскресенье устраивались экскурсии или секции принимали участие в юношеских днях. Юношеские дни проводились отдельными местными группами, уездными организациями, окружными и кантональными союзами. Ежегодно широкие массы членов всех организаций собирались на швейцарский Юношеский день. Первый швейцарский Юношеский день состоялся на троицу 1915 г. в Цюрихе, второй — на троицу 1916 г. в Люцерне. Люцернский кантон принадлежал к числу самых реакционных и поповских кантонов Швейцарии. Буржуазная пресса начала свою яростную травлю еще до Юно-

шеского дня и продолжала ее в еще большем размере после слета молодежи. В Люцерне число принимавшей участие молодежи было вдвое больше, чем за год до того. Из Тессина, французской Швейцарии, Базеля, Сен-Галлена и многими специальными поездками из Цюриха прибыло около

Jugend-Internationale

(Deutsche Ausgabe)

Kampf- und Propagandorgan der internationalen Verbindung sozialistischer Jugendorganisationen

Nr. 1	Zürich, 1. September	Nachdruck und Verbreitung ohne Genehmigung der Redaktion ist ausdrücklich untersagt.	1915
-------	----------------------	--	------

An die sozialistische Jugend aller Länder!

Kameraden! Kamraden! Kauffig trat sich in allen Ländern ein Teil der Sozialisten, um durch Ausharingskämpfe von Klassenkämpferisches Missions dem ideellsten aller Kriege ein baldiges Ende zu bereiten. Unermüdet und mit bewundernswürdiger Ausdauer schlossen unter den schwierigsten Verhältnissen ein Teil der Genossen in Deutschland an der Beweiskämpfung dieses Jutes. In unser aller Erinnerung sind noch die heldenmütigen Kämpfe der Klassenkämpfer Genossen gegen den Krieg lebendig. Kämpfe, die zu den bedeutendsten Taten der proletarischen Bewegung überhaupt gehören. Und heute schon rühret sich italienische Reaktion wieder, durch seine Mord- und Verbrechenheit das Verdienstliche seines Lebens zu erschweren und wenn möglich ganz zu verhindern. Wir bleiben bereit, tag und opferfreudiger Hinauszuwirken und schaffen auch in Frankreich, Ostland, Polen, Österreich, England, Serbien und allen anderen Ländern gesinnungstreue Genossen an dem Werke der Völkervereinigung und der Reichsbrüderbrüderung.

Kameraden! Junge Sozialisten! Wie allen Völkern ruhet, heutlicher Gewalt verhaften die vom Unkraut trankenen, realistischen Regierungen aller Länder, in Schanden des Proletariats für alle Zeiten unterstüzt von sozialpatriotischen Arbeiterführern, die heldenmütigen Kämpfe unserer Genossen zu unterbinden und ihrer Erde nach Frieden im Herd zu erlösen. In Deutschland wie in Italien, in Ostland wie in Frankreich und Völkervereinigungen unserer Kameraden und Freunde erfolgt. Die Regierungen aller Länder wehren heute in dem Hinneigen ihrer Landesherren und in der brutalen Niederschuppung jeder Freiheitsbewegung. Kameraden sind die Opfer, die unsere Genossen auf dem Altar der Freiheit bringen. Der heutige Stand der Dinge erfordert demnach und schnellst Hilfe und Unterstützung der kämpfenden Genossen, wenn nicht von aller ihrer Tapferkeit und Opferfreudigkeit die Regierungen liegen und in einem Meer von Blut die letzte Seite Menschlichkeit und Freiheit desolaten stellen.

Diese Hilfe, Kameraden, müßt Ihr, die jungen Sozialisten aller Länder, den bestbehabigten Kameraden bringen. Ist die Ihr durch die Kouriers in dem im Oktober 1915, durch den unglückseligen Teufel gemeinsam und durch andere mehr bewiesen habe, daß in Europa Herzog und Götter und vordereinstehenden Oberanen der internationalen sozialistischen Arbeiterbrüderung an lebendigen Genossen sind. Ihr müßt jetzt also in den revolutionären Kampf für den Frieden und für die Freiheit marschieren.

Wir rufen Euch auf, überall und in allen Ländern wirksam und tatkräftig die Veruche zur Niederbrennung von revolutionären und Klassenkämpferisches Missions zu unterstützen.

Verteilt Euch als Arbeiter in den Sitzungen und Versammlungen verbreitet Schriften und Zeitungen, wachet in Klassenkämpferisches internationalen Missions aufgedeckt wird, agiert unermüdet von Mund zu Mund unter Eueren Arbeitshelgen, Freunden und Bekannten. Die Regierungen aller Länder ist eine der letzten tragenden Pfeiler versuchen die Friedensbestrebungen und revolutionären Kämpfe unserer Genossen zu verhindern und durch Lügen und schandhafte Verleumdungen die Völker in einen immer mehr vertieften Zustand von Hoff und Blindheit zu führen. Kameraden, jertreibt überall diese Lügen-

Первый номер „Интернационала Молодежи“ (немецкое издание)

двух тысяч членов социалистических организаций молодежи.

В первый день состоялась внушительная демонстрация по католическому Люцерну. Колонны демонстрирующей молодежи производили огромное впечатление. В шествии несли щиты с надписью: «Да здравствуют Либкнехт и Хеглунд!» (оба незадолго перед тем за свою антимилитаристскую про-

паганду были приговорены к многолетнему тюремному заключению), «Долой милитаризм!» и «Рабочим незачем защищать никакого отечества». Один храбрый лейтенант пришел в такую ярость от этих плакатов, что предпринял форменную атаку на них. Два дюжих парня быстро привели его в чувство и отправили обратно в толпу зрителей.

На второй день была совершена прогулка по Фирвальдштетскому озеру. В Флюэлене, перед гостиницей, где находились на отдыхе больные германские солдаты, была устроена внушительная демонстрация против войны, закончившаяся громовым «ура» в честь Либкнехта. Многие солдаты долго приветствовали демонстрацию.

В Альтдорфе находится швейцарский национальный памятник Вильгельму Теллю. Перед этим памятником тоже была устроена демонстрация. Незадолго перед тем в Альтдорфе была основана маленькая юношеская группа, терпевшая от католического большинства притеснения. Тем громче раздавались теперь боевые песни пролетарской молодежи. Эта демонстрация имела своим последствием своеобразную манифестацию католических юношеских ферейнов. Несколько недель спустя они призвали на манифестацию искупления. Они считали, что демонстрация пролетарской молодежи перед национальным памятником осквернила его. В воззвании этой манифестации «искупления», раздававшемся в католических ферейнах молодежи, говорилось: «В это воскресенье, 18 июня, в Альтдорфе не развевается больше знамя неверия и революции. Нет, теперь радостно колышется стяг святого Людовика. Рабочие юноши совершили кощунство над нашей святыней. Братья, искупим их грех! Наше празднество начнется у подножия алтаря в храме господнем».

Эта очистительная манифестация превратилась в позорный провал юношества святого Людовика. По их собственным данным, в ней участвовало 300 человек; но на самом деле их было не больше шестидесяти. Стяг святого Людовика уже не имел прежней притягательной силы. Все большие массы молодых рабочих и работниц в Швейцарии объединялись под тем знаменем, которое социалистическая организация молодежи победоносно несла вперед.

В третий Международный юношеский день, состоявшийся на троицу в Базеле, число участников возросло уже до трех тысяч. Молодежь в специальных поездах прибыла из Ольтена, Цюриха, Сен-Галлена и т. д. Для участия в этих юношеских днях члены в течение ряда месяцев копили каждый грош. Общешвейцарские юношеские дни были паровозами, сразу толкавшими движение вперед. В то время как еже-

годные совместные юношеские дни на троицу объединяли большинство членов швейцарских организаций молодежи на мощной демонстрации, установленные Бернской конференцией международные Юношеские дни, происходившие ежегодно в первое воскресенье сентября, имели другие задачи.

В эти дни от членов отдельных секций требовалось, чтобы они в своем и соседнем районах проводили возможно большее число собраний и вели агитацию и вербовочную кампанию за социалистические организации молодежи.

В громадную манифестацию вылился Международный день молодежи 3 сентября 1916 г. Швейцарское правительство значительно способствовало нашему успеху, за несколько дней до того запретив всякие демонстрации и скопления на улице, и в подкрепление запретов держало наготове много войска. В некоторых местах были мобилизованы пожарные команды и все военные и полицейские силы. В ряде кантонов дошло даже до того, что запретили собрания на открытом воздухе. В некоторых местах непомерно большое количество воинской силы — свыше ста солдат против двадцати участников собрания — производило комическое впечатление.

В связи с заседанием ЦК социал-демократической партии и правления объединения профессиональных союзов Центральный комитет молодежи принял меры, чтобы молодежь не поддавалась на провокацию правительства. Но мероприятия правительства возбудили огромный интерес швейцарской рабочей массы к юношескому движению.

В политическом и организационном отношении успех был великолепный. Незадолго перед тем, от 1 августа до 3 сентября, как ответ на кровавую атаку против многочисленной группы юных демонстрантов, было основано 97 новых местных секций, т. е. в двенадцать раз больше, чем от 1900 до 1917 г. А только 3 сентября, стало быть, в течение одного дня, было образовано 32 новых группы и привлечено свыше 1000 новых членов.

В 139 местах состоялись массовые собрания с количеством участников свыше 40 000. Никогда до того и никогда после этого нигде в Швейцарии не состоялось больше такого выступления, при котором в столь многих местах были бы проведены собрания и демонстрации. Из 139 докладов 100 были сделаны самими товарищами, прошедшими выучку в организации молодежи. Было продано 10 000 экземпляров «Свободной Молодежи», столько же «Интернационала Молодежи» и 5 000 брошюр и других изданий. В пользу фонда Либкнехта было собрано 1000 франков.

Это был исключительный успех. Но он не ослепил нас. Уже в номере «Свободной Молодежи» от 9 сентября 1916 г. в конце отчета о дне говорилось: «Но 3 сентября заключает в себе ту опасность, что достигнутый успех может вскружить нам голову. Этого не должно быть. Агитация по всей линии должна неослабно продолжаться. На ряду с этим надо укреплять основные секции, разворачивать и углублять культурно-просветительную работу. В то время как агитация направлена на привлечение масс, культурно-просветительная работа должна интересоваться каждым в отдельности и воспитывать его. Только это даст нашему движению новое содержание, действительную ценность. Нам не нужны солдаты на бумаге; мы считаем своих членов не по выданным членским билетам, а по их делам, по их работе. Нам нужны живые люди с пламенными сердцами, социалисты в лучшем смысле этого слова».

В третий Международный юношеский день, 2 сентября 1917 г., в Швейцарии состоялись в 127 местах собрания и демонстрации, возникли 19 новых секций и привлечено было около 1000 новых членов.

Кроме ежегодных слетов на троицу и международных юношеских дней, социалистическая организация молодежи, начиная с 1916 г., устраивала в день швейцарского национального праздника 1 августа антипатриотические и анти-милитаристские демонстрации против празднования буржуазной конституции.

Первая такая демонстрация, организованная цюрихской рабочей молодежью, была кроваво подавлена. Это было первое столкновение в Швейцарии юных пролетариев с вооруженной полицейской силой.

КРОВАВОЕ 1 АВГУСТА 1916 г. В ЦЮРИХЕ

1 августа 1916 г. около 500 человек молодежи собрались в Цюрихе и после доклада Вилли Тростеля намеревались устроить демонстрацию по городу. На Вокзальной улице демонстрантов ожидал отряд полицейских и шпиков. Без всякого предупреждения они бросились на ничего не ожидавших молодых демонстрантов, схватили их знамена и штандарты и хотели отнять их. Молодежь оказала сопротивление. Тогда полицейские выхватили сабли и, как сумасшедшие, начали рубить без разбору. Дети, женщины и взрослые были сшиблены с ног. Остервенелые полицейские кололи и рубили направо и налево. Публика вступилась за избиваемых и кричала: «Русские порядки!» Сломали дровко

одного знамени и разорвали в клочья щит с надписью: «Долой милитаризм!» Через час прибыл комендант города Цюриха полковник Рейссер с сорока солдатами. Товарищи оказывали отчаянное сопротивление. Четыре полицейских схватили одного юношу. Он боролся как лев и сумел вырваться от них. Его пиджак, в качестве единственного трофея победы, остался в руках полицейских. Они снова набросились на него и разорвали ему рубашку, но он ускользнул.

Для того чтобы доставить в участок одну молодую работницу, понадобилось пятеро здоровых полицейских.

Даже самые юные мужественно боролись и телом своим защищали знамена и плакаты от сабель озверевших полицейских.

Полиции пришлось отступить, и только прибывшим несколькими ротам солдат удалось оттеснить молодежь.

Это было кровавым крещением пролетарской юношеской организации Швейцарии.

Рабочие организации Цюриха встали на защиту молодежи. Через два дня состоялся митинг сочувствия, произведший огромное впечатление. Свыше 20 000 рабочих и 2 000 молодежи приняли в нем участие. Потом состоялась грандиозная демонстрация. По подсчету буржуазных газет, в колоннах шло 12 000 рабочих, от 60 до 80 тысяч человек стояли шпалерами. Со времени памятной всеобщей стачки Цюрих не видал такой грандиозной демонстрации.

1 августа 1917 г. социалистическая молодежь смогла беспрепятственно провести в различных городах Швейцарии свои антипатриотические собрания и демонстрации.

Активная и неустрашимая пропаганда организации молодежи привлекла к ней сочувствие все более широких кругов швейцарского пролетариата. Многие рабочие записались в нее в качестве сочувствующих членов. Профсоюзные группы и предприятия производили сборы для организации молодежи и всячески поддерживали ее.

Из большого числа выражений солидарности и сочувствия, после столкновения 1 августа 1916 г. в Цюрихе и Юношеского дня 2 сентября того же года, я приведу здесь только несколько:

„Уважаемые товарищи! Так как вашей организации в последнее время пришлось вести тяжелую борьбу, особенно против правительства и милитаризма, последствия которой скажутся в финансовом отношении, винтертурская организация швейцарского союза деревообделочников на своем последнем общем собрании 29 сентября постановила, в виде материальной поддержки, перевести вам сумму в 20 франков, в надежде, что вы и впредь будете продолжать с обычной энергией борьбу против милитаризма и капитализма“.

„Рабочие столярной мастерской Левенталья в Альштеттене выражают свое горячее сочувствие социал-демократической организации молодежи. В знак нашей готовности вместе с ними солидарно бороться мы, через посредство „Народного Права“, препровождаем нашим мужественным молодым товарищам 4½ франка, собранные среди нас“.

„В знак своей полной солидарности с организацией молодежи и сочувствия к ней нижеподписавшиеся рабочие фабрики обоев И. Келлера посылают „Народному Праву“ 13 франков с просьбой передать их молодежи. Вызываем другие предприятия!“

„Нижеподписавшиеся рабочие обувной фирмы И. Шутгесс в Цюрихе целиком и полностью присоединяются к опубликованным в „Народном Праве“ выражениям сочувствия организации молодежи и посылают ей через „Народное Право“ 4½ франка. Кроме того, обойщики фирмы Коха прислали 3½ франка“.

„Рабочие фабрики по выделке инструментов в Эрликоне прислали 15 франков“.

Параллельно с любовью друзей росла ненависть врагов. Буржуазная пресса вела травлю и требовала высылки иностранных апостолов мятежа. Полиция усилила свои репрессии, а реакционная буржуазия и крестьянство вопили о необходимости разгона. Бешенство взбудораженных мещан и реакционеров прорвалось наружу самым варварским образом в связи с собранием, устроенным давосской группой в конце сентября в Ширсе, Граубюнденского кантона. Там давосская секция решила провести Юношеский день. В сельских группах в течение нескольких недель до того население натравливалось на молодежь. В Ширсе имелась большая католическая семинария. Заведующий почтовой конторой сказал перед семинаристами: «Эту банду следовало бы прогнать отсюда плетью». А священник выразил благочестивое желание «разогнать их вилами».

В то время как собравшиеся на слет рабочие юноши и девушки занялись варкой пищи, на них неожиданно напали несколько сот рассвирепевших крестьян и горожан с палками и вилами и зверски избили их. Многих избитых пришлось отвезти в город, где они в течение нескольких недель пролежали в больнице. Разбежавшихся юношей в течение нескольких часов с кнутами преследовали по горам. Девушек волокли за волосы по улице. Это было самое жестокое нападение, учиненное когда-либо обезумевшими тупоголовыми мещанами.

Но чем сильнее были преследования, чем больше гнет, тем пламеннее и активнее становилась молодежь.

ГАЗЕТА И ИЗДАТЕЛЬСТВО

Организация росла, возникали новые секции, новые массы членов примыкали к движению. Союз молодежи делал все

для того, чтобы связать с организацией новоприобретенных членов и политически обучить их.

Газета «Свободная Молодежь» была расширена. Ежемесячно давались художественные приложения, посвященные рабочему просвещению. С 1 января 1916 г. газета начала выходить два раза в месяц. Рост тиража «Свободной Молодежи» представлял такую картину:

В 1908 г. „Рабочий Юноша“	2400 экз.
„ 1909 „ „ „ „	6700 „
„ 1910 „ „ „ „	30000 „
„ 1911 „ „Свободная Молодежь“ (ежем.)	35500 „
„ 1912 „ „ „ „	39300 „
„ 1913 „ „ „ „	44000 „
„ 1914 „ „ „ „	55000 „
„ 1915 „ „ „ „	59000 „
„ 1916 „ „ „ (два раза в мес.)	160000 „
„ 1917 „ „ „ „	165000 „

Помимо газеты «Свободная Молодежь», с осени 1915 г. четыре раза в год выходил журнал «Интернационал Молодежи», тираж которого в 1917 г. достиг 40 000 экз. Таким образом, в 1917 г. в Швейцарии всего было продано 270 000 экз. юношеских журналов и газет.

В 1917/18 г. «Свободная Молодежь» превратилась в оружие революционной борьбы, что и было подтверждено швейцарским правительством первого марта 1918 г., запретившим «Свободную Молодежь» и «Интернационал Молодежи».

Агитационно-просветительная работа газеты дополнялась «Социалистической юношеской библиотекой». В 1916 г. вышли 20 выпусков. В том числе:

„Социалистический пропагандист“	3000 экз.
„Очерки по истории социалистическ. молодежи“—Мюнценберга.	2500 „
„Парижская Коммуна“	3000 „
„Что значит отказ от защиты родины?“—Радека	2000 „
„Защитительная речь отказавшегося от военной службы“— Макса Клейбера	6000 „
„Французский путеводитель“—Джэмса Марто	3000 „
„Георг Гервег“—Отто Фелькера	3000 „

Подготовлены были к тому времени, когда окончание войны создало совершенно другие условия, еще такие брошюры: «Антимилитаризм», «Ученичество» и т. д.

В большинстве местных групп были основаны кружки в несколько человек для совместного чтения книг, брошюр или журналов.

Ежегодно устраивались курсы по подготовке пропагандистов и агитаторов, продолжавшиеся от одной до двух недель. На ряду с элементарными марксистскими лекциями по социализму и марксизму, в них обучались составлению от-

четов и корреспонденций для газет, ведению и организации собраний и т. д.

В 1916 г. было приступлено к основанию социалистических детских групп и организованы курсы по подготовке руководителей. В 1917 г. в Швейцарии в 35 пунктах существовали социалистические детские группы, охватившие 2 600 детей.

С лета 1917 г. начала выходить специальная детская газета «Молодые Восток». Первый номер разошелся в количестве 3 500 экземпляров. Кроме того, был открыт книжный магазин, распространявший в большом количестве среди детей социалистические книги по дешевым ценам. Этот магазин разросся потом в самый большой рабочий книжный склад Швейцарии. Но, к сожалению, он сейчас снова находится в руках социал-демократических реформистов.

Неукротимый творческий порыв и кипучая энергия сделали всех членов способными на высшие достижения. В отчете швейцарских социалистических организаций молодежи за 1917/18 г. молодежь, несмотря на самые суровые преследования организации и атаки на нее, могла о ее состоянии сообщить следующее:

«Редко какой-либо организации удавалось в самых тяжелых условиях пройти такой блестящий путь развития, как швейцарской социалистической организации молодежи. К началу 1914 г. мы насчитывали в 30 секциях немногим больше 1000 членов. К началу 1917 г. 180 секций объединяли 5500 членов. В то время как прежде наша организация могла укрепиться только в важнейших и крупнейших промышленных центрах, ныне наше красное знамя развевается у подножия Митена и салютует с Граубюнденских гор и из Тоггенбурга, а секции рабочих юношей действуют и творят на Боденском, Фирвальдштетском и Женевском озерах.

Особенно отрядные успехи движение в протекшем году сделало в Бернском кантоне, Золотурне, Грейхене, Базельском кантоне, Зиггенвиле, некоторых частях Цюрихского кантона и центральной Швейцарии.

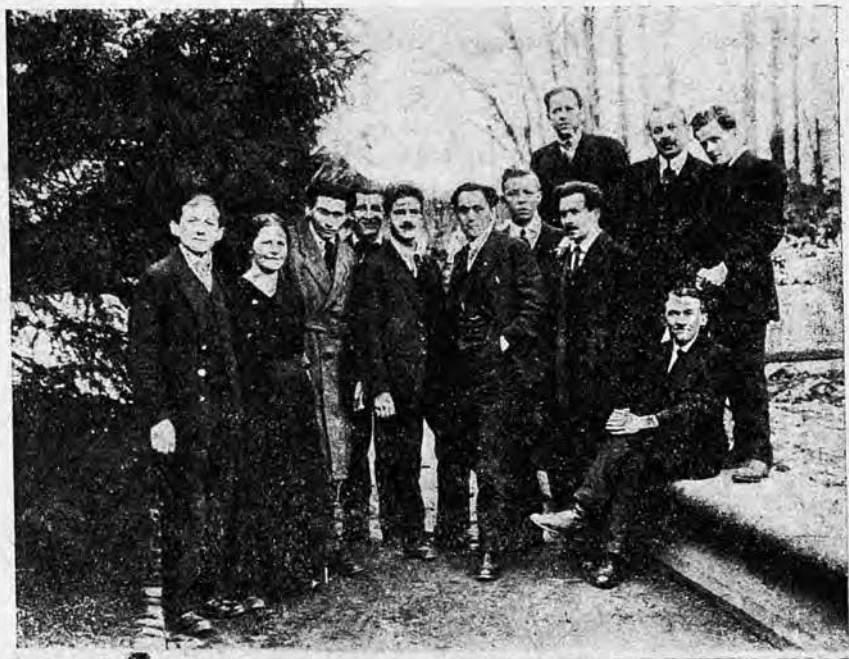
Большое значение имеет также подготовка почвы для создания социалистических организаций молодежи в Тессине, где в Беллинцоне, Родно и других местах женщины уже теперь ведут пропагандистскую работу».

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ ПОСЛЕ БЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Первейшей задачей избранного на Бернской конференции международного секретариата было как можно скорее наладить связь со всеми социалистическими организациями молодежи. Это было нелегким делом. Воюющие страны герметически закрыли свои границы и ввели строгую цензуру. Было почти невозможно нормальным путем вступить в сношения с социалистическими организациями молодежи в воюющих странах. Необходимо было пользоваться дру-

гими, нелегальными путями и средствами — и это удалось. Сотни раз таможенные учреждения и цензура были проведены за нос — и манифесты, воззвания, газеты и брошюры переправлялись через границу во все воюющие страны.

Когда я в 1920 г. пришел в берлинское полицейское управление за паспортом, меня принял полицейский комиссар

Группа левых в 1917 г.

Хенинг. Он был специалистом по германскому революционному рабочему движению и из всех чиновников берлинского главного полицейского управления знал лучше всего рабочие организации и отдельные группы и лица. Он встретил меня словами: «Ах, это вы, контрабандист!» На мой удивленный вопрос, что общего я имею с контрабандистами, он ответил: «Во время войны нам достаточно пришлось повозиться с вашими мармеладными банками, в которых вы переправляли юношескую литературу».

Для наших нелегальных сношений мы пользовались всеми пригодными средствами. Германским, французским и итальянским товарищам были разосланы десятки адресов молодых работниц в Цюрихе, которые потом получали из этих

стран на первый взгляд невинные открытые письма, зачастую даже патриотического и шовинистического содержания. Так, одной работнице ее лейпцигская подруга писала: «юношеская оборона («Jugendwehr») опять устроила многолюдную прогулку, в которой приняло участие столько-то человек; вопреки противникам, все еще не желающим понять, как необходимо патриотическое воспитание, молодежь пела старинный боевой гимн «Германия превыше всего». И только немногие участники так устали от прогулки, что заболели и помещены в больницу. Что же касается посланных игрушек, то они получены в целости и радостно приняты детьми».

Для военной цензуры, разумеется, не было никаких оснований задерживать открытку. Наоборот, думали, что подобные открытки являются хорошей патриотической пропагандой за границей.

Но нам открытка говорила совсем другое. С помощью обусловленного ключа мы расшифровали ее и узнали, что в Лейпциге состоялась демонстрация социалистической молодежи с таким-то количеством участников, что полиция энергически действовала, но, несмотря на ее атаки, пели старый боевой гимн «Интернационал». Наконец, что многие участники арестованы и находятся теперь в тюрьме. Такие открытки и сообщения, более или менее удачно составленные, получались в Швейцарии каждую неделю в большом количестве по конспиративным адресам.

Для пересылки воззваний, газет и корреспонденций мы прибегали к всевозможным средствам. Так, один переплетчик-коммунист переплел полугодовые комплекты «Иллюстрированной Газеты» и в переплет вклеил мелко написанный на тонкой бумаге манифест о Международном юношеском дне. В «невинной» открытке давалось соответствующее указание получателю весьма основательно изучить книгу. И я не помню ни одного случая, когда бы этот эксперимент не удался. Все книги благополучно попадали в надлежащие руки. В сигарных ящиках с двойным дном, мармеладных банках и в других продуктовых пакетах через границу переправлялись газеты, антимилитаристские воззвания и брошюры Ленина и Зиновьева. Эта литература приносила большую пользу германской молодежи в ее антивоенной пропаганде.

Однажды мы получили из Лейпцига большую картонную коробку со всевозможными игрушками, деревянными лошадками и т. д., в которых искусно были вложены статьи Либкнехта и Рюле для «Интернационала Молодежи».

Однако нам важно было не только пересылать печатные материалы и поддерживать письменную связь, но и наладить

обмен делегатами между отдельными странами. Мы и здесь нашли выход. Многие члены швейцарской социалистической организации молодежи отправились в Штутгарт и Берлин в качестве рабочих и, таким образом, наладили с нами связь. И, наоборот, из Германии приезжали в Швейцарию негодные к военной службе юные социалисты, под какими-нибудь предлогами, нелегально, с большой опасностью переходя окруженную колючей проволокой границу. В 1916 и 1917 гг. почти не проходило дня, чтобы какой-нибудь германский дезертир не прибыл в Швейцарию и подробно информировал нас о последних событиях.

Уже в 1916 г. мы создали такую организацию, которая обеспечивала правильную и регулярную связь с важнейшими германскими пунктами и с Парижем и Веной. Но это было вскоре замечено нашими врагами, и они неоднократно делали попытки раскрыть и ликвидировать нашу нелегальную службу связи. Тогда это делалось невероятно наивным способом.

Однажды утром, когда я был один в секретариате, в комнату вошел, постучавшись сначала, несколько тучный человек, с заливчатскими усами, от которого уже за сто шагов несло, что он принадлежит к категории шпииков. Он тепло представился мне и сообщил, что прибыл из Мюнхена, от тамошней социалистической группы молодежи, к которой принадлежат также его дочери и сыновья, чтобы установить связь с международным секретариатом. Я подробно спросил его о названиях и адресах домов молодежи и фамилиях отдельных членов. Миляга, каждую минуту рискуя сбиться и не успеть придумать имен и адресов, часто запинаясь и все заметнее заикался. Приславшая его, по его словам, мюнхенская группа, кроме установления связи с международным секретариатом, хотела также вступить в сношения с оппозиционной молодежью в Берлине, Франкфурте и других городах, чтобы наладить единое оппозиционное движение германской молодежи.

Я сказал ему, что мы давно уже ждали этого, и особенно нам недоставало Мюнхена. Но я должен сначала переписать ему все адреса. Пусть он позже зайдет за ними. Вдруг ему оказалось достаточно только одного адреса, который я ведь могу сейчас же написать. Я ответил, что он весьма разочарует мюнхенскую молодежь, если привезет только один адрес. Пусть он не поленится притти еще раз и получить все адреса. Он обещал притти. Но напрасно был заказан фотограф и тщетно прождали его два наших дюжих парня, чтобы вместо адресов дать ему основательную встряску.

Шпики и агенты различных правительств неоднократно пытались вступить с нами в сношения и использовать нас для той или иной группы держав. Нашим итальянским товарищам германское правительство сделало предложение работать в его интересах и издавать антимилицаристскую литературу для... итальянской молодежи. То же самое предложение было сделано германским товарищам со стороны английских и французских агентов. Мы резко отвергли оба предложения и ни разу не поддались на уловки агентов.

Благодаря нашей нелегальной службе связи нам удалось наладить сношения с социалистическими организациями всех стран и без перебоев поддерживать эти сношения до окончания войны.

Воззвания и постановления Бернской конференции встретили живейший отклик во всем пролетарском юношеском движении. Уже осенью 1915 г. следующие социалистические организации молодежи выразили свое принципиальное согласие с бернскими постановлениями и вступили в сношения с международным секретариатом:

Дания, Швеция, группа «Зайер» в Голландии, Швейцария, Румыния, Болгария, Греция, Италия, Австрия, оппозиционные группы Германии, организации молодежи Соединенных Штатов, Канада, Испания. Позже присоединились французские оппозиционные группы, остатки бельгийских «Молодых гвардий», союзы Венгрии, объединенные финская и русская организации.

В 1918 г. все существующие социалистические организации, кроме германского центрального бюро в Берлине, голландского — в Амстердаме и французского национального комитета, установили постоянную связь с Международным бюро, благодаря чему 22 000 членов были присоединены к международному объединению.

АКТИВНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

В противоположность прежнему объединению социалистических организаций молодежи, избранный в Берне юношеский секретариат начал активную и полезную для пролетарского юношеского движения во всех странах работу. Письменные сношения с отдельными странами были весьма оживленными и охватывали все политические, идеологические и организационные вопросы, встававшие перед союзами.

Международный секретариат старался посредством регулярных бюллетеней и циркулярных писем использовать

опыт отдельных организаций молодежи и методы их работы для всего пролетарского юношеского движения.

Введение определенных членских взносов, особенно регулярно вносившихся крупными организациями в нейтральных странах, дало возможность секретариату выпускать для всех секций пропагандистскую литературу. На ряду с регу-

Предшественником КИМ'а было созданное К. Либкнехтом Международное бюро социалистической молодежи. На снимке: члены бюро в Берлине в 1915 г.

лярными взносами, составившими от 1 мая 1915 г. до 1918 г. сумму в 16 010 франков, были произведены за этот промежуток времени сборы в пользу фонда Либкнехта, давшие 2 828 фр. 19 сант. Из поступивших сумм можно было поддерживать не только оппозиционные группы и их пропаганду в воюющих странах, но и революционные группы, образовавшиеся как протест против войны и социал-патриотической тактики старых социал-демократических партий. Довольно крупная денежная помощь была оказана оппозиционным группам, возглавлявшимся тогда еще революционером Криспиным, Бертой Тальгеймер, Вестмайером и Вальхером в Штутгарте, бременской группой Пауля Фрелиха и др.

Было основано издательство «Интернационал Молодежи», выпустившее в числе других брошюр две брошюры: «Он жив» (отчет о Бернской конференции) и «Заступитесь за детей!» (очерк движения социалистических детских групп). Перевод этой брошюры на шведский язык появился летом 1918 г. Вообще основанию организаций социалистических детских групп уделялось максимальное внимание.

Большую и действительную помощь в агитации и пропаганде и политической выучке оказала газета «Интернационал Молодежи», издававшаяся международным секретариатом. Первый номер вышел 1 сентября 1915 г. к первому международному Юношескому дню и содержал лучшие революционные и антимилитаристские статьи и очерки пролетарского юношеского движения, написанные крупнейшими вождями рабочего класса. Первый номер начинается воззванием Международного бюро «К социалистическим организациям молодежи всех стран», в котором они призывались усилить борьбу против войны и милитаризма. Оно заканчивалось следующим образом:

„Социалистическая молодежь должна во всех странах стать авангардом революционных борцов за мир. Беззаветно мы отдаемся пролетарской борьбе за освобождение. Сто раз приятнее томиться жертвами в тюрьме за революционную освободительную борьбу пролетариата, чем ради жажды наживы наших врагов истекать кровью на поле битвы в борьбе с классовыми товарищами всех стран“.

Далее следовала статья Анжелики Балабановой памяти секретаря итальянского социалистического союза молодежи Амедео Катанези. Потом большая статья Эдвина Гернле — «Интернационал умер, да здравствует Интернационал!», «Антимилитаризм» — Карла Либкнехта, «Молодежь, вперед!» — Карла Радека, «Новый Интернационал и рабочая молодежь» — Коллонтай, «За социалистическое воспитание пролетарских детей» — Тоскани (Рим), вместо павшего Катанези взявшего на себя руководство итальянским союзом, «Классовая борьба и массовая борьба» — Отто Рюле, «Социалистический национализм во Франции» — Раппопорта и, в доказательство того, что австрийская молодежь примирилась с Бернской конференцией и новым Интернационалом молодежи, статья бывшего международного секретаря Роберта Даннеберга, под псевдонимом «Форвертс», и корреспонденция Антона Иеншика об «Организациях молодежи в Немецкой Австрии во время войны».

Номер повсюду подействовал на массы рабочей молодежи как призыв к пробуждению. Из всех стран, из Румынии, Болгарии и даже Америки мы получили восторженные

приветствия. Номер в Германии был нелегально перепечатан центральным бюро оппозиционной молодежи и распространен во многих тысячах экземпляров. В течение войны регулярно четыре раза в год выходил номер, всего десять номеров, и, после запрещения газеты в Швейцарии, 1 мая 1918 г., последний одиннадцатый номер, под названием «Хлеб, Мир, Свобода», майская газета Интернационала молодежи.

К постоянным сотрудникам «Интернационала Молодежи» принадлежали: Генриетта Роланд-Гольст, Анжелика Балабанова, А. Коллонтай, Н. Ленин, Троцкий, Радек, Зиновьев, Бронский, Карл Либкнехт, Отто Рюле, Эдвин Гернле, Эдуард Бернштейн, Р. ван Равенштейн, ван Амстель, З. Хеглунд, Э. Олауссен, Роберт Даннеберг, И. Тоскано, М. Швейде и Э. Христиансен.

Из наиболее важных политических статей назовем: «Анти-милитаризм» (серия статей) — Карла Либкнехта, «Прощальное письмо объединенных в центральном комитете русских эмигрантов швейцарским рабочим» — Н. Ленина, «Военная программа пролетарской революции» — Н. Ленина, «Хеглунд и Либкнехт» — К. Радека, «Вторая циммервальдская конференция» — Бронского, «Русская революция и малые государства» — Г. Роланд-Гольст.

Эти десять номеров «Интернационала Молодежи» бесспорно принадлежат к важнейшим социалистическим документам военного времени и являются блестящим доказательством подлинно революционного интернационализма социалистической молодежи.

Ленин не раз в своих статьях и брошюрах указывал на «Интернационал Молодежи». Так, в своей работе «Задачи пролетариата в нашей революции» (проект платформы пролетарской партии), вышедшей в 1917 г., он писал:

„На двух совещаниях циммервальдцев разных стран, в январе и феврале 1917 г., это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодежи и редактором прекрасной интернационалистской газеты „Интернационал Молодежи“.

Все номера «Интернационала Молодежи» были напечатаны в Швейцарии, первый номер нелегально перепечатан в Германии и первые четыре номера вышли также в датском и шведском изданиях. Все десять номеров впоследствии вышли на русском языке. Часть содержания была переведена в «Голосе Молодежи», органе романской группы швейцарской организации молодежи. В общем, «Интернационал

Молодежи» вместе с датским и шведским изданиями был распространен в количестве 30 000 экземпляров. Летом 1920 г. международный секретариат Коммунистического Интернационала молодежи переиздал все номера в одном томе.

Правительства пытались полицейскими мерами воспрепятствовать распространению «Интернационала Молодежи». Особенно сурово действовали германские власти, находившие моральную поддержку в позиции официальных социалистических инстанций. Председатель Центрального бюро германских юношеских комитетов Фридрих Эберт публично предостерегал от чтения и распространения «Интернационала Молодежи». Многие сотни молодежи за хранение и распространение «Интернационала Молодежи» подвергались преследованиям и тюремному заключению. Из целого ряда судебных преследований против молодежи назову только процесс в декабре 1916 г. против группы молодых рабочих, обвинявшихся в распространении «Интернационала Молодежи», слушавшийся в 4-ой уголовной палате прусского суда. Обвиняемым инкриминировалось, что они в декабре 1915 года и январе 1916 г. распространили 426 экземпляров выходящей в Цюрихе газеты «Интернационал Молодежи». После двухдневного судебного заседания был вынесен приговор, и молодые обвиняемые приговорены к 3—4 неделям тюремного заключения. В мотивировке приговора говорилось, что призыв «посредством действия прекратить войну» означал совет читателю «посредством неповиновения оказывать противодействие».

С подобными же мотивировками в Германии сотни молодых рабочих были посажены в тюрьмы реакционным военным судом.

Но все это не могло задержать быстрого развития и роста революционного пролетарского юношеского движения.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Еще большее значение в революционном развитии Интернационала молодежи имели совместные выступления социалистических организаций молодежи в военные годы. Первое общее революционное выступление новообразованного Интернационала молодежи и его организаций выразилось в Международном юношеском дне 3 октября 1915 года. Международное бюро приглашало участвовать в этом дне специальным манифестом. Призыву этому последовали Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Голландия, Румыния, Болгария, Америка и синдикалистская молодежь

Португалии. Приблизительно около 120 000 человек приняли участие в манифестациях. Была разослана масса социалистической литературы, газет и т. п., были приняты антимилиитаристские и антивоенные резолюции.

Манифестации весьма сильно содействовали пропаганде за пролетарское движение молодежи, отрезвлению масс и пробуждению чувства международной солидарности всех рабочих. В разгаре войны, во время шовинистического опьянения и упоения кровью, во время расцвета измены социалистов рабочая молодежь провела свое первое международное выступление.

Вторым общим выступлением были устроенные Международным бюро демонстрации сочувствия осужденным за антимилиитаристскую пропаганду товарищам Либкнехту и Хеглунду в мае 1918 года. Цензура всех стран приложила все старания к тому, чтобы затруднить и по возможности помешать устройству демонстраций. Все телеграммы, письма и т. д. из Швейцарии в Италию и другие страны были задержаны.

Особенно большие массы участвовали в демонстрациях в Швеции, Норвегии и Дании. В Швейцарии участвовало около 12 000 человек.

Товарищи в Италии всякое местное собрание превращали во внушительную демонстрацию солидарности.

В Германии молодежь устроила демонстрации в Бремене, Берлине, Брауншвейге, Штутгарте и других городах. В Брауншвейге — 30 000, в Берлине — 55 000 рабочих в знак протеста против осуждения Либкнехта объявили однодневную забастовку.

По силе и степени участия масс — это выступление было еще превзойдено вторым Международным юношеским днем 3 сентября 1916 г.

Воззвание Международного бюро было направлено не только против войны, но и в равной мере против социал-патриотических лидеров.

3 сентября мы выступили в бой не только против буржуазных милитаристов, но и против тех из нашего собственного класса, кто своим участием в правительстве, утверждением кредитов, своими речами или статьями защищают или оправдывают войну, кто благодаря своей бездеятельности является главным виновником заключения в тюрьму Либкнехта и Хеглунда и кто потерял право называться социалистами.

Произошли большие демонстрации и манифестации в Германии, Голландии, Швеции, Норвегии, Дании, Северной Америке, Канаде, Италии и Швейцарии.

В Германии военные власти издали особые предостережения против участия в Юношеском дне и приняли ряд экстренных мер. Во многих городах многочисленные товарищи, все-таки устроившие демонстрации, были приговорены к тюремному заключению.

В Италии секретарь союза молодежи Тоскани и многие члены за напечатание и распространение воззвания Международного бюро были арестованы и приговорены к 6—8 годам тюремного заключения.

В Соединенных Штатах секретарь социалистической организации молодежи Вильям Крузе был приговорен к двадцати годам каторжной тюрьмы.

Но никакие жертвы не могли утратить молодежь, и, несмотря на аресты, тюрьмы и высылки, 2 сентября 1917 г. третий Международный юношеский день был проведен еще более сплоченным фронтом.

В период между Бернской конференцией и до окончания войны состоялись два заседания Международного бюро. Первое — в Цюрихе, 1—2 февраля. Присутствовали: Христиансен (Дания), Олауссен (Норвегия), Швейде (Италия), Берта Тальгеймер (за Германию) и Мюнценберг в качестве секретаря и делегата Швейцарии.

Кроме многочисленных внутренних и организационных дел, обсуждался целый ряд политических и тактических вопросов.

По вопросу об «отношении социалистических организаций молодежи к социалистическим партиям» была единогласно принята следующая резолюция:

„Социалистические союзы молодежи—боевые организации. Их первой и священной задачей является международная революционная анти-милитаристская пропаганда и борьба за экономические интересы рабочей молодежи. Выполнение этих задач путем прямого участия в выступлениях и боях есть лучшее средство социалистического воспитания, которое должно дополняться марксистским образованием. Полное разрешение этих задач возможно только в организационно автономных юношеских организациях“.

Второе заседание Бюро состоялось 19 и 20 августа 1917 г. в Стокгольме. В нем приняли участие многие представители Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и в качестве гостей — находившиеся в Стокгольме русские товарищи.

Поездка в Стокгольм была для меня сложным делом. В начале войны я был забракован германскими военными властями.

Незадолго до того первая группа русских эмигрантов во главе с Лениным через Германию возвратилась в Россию.

В Стокгольме, кроме заседания Международного бюро молодежи, должны были состояться обще-социалистическая конференция и совещание циммервальдской группы. Поэтому для меня как секретаря Интернационала молодежи было необходимо быть в Стокгольме. Я обратился в германское посольство в Берне с ходатайством разрешить мне проезд из Цюриха в Стокгольм. Посольство ответило мне, что это не в его власти, и оно направило мое ходатайство в германское министерство иностранных дел. Через несколько дней я получил из Берна телеграмму о том, что министерство иностранных дел не встречает никаких препятствий к моей поездке в Стокгольм и обратно в Швейцарию и германскому консульству в Цюрихе дано распоряжение выдать мне визу. Мои друзья были убеждены, что мне разрешат поездку туда, но не обратный въезд. Все-таки мы в Международном бюро, посоветовавшись с рядом товарищей-эмигрантов, решили осуществить поездку.

Первого мая я, по поручению социал-демократической партии, выступал еще на больших майских манифестациях в Лозанне, рядом с социал-демократическим членом парламента Шарлем Нэн и совместно с товарищем Мануильским, представителем русских эмигрантов, готовившихся к отъезду.

2 мая я через Линдау, Мюнхен, Берлин, Засниц и Треллеборг поехал в Стокгольм. В Заснице таможенные чиновники подвергли меня личному обыску. Я вынужден был раздеться до-нага, и мой костюм и белье были тщательно осмотрены, до последней складочки. Меня заставили ждать несколько часов и только перед самым отходом поезда мне выдали паспорт. Я облегченно вздохнул только на шведском пароходе и на следующий день прибыл в Стокгольм. На пароходе я ехал со старым меньшевистским лидером Аксельродом, направлявшимся через Стокгольм в Россию.

При моем прибытии в Стокгольм происходил первый съезд шведской лево-социалистической партии. Это был первый факт процесса размежевания в Швеции. Значительные массы молодых и юных рабочих, в большинстве бывшие члены шведской социалистической организации молодежи, решили выступить из старой социалистической партии и образовать свою собственную революционную партию с левой ориентацией. Потом из нее возникла, правда, с потерей ее основателей, коммунистическая партия Швеции.

В съезде принимали участие находившиеся в то время в Стокгольме Роберт Гримм, Анжелика Балабанова, Карл Радек и другие. Меня поразила сложная церемония пре-

доставления слова ораторам. Рядом с президиумом находился шумный оркестр. Каждого оратора встречали тушем, председатель рассказывал о сказочных подвигах, совершенных им, потом опять играли туш. Наконец истязуемый оратор мог приступить к своему слову, заканчивавшемуся третьим тушем.

Я говорил от имени Интернационала молодежи и резко обрушился на циммервальдских центристов, что очень раздосадовало Роберта Гримма, но со стороны съезда, особенно русских товарищей, встретило одобрение. Радек сказал мне: «Они говорят только по-шведски, тебя никто не мог понять, но ты так орал, что все были растроганы».

Кроме обсуждения ряда организационных вопросов и принятия различных постановлений и решений по улучшению методов работы Интернационала молодежи, Бюро подвергло рассмотрению политическую линию и тактику международного секретариата и после серьезной дискуссии вынесло помещаемую мною ниже резолюцию. Она является прекрасным доказательством того, как процесс развития Интернационала молодежи совершался по прямой восходящей линии — от оппозиции против войны до большевизации.

Поэтому я и привожу эту резолюцию здесь:

„Бюро одобряет тактику, проводившуюся до сих пор секретариатом Всемирно-исторические события России — блестящее доказательство правильности всегда пропагандировавшихся нами методов социалистической классовой борьбы. Поэтому социалистическая молодежь особенно горячо и братски приветствует революционеров России, победа которых есть победа революционных идей. Но как российская революция может одержать полную социалистическую победу в решительной борьбе против буржуазного правительства, так и в других странах революционная тактика может победить только в непримиримой борьбе против социалпатриотизма. Поэтому задачей социалистической молодежи впредь является — быть омоложивающим элементом в общерабочем движении и постоянно все снова разжигать пламя революционной борьбы.

Международное объединение социалистических организаций молодежи должно решительно отказаться от каких бы то ни было сношений с предполагаемой социал-патриотической конференцией.

Бюро приветствует предстоящий третий съезд циммервальдцев и обещает ему свою полную поддержку. Социалистическая молодежь, со своей стороны, приложит все усилия к тому, чтобы воодушевить рабочие массы на серьезные революционные выступления в целях скорейшего достижения длительного мира“.

На другой день мы отправились на вокзал встретить поезд со второй, более многочисленной группой эмигрантов. Среди них оказалось много моих знакомых: Мануильский, Рязанов, Луначарский, Сокольников, Мартов, Мартынов и др. Многие из них горячо уговаривали меня поехать с ними в Россию. Но я отказался, указав на необходимость

возвратиться в Швейцарию, чтобы продолжать работу в Интернационале молодежи.

На обратном пути я сделал остановку в Копенгагене и выступил там на митинге против войны. Потом, через Берлин и Мюнхен, возвратился в Швейцарию.

Вскоре после моего возвращения в Швейцарию я был вызван в германское консульство, где мне заявили, что я теперь подлежу мобилизации. Германским консулом в Цюрихе был тогда Лафарб, прежде германский посланник в Христиании, смещенный за то, что слишком поздно доставил Вильгельму, плававшему тогда в Северном море, телеграмму о рождении внука. Он всячески убеждал меня, в случае получения приказа, подчиниться ему. Я ответил, что оставляю за собою свободу действий и не понимаю, почему это его так интересует. Вообще же для меня совершенно невозможно пойти на фронт, после того как я в качестве международного секретаря призывал социалистическую молодежь всех стран к борьбе против войны.

Через несколько дней меня снова вызвали. Теперь привлекли к этому делу какого-то чиновника из германского посольства в Берне, снова уговаривавшего меня либо выполнить приказ, либо, по крайней мере, пойти на медицинское освидетельствование. Я заявил, что прежде ходил на медицинское освидетельствование, но теперь не пойду, так как уверен, что меня намеренно признают негодным. Секретарь посольства указал на то, что ведь германские социалисты Шейдеман и т. д. занимают другую позицию. На это я ответил, что это только ничтожная часть, а большинство солидарно с Либкнехтом, который также ведет решительную борьбу против войны, за что и сидит теперь в тюрьме. На этом переговоры закончились. Спустя 24 часа я получил приказ немедленно отправиться в запасный батальон в германский городок Донауэршинген. Я ответил на него открытым письмом военным властям, где я мотивировал, почему не могу выполнить приказа, но, вместе с тем, выражал готовность предстать перед военным судом. Но до того, как он был назначен, я был арестован швейцарскими властями в связи с ноябрьскими событиями 1917 г. в Цюрихе.

НАША РАБОТА В ШВЕЙЦАРИИ И ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ ЛЕВАЯ

В нашей работе по революционизированию рабочего движения мы не ограничивались только большевизацией организаций молодежи, но и приступали к борьбе за проведение

антивоенных требований и революционной программы также и в рабочем движении. Большое число членов организации молодежи, в возрасте от 18 до 25 лет, было в то же время деятельными членами социал-демократической партии и профессиональных союзов. Уже к концу 1915 г. и особенно в 1916 г. сказались первые результаты революционной пропаганды членов организаций молодежи в социал-демократической партии. В различных местных группах, особенно в городе Цюрихе и в Цюрихском кантоне, политически активные члены организации молодежи часто избирались делегатами от местных групп на окружные и кантональные съезды партии. На съезде социал-демократической партии 4—5 ноября 1916 г. присутствовала уже значительная группа членов юношеских организаций в качестве делегатов от социал-демократической партийной массы. Члены организации молодежи получали различные партийные назначения и избирались в местные и кантональные комитеты социал-демократической партии, некоторые даже — в обще-швейцарский и кантональные парламенты.

Съезд партии 4—5 ноября 1916 г. в Цюрихе, на котором присутствовал Ленин по поручению партии большевиков, приветствовавший съезд мощной атакой на международных социал-патриотов, огромным большинством избрал меня в члены Центрального комитета социал-демократической партии. В первый раз иностранец, к тому же известный своей левизной и антимилитарист, был избран в высший орган социал-демократической партии Швейцарии. Это не обошлось без борьбы, но при голосовании я все-таки одержал победу как кандидат левого революционного крыла против предложений реформистской и социал-патриотической группы.

Наши выступления и атаки в партии происходили под ближайшим руководством Ленина и большевистской группы, с которой мы, особенно с осени 1916 г., поддерживали самый тесный контакт.

Большое число членов организации молодежи — Альфред Бухер, Анна Морф, Фриц Заутер, Яков Герцог и мн. др. — были в то время членами Циммервальдской левой. Циммервальдская левая организовала в Цюрихе своего рода клуб, собиравшийся регулярно раз в неделю, обычно в «Штюссигофе», потом также в «Черном орле» и «Белом лебеде», в шутку называвшемся в партийных кругах «Кегельклубом». «Кегельклуб», особенно после переезда из Берна в Цюрих Ленина, стал главным очагом революционной агитации и пропаганды в Швейцарии. Там дискуссировались все тактические и политические вопросы и вырабатыва-

лись те резолюции и тезисы, которые потом, особенно юношеской группой, проводились на партийных собраниях и съездах. В том же «Кегельклубе» были выработаны исторические тезисы Циммервальдской левой по военному вопросу в социал-демократической партии Швейцарии. Из русских эмигрантов в клубных собраниях почти всегда принимали участие: Ленин, Крупская, Бронский, Харитонов, Т. Аксельрод и др.

Клуб выпускал также летучки и брошюры. Одной из первых была выпущена проредактированная Лениным листовка «Против оборонческого обмана!» Листовка — мастерское произведение по теоретической ясности и ударной сжатости изложения. В ней выставлялись следующие основные требования:

1. Обязать представителей партии в парламенте отклонять все военные кредиты, давая этому принципиальную мотивировку. Требовать демобилизации.

2. Никакого «гражданского мира». Усиление принципиальной борьбы против всех буржуазных партий, равно как и против националистических грюнлианских идей в рабочем движении и партии.

3. Систематическая революционная пропаганда в армии.

4. Поддержка революционного движения и борьба против войны и собственного правительства во всех воюющих странах.

5. Требование революционной массовой борьбы в Швейцарии. Стачки, демонстрации, до вооруженной борьбы включительно.

6. Целью революционной массовой борьбы, признанной уже партийным съездом в Ааргау, партия ставит социалистическое преобразование Швейцарии. Этот переворот является единственным действительным средством для избавления рабочего класса от ужасов дороговизны и голода, он необходим для полного устранения милитаризма и войны.

В духе этих тезисов и велась нами вся агитация и пропаганда среди молодежи и рабочих масс.

В ходе дальнейшего развития швейцарского рабочего движения все более вырисовывались контуры трех, политически резко враждебных друг другу групп. Во-первых, открыто реформистская и социал-патриотическая группа во главе с Германом Грейлихом, Паулем Пфлюгедемократической партии эту группу представлял ряд молодившаяся Робертом Гриммом, с которым долгое время поддерживали связь также Фриц Платтен и Эрнст Нобс, и, наконец, третья, определенно революционная группа, находившаяся под непосредственным теоретическим и политиче-

ским влиянием Ленина и других проживавших в Швейцарии русских большевиков. В рабочем движении и в социал-демократической партии эту группу представлял ряд молодых рабочих, потом также некоторые женщины-революционерки, как Роза Блох, к которым с середины 1917 г. присоединились также Фриц Платтен и Эрнст Блох.

Противоречия между революционными и центристскими группами обнаружались также и на Кинтальской конференции.

КИНТАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

На первую Циммервальдскую конференцию центрист Роберт Гримм считал излишним пригласить швейцарскую организацию молодежи. Но на Кинтальской конференции, под давлением левого крыла и особенно большевистской группы в циммервальдском объединении, ему пришлось отказаться от такой тактики. Мы получили от Циммервальдского бюро приглашение принять участие в Кинтальской конференции. Это было тем более справедливо, что не только Бернский интернационал молодежи, но и большое число социалистических организаций молодежи, как, например, в Швеции, Норвегии, Дании, Мадриде, Швейцарии и т. д., официально вступили в число членов циммервальдского объединения.

Накануне конференции мы собрались в Цюрихском народном доме. От швейцарской партии — Герман Грейлих, Роберт Гримм, Агнесса Робман, Эрнст Нобс, Фриц Платтен и я. Присутствовавшие итальянские делегаты, среди них, если я не ошибаюсь, Моргари и Сerratи, бурно требовали, чтобы Грейлих не был допущен на конференцию, так как он тяжело опорочил и скомпрометировал итальянскую партию. Грейлих несколько времени назад протащил с собою на заседание Центрального комитета итальянской партии в Болонье некоего мнимого американского пацифиста, с которым он много лет назад познакомился через Августа Бебеля. Этот мнимый американский пацифист хотел через посредство Грейлиха сделать итальянской социалистической партии предложение предоставить в ее распоряжение один миллион марок на организацию всеобщей стачки против участия Италии в мировой войне. Центральный комитет итальянской партии понял, откуда ветер дует, и правильно расценил, что такая сумма не могла исходить от пацифистского утописта, а, вне всякого сомнения, от какого-нибудь правительства, и выставила Грейлиха с его германским агентом за дверь. Тщетно Грейлих пытался оправдать свое непростительное поведение. Общее настроение на конференции было таково,

что ему пришлось ее покинуть, и в дальнейших заседаниях он больше не принимал участия.

На следующий день мы сначала проехали некоторое расстояние поездом, потом на нескольких телегах к расположенной в стороне, в идиллической местности, гостинице «Кинталь». Среди германских делегатов, из которых я помню Флейсыера из Дрездена, Эрнста Майера и Пауля Фрейлиха, был также Адольф Гофман, благодаря своему природному юмору забавлявший нас всю дорогу. Во французскую делегацию входили: члены французской палаты депутатов Блан, Рюффэн, Дюжин, Бризон и др., в русскую — Ленин, Зиновьев, Бронский, Радек и др.

Главным предметом дискуссии на Кинтальской конференции был вопрос о защите отечества и организации широких массовых выступлений против продолжения войны.

На конференции выявились два резко враждебных течения. Первое течение опиралось, главным образом, на французскую и итальянскую делегации и поддерживалось также Робертом Гриммом и германскими делегатами, за исключением Пауля Фрейлиха. Течение это занимало по всем вопросам нерешительную, колеблющуюся и явно центристскую позицию. Правда, то, что нес французский делегат Бризон, далеко превосходило линию всей этой группы. В свойственной французским парламентариям риторически эффективной манере Бризон, после речи Адольфа Гофмана, развил свои взгляды на вопрос о защите отечества и вотировании военных кредитов. Он всячески позировал и свою продолжавшуюся несколько часов речь неоднократно прерывал для того, чтобы позавтракать или выпить кофе. Проболтав несколько часов подряд, он так и не дошел до сути дела, все время обходя основной вопрос. Когда же, наконец, он заявил, что «и мы отвергаем кредиты», вся конференция возликовала и разразилась рукоплесканиями. Но, когда овации утихли, Бризон спокойно продолжал: «Но только при том условии, что не будет больше никаких вражеских войск на французской территории». Теперь овации сменились таким же всеобщим возмущением, а некоторые, особенно Бронский и Пауль Фрейлих, были близки к тому, чтобы избить наглеца.

Против устаревших путаных маневров и затушевываний центристов большевистская группа внесла резолюцию, которую я тоже подписал от имени Интернационала молодежи и швейцарской молодежи. Это был первый документ потом образовавшейся Циммервальдской левой и, стало быть, первый документ выросшего впоследствии из нее Коммунистического Интернационала.

Важен был также вопрос об отношении ко II Интернационалу. Центристское большинство конференции все еще верило в возможность социалистического оздоровления, улучшения и революционизирования II Интернационала. А объединившиеся в Кинтале в Циммервальдскую левую делегаты были твердо убеждены в том, что социалистическое возрождение II Интернационала невозможно, и необходимо в ближайшее время не только политически, но и организационно порвать с ним.

Вскоре после Кинтальской конференции в Берне и Ольтене состоялись заседания малого и расширенного бюро циммервальдского объединения, на которых я как представитель Интернационала молодежи принимал постоянное участие.

Особенно памятно мне заседание малого бюро в зиму 1916 г. в Ольтене, где резко выявились противоречия между группой Гримма и большевиками. Заседание окончилось для Гримма полным поражением. Он отомстил за это тем, что в бернской «Трагвахт» и, через своего адъютанта, в базельской социалистической газете поместил несколько гнусных статей против русских «интриганов», отщепенцев, дезертиров и «иностранцев». Это писал Роберт Гримм, якобы радикальный лидер швейцарской социал-демократии и председатель циммервальдского объединения, ставившего себе целью возрождение Интернационала в революционном и подлинно-марксистском духе.

Против этих националистических мещанских памфлетов мною была в номере от 26 марта «Свободной Молодежи» помещена передовая статья. В ней я социал-патриотическим излиянием посвятил следующие строки:

„Если депутат национального совета Мюллер пишет в „Трагвахт“: „И в такой момент под духовным влиянием политических беглецов и отщепенцев требуют от нашей партии, чтобы она провозгласила отказ от обороны отечества...“, то это только повторение того, что сама „Трагвахт“ несколько дней назад заявляла в статье, не снабженной никакими редакционными примечаниями, некоего Шнейдера, что в партии имеются товарищи, „работающие по русским методам и в ночных кафе высиживающие лозунги, но предпочитающие вдали от пушечных выстрелов разыгрывать из себя старых вояк“.

Шнейдер был главным сподвижником Роберта Гримма.

Но эта бесстыдная травля против «политических беглецов и отщепенцев» была превзойдена еще более правыми «грютлианцами», особой разновидностью швейцарских социал-патриотов, открыто обращавшихся к прокуратуре с требованием принять меры против редакторов-иностранцев (имелся в виду я как редактор «Свободной Молодежи») и их антимилиитаристской пропаганды. Они писали:

„Кто думает в Швейцарии серьезно о том, чтобы лишить рабочих их прав и свобод? Разумеется, никто. Их свобода собраний и печати, их право объединяться в союзы настолько неприкосновенны и так защищаются законом, что „Свободная Молодежь“ и ее иностранец-редактор в каждом номере могут себе позволять вести свою антимилитаристскую пропаганду, направленную против самых жизненных интересов нашей страны“.

РАЗРЫВ С ГРИММОМ

Обострившийся конфликт с центристами побудил Ленина написать статью о задачах Циммервальдской левой в Швейцарии, предназначенную служить платформой для дальнейшей борьбы пролетарских революционеров в швейцарской партии и подготовить партийную дискуссию к съезду 1917 г. Но в то же время Ленин пришел к твердому убеждению, что Роберт Grimm безнадежен и что необходимо окончательно и решительно порвать с ним. Открытый разрыв с Робертом Grimmом был решен на совещании в начале февраля 1917 г., происходившем в моей квартире. В совещании приняли участие: Ленин, Зиновьев, Радек, Крупская, Пауль Леви, Фриц Платтен, Мимиола, один член швейцарского Центрального комитета и я.

Ленин изложил свою точку зрения на положение в швейцарском рабочем движении и обосновал необходимость немедленно и безоговорочно порвать с группой Grimma. Фриц Платтен попытался добиться для Grimma своего рода испытательного срока и предложил разрыв отсрочить. Но Ленин был непоколебим. Еще до Платтена я целиком высказался за предложение Ленина, что, при позиции, занимаемой нашей группой и организацией молодежи в швейцарском рабочем движении, было только последовательным. Остальные также присоединились, один только Платтен просил предоставить ему несколько дней на размышление. Сейчас же после заседания Пауль Леви, по плану речи Ленина, продиктовал краткую статью и информационное сообщение для швейцарской и голландской групп и прессы Циммервальдской левой, имевшей тогда в своем распоряжении бременскую «Рабочую Политику» и «Предвестник» («Vorbote»). Радеку дано было поручение написать против Grimma брошюру. Около 8 или 9 ч. вечера совещание закончилось и мы пошли ужинать, а к 11 ч. разошлись по домам. На следующее утро, еще не было 7 ч., как в мою дверь постучали. Я открыл — и увидел Карла Радека с его вечно дымящейся трубкой. Улыбаясь во весь рот, он вытащил из кармана пиджака рукопись и сказал: «Вот брошюра против Роберта Grimma». Важнейшие главы этой

брошюры были потом напечатаны частями в «Свободной Молодежи» и «Интернационале Молодежи».

Политическая группа в руководстве швейцарской организации молодежи все усиливалась. В 1916 г. к нам присоединились многие студенты из Берна и Цюриха. В устраивавшихся ими курсах, литературных вечерах и докладах наша политическая деятельность получила значительное подкрепление. К этому прибавился еще приток из заграницы, из Франции, Италии и Германии, откуда, между прочим, прибыл из Дрездена один из братьев Левинсонов, проделавших большую революционную работу среди дрезденской и саксонской молодежи. Мы всем оказывали восторженный прием. Среди студентов особенно выделялся молодой 16—17-летний румын Валерий М а р к у. Мы считали себя уже бойкими ребятами, но Марку все-таки поражал нас своей живостью и той быстротой, с какой он схватывал суть каждого вопроса. Марку был полон кипучей энергии. В Романсгорне, сходя с парохода, он приветствовал Швейцарский союз, которому мы объявили борьбу вплоть до гражданской войны, к величайшему изумлению всех остальных пассажиров, в три раза взмахнув шапкой и заорав как одержимый: «Да здравствует свободная страна демократии!» В Цюрихе он почти ежедневно дрался с реакционными румынскими студентами и другими шовинистически настроенными университетскими приятелями. Не раз по ночам группе рабочих юношей приходилось отбивать его от нападающих.

Марку был рекомендован хорошо известным в революционном движении Р а к о в с к и м, быстро нашел доступ к Ленину и был позже послан им с важной миссией через Париж и Москву в Румынию. В Румынии Марку вел отважную антивоенную и антимилитаристскую пропаганду, был за это германской оккупационной властью надолго заключен в тюрьму и по окончании войны перебрался в Германию. Там он некоторое время работал со мною в коммунистической партии, вместе с Паулем Леви вышел из нее, а в настоящее время, чуждый бунтарских идеалов своей юности и швейцарского периода, сделался буржуазным писателем и восторгается теми самыми статьями ультрабуржуазных газет, над которыми прежде вместе с нами хохотал.

ЛЕНИН И МЫ

Первая победоносная пролетарская революция и создание плана организации первого в мире социалистического хозяйства вписали имя Л е н и н а неизгладимыми буквами в

историю. На всем земном шаре нет другого такого популярного имени; Ленин живет в сердцах миллионов рабочих и угнетенных всех стран.

До 1917 г. это не было так. Ленин был известен в политических кругах России и среди руководящей верхушки международного рабочего движения. Но широкие рабочие массы западных стран почти не знали его.

Мы, молодежь, мало были знакомы с историей русского рабочего движения и фракционной борьбы внутри партий. До войны мы только слышали упоминание имени Ленина в связи с международным конгрессом в Копенгагене и Базеле. В первый раз мы занялись более или менее вплотную Лениным и его политической программой только осенью 1914 г., когда вышел в Цюрихе немецкий перевод его книги. Это была первая книга, ясно и остро, с подлинно-марксистской точки зрения освещавшая сущность мировой войны и ставший благодаря ей очевидным и чувствительным для всех рабочих кризис социалистического рабочего движения. Подобно тому как в период увлечения художественной литературой Стриндберг излечил нас от Ибсена, теперь книга Ленина явилась для нас откровением и показала нам недостаточность и ошибки пацифистской и социал-религиозной идеологии, дававшей, как нам казалось до того, пригодное оружие для борьбы против войны.

Прочитав книгу Ленина, мы поняли, что единственное средство против войны — непримиримая революция, классовая борьба.

Мы, конечно, не превратились сразу из идеалистических социалистических мечтателей в теоретически выдержанных большевистских революционеров. Но мы учились, наше внимание благодаря Ленину было направлено на самое главное, и мы стали отныне критически относиться к нашим прежним статьям и речам. Нам понадобился не один месяц для того, чтобы понять и правильно усвоить выставленную Лениным программу.

На Бернской конференции 1915 г. нас еще испугала большевистская резолюция: «Против всякой империалистической войны! За революционную пропаганду в армии! За вооружение рабочих!» Политически мы были за эти требования, но из «тактических соображений» не присоединились к ним. В дни, когда весь мир был вооружен до зубов, мы считали безумием требовать еще больше оружия. Нам казалось что наше требование «разоружения» скорее сможет поднять уставших от войны солдат и массы.

Ленин правильно понял, что наша позиция определялась не принципиальным оппортунизмом, а была только резуль-

татом недостаточной теоретической подготовки и отсутствия опыта. Поэтому он не отозвал с Бернской конференции представителей партии, обещал новоорганизованному Интернационалу молодежи полную поддержку партии большевиков и старался путем длительных дискуссий и личных бесед с нами избавить нас от политических ошибок и заблуждений.

Под влиянием ленинских идей мы зимою 1914—1915 г. порвали со всеми пацифистскими группами и в теснейшем контакте с «левыми» в партии старались развернуть массовые выступления и организовать массовую работу.

Этими «левыми» в партии были Фриц Платтен, Эрнст Нобс и Роберт Гримм. Последний был уполномоченным «левыми» в партии и Интернационале. Способный и честолюбивый политик, он хотел по-своему спекулировать на войне и использовать своеобразное политическое положение в Швейцарии для того, чтобы из вождя маленькой швейцарской партии подняться до лидера центрального крыла в Интернационале. Это ему удалось, и его честолюбивые желания на время осуществились. На Циммервальдской конференции он был избран международным секретарем. Во время своего пребывания в Петрограде в 1917 г. он попытался вести самостоятельную международную политику и посылал шифрованные телеграммы в Берн буржуазному члену Союзного совета Гофману. Эти телеграммы были перехвачены Англией и истолкованы как маневр в пользу Германии. Последствиями этого были: высылка Гримма из Петрограда, его удаление из Интернационала и падение советника Гофмана. В настоящее время деятельность Гримма в качестве социал-демократического муниципального советника ограничивается управлением газовой фабрикой и городским водопроводом в Берне. Но в те времена он начал появляться на арене «большой» международной политики.

Гримм помогал в организации первой международной конференции женщин в Берне и ловко сумел связать свое имя с этой конференцией. На Бернской юношеской конференции он был представителем швейцарской социал-демократической партии и взял на себя политический доклад. Совместно с Анжеликой Балабановой он выработал резолюцию по политическому вопросу. Общеполитическая часть постановлений Бернской конференции была последней в Интернационале молодежи победой центристов над большевиками.

Но все быстрее совершавшийся после конференции отход молодежи от центристов не мог остаться незамеченным. Чем крепче становилась наша связь с Лениным, тем настойчивее

центристские лидеры «предостерегали» нас от этого «сектанта и доктринера», «безнадежно помешавшегося на своих азиатских идеях». Каждый раз, когда мы встречались с центристскими лидерами, они твердили нам: «Всякое влияние Ленина на юношеское движение приведет к его развалу и гибели».

Однако ничто не помогло помешать нашему политическому объединению с группой Ленина. Наконец после многолетних исканий мы нашли тех людей, которые могли нам указать правильный путь к плодотворной революционной работе.

Задолго до войны, в ее начале и во время войны мы всегда, не колеблясь, были против нее. Мы с негодованием относились к предательству социал-демократических лидеров в момент начала войны. Мы были юными революционерами, знавшими только одну цель — произвести революцию и изменить мир. Но в своем пламенном стремлении совершить это мы иногда хватались за негодные средства и сбивались с пути. После того как мы весной и летом 1915 г. узнали Ленина лично, мы поняли, что он подлинный и великий вождь, который сможет вывести нас на дорогу полезной революционной деятельности, и это привязало нас к нему.

В беседах с Лениным мы поняли все содержание понятия «война». Мы уяснили себе сущность империалистической войны и научились анализировать и расценивать ее не по случайным внешним признакам, а по ее принципиальному содержанию. В швейцарской социал-демократии в продолжение многих лет отношение партии к защите отечества было главным спорным вопросом. Но социал-патриоты, центристы и «левые» рассматривали вопрос с узко социал-демократической точки зрения и мудрствовали над разницей между наступательной и оборонительной войной. Мы же научились отделять хозяйственно-политическое содержание войны от побочных технических вопросов. Ведь, вопрос о том, например, чьи пушки случайно первые начали стрелять — совершенно второстепенный. После ряда дискуссий, проведенных Лениным с нами, мы, прежде демонстрировавшие за «полное разоружение», поняли, что наши немецкие друзья по Интернационалу ошибались, выставив тезис: «В империалистический период могут быть только империалистические войны». Ленин доказал нам, что в настоящее время возможны еще революционные войны за национальное освобождение и что отношение международного пролетариата к последним должно быть другим, нежели к империалистическим войнам. Благодаря тому, что вопрос о войне был поставлен теперь последовательно-марксистски, мы бы-

стрее, нежели колеблющиеся центристы, находили ответы на вопросы о том, утверждать или отклонять военные кредиты, признавать или отрицать защиту отечества в капиталистическом государстве.

Не меньшее значение имели для нас выработанные совместно с Лениным марксистские методы революционной пропаганды против войны (не «разоружение», а вооружение пролетариата и разоружение буржуазии; не вообще индивидуальный отказ от военной службы, а революционная агитация в армии, создание красных солдатских групп и солдатских советов; организация больших стачек, революционных массовых выступлений и доведение их до вооруженного восстания).

Благодаря Ленину мы научились с революционно-марксистской точки зрения исследовать историю социалистического рабочего движения и его Интернационала и предъявлять к Социалистическому Интернационалу и Интернационалу молодежи те требования, которые были предпосылкой для выполнения их исторической миссии. В противоположность Каутскому, выставившему пресловутый тезис: «Социалистический интернационал есть орудие мирного времени, а не периода войны», Ленин учил нас, что как раз во время войны между капиталистическими странами необходимы международные солидарные действия революционных рабочих масс различных государств в целях использования созданного войной затруднительного положения буржуазии для ее окончательного свержения.

Ленин указал нам на сочинения Розы Люксембург и разъяснил нам структуру фальсифицированного и мелкотравчатого «марксизма» Каутского и его теоретической школы, возлагавшего все надежды на историческое развитие экономических условий и почти не признающего значения субъективных факторов в ускорении революции. В противоположность ему Ленин подчеркивал роль индивидуума и массы в историческом процессе и выдвигал на первый план марксистский тезис о том, что в рамках данных экономических условий люди делают свою историю. Это подчеркивание личной ценности отдельного человека и группы в социальной борьбе произвело на нас самое сильное впечатление и побудило нас напрячь свои силы для достижения наибольших результатов.

Наибольшая заслуга в быстром революционном развитии Социалистического интернационала молодежи после Бернской конференции принадлежит Ленину. Без его непосредственной личной товарищеской помощи, оказывавшейся им с огромным педагогическим тактом, Международное

бюро молодежи в Цюрихе никогда не приносило бы такой пользы юношескому движению от 1914 до 1918 г.

В первое время нашей совместной работы с Лениным он часто критиковал нас не только в личных беседах, но и в своих статьях, печатавшихся в русских газетах. Но он всегда был одушевлен только одним желанием — помочь нам и выпрямить нашу линию. Его критика никогда не оскорбляла нас, мы никогда не чувствовали себя отвергнутыми, и, даже подвергая нас самой суровой критике, он всегда находил в нашей работе что-нибудь заслуживающее похвалы. Это поощрение действовало крайне благотворно, и мы с еще большим рвением принимались за работу. Я вспоминаю беседу с Лениным по поводу одного требования в нашей антимилитаристской программе, вызвавшего ожесточенную дискуссию с Робертом Гриммом. Ленин сказал мне: «Гримм теоретически прав, и, тем не менее, я помогу вам. Несмотря на свои большие знания, он по природе оппортунист и политикан, вы же, хотя и не отличаетесь теоретической зрелостью, все-таки внутренне здоровые бойцы и революционеры».

По такому рецепту обращался с нами «старик», как мы его называли, и не без успеха. Ленин позже в одном письме классически сформулировал, как нужно обращаться с молодежью: «...Многие люди не понимают того, что среди молодежи следует вести пропаганду с большим доверием и смелее, смелее и более доверчиво, и еще раз с большим доверием и смелее, не боясь ее».

Таков был подход Ленина к нам — и он привлек нас и тысячи молодых. Коммунистическое движение молодежи имело бы ныне гораздо больше друзей, если бы почаще вспоминало эти мудрые слова.

В 1915—16 и 17 гг., вплоть до его отъезда в Россию, я охотно пользовался его любезным приглашением приходить к нему, когда только захочу, и часто бывал в его скромной квартире на Неймаркте в Цюрихе. Там я познакомился также с его женой, товарищем Крупской. Иногда Ленин заходил в наше Бюро молодежи, или мы шли с ним в кафе или Народный дом.

В Швейцарии Ленин, между прочим, изучал аграрные отношения в западных странах. На эту тему он часто читал доклады. Он долго дискуссировал с И. Герцогом и побудил его особенно заняться этим, столь важным для швейцарского рабочего движения, вопросом.

Ленин писал много статей для «Интернационала Молодежи» и давал мне ценные указания по редактированию этого журнала и «Свободной Молодежи». По его совету я про-

вел различные улучшения в последней, а также напечатал серию статей по вопросам партийной программы.

Мы поддерживали его борьбу внутри Циммервальдской левой и были пропагандистами в социалистическом юношеском движении, в партии и на открытых собраниях его тезисов о войне. Поэтому Ленин имел все основания в 1916 г. считать нашу организацию молодежи своей группой. Мы боролись за его политическую программу и пошли бы за него в огонь и в воду. То, что он рассматривал нас как часть своей группы, видно из его прощального письма к швейцарским рабочим, опубликованного мною в «Интернационале Молодежи». В нем Ленин вспомнил о нашей совместной работе в следующих словах:

„Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистской работы на нашей родине, мы... шлем вам братский привет и выражение глубокой товарищеской признательности. Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала „Свободная Молодежь“, которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языках) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Töss резолюцию молодых и „левых“ по военному вопросу, которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на немецком и французском языках „Наши условия“ и т. д. Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники“.

Когда будет писаться история пролетарского юношеского движения, в разделе «Юношеское движение во время войны» особенно большое место должно быть отведено участию Ленина в развитии Интернационала молодежи. Там надо будет рассказать подробнее о совместной деятельности Ленина с нашей группой и о многочисленных дискуссиях.

Здесь же я расскажу еще только о моем непосредственном участии в организации его проезда через Германию в 1917 г.

ПРОЕЗД ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 ГОДУ

Совершенно праздну задавать вопрос, что произошло бы, если бы та или иная выдающаяся личность не принимала участия в разыгравшемся историческом событии. Но несомненно, что немногие группы оказывали такое решающее влияние на ход исторического развития, как та, которая с Лениным в начале апреля 1917 г. выехала из Цюриха через Германию в Ленинград.

Как только произошла Февральская революция в России, в Цюрихе был образован, под председательством Семковского и Богацкого, комитет по возвращению проживающих в Швейцарии русских эмигрантов. Этот комитет попытался организовать возвращение русских в Россию через Францию и Англию. Но после того как выяснилось, что Франция и Англия будут чинить препятствия некоторым политическим группировкам среди эмигрантов, особенно большевикам (как известно, Троцкий при своем возвращении из Америки был интернирован в Англии), комитет вступил в телеграфные сношения с Милюковым, чтобы добиться пропуска через Германию, на условиях обмена на соответствующее число германских военнопленных или интернированных в России. Переговоры затянулись. Поэтому в эмигрантских кругах возникла мысль при посредничестве швейцарских социал-демократов связаться с германским посольством в Берне и вступить с ним в переговоры об условиях пропуска русских эмигрантов через Германию. Первым уполномоченным был избран швейцарец Роберт Гримм, тогдашний председатель Циммервальдского бюро. Уже в начале апреля было достигнуто принципиальное соглашение, но Гримм, всегда стоявший на правом фланге циммервальдцев, медлил оформить его, ожидая специального согласия Милюкова.

Однажды я часов в 12 по телефону был вызван в ресторан «Согласие», обычное место встреч иностранных и швейцарских социалистов. В первой комнате я нашел за столом небольшое общество, в том числе Н. К. Крупскую и других русских товарищей. Мне сказали, что меня срочно ждут в маленькой комнате секретариата. Я пошел туда и увидел там Ленина, Радека и Фрица Платтена.

В первый раз я видел Ленина в крайне возбужденном состоянии и очень разгневанным. Он ходил по комнате и стремительно выбрасывал фразы, точно рубил. Ленин кратко информировал меня о состоянии переговоров с русским правительством и переговоров Гримма с германским посольством. Мы единодушно пришли к заключению, что Гримм намеренно тормозит быстрое возвращение в Россию большевистской группы. Был подвергнут обсуждению вопрос, какие существуют еще возможности для того, чтобы быстрее достигнуть благоприятного результата и, стало быть, скорейшего возвращения в Россию. Ленин взвесил все политические последствия, какие могла бы иметь поездка через Германию, и предвидел использование этого факта со стороны фракционных противников. И, тем не менее, он все время повторял: «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!»

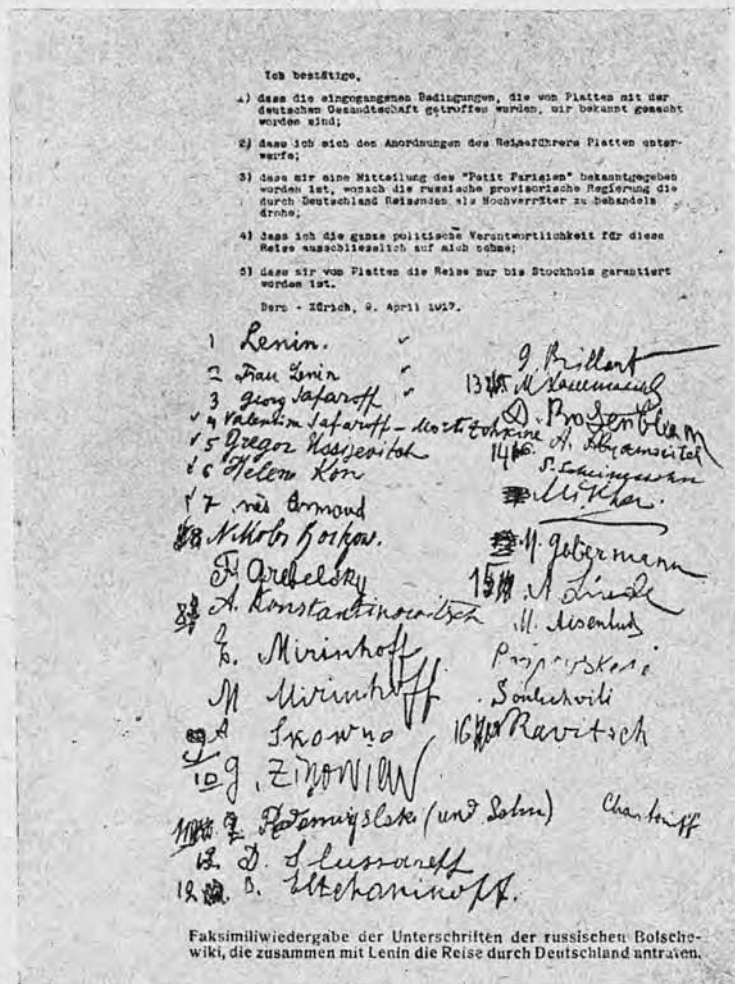
Так как поведение Гримма давало все основания не доверять ему, возник вопрос, кто вместо него мог бы вести переговоры. Предложили мне взять это на себя, но я вынужден был отказаться, так как в качестве немецкого подданного был неподходящим посредником. Тогда мы остановились на Фрице Платтене. Сначала у него возникли сомнения, совместима ли такая миссия с его деятельностью как генерального секретаря швейцарской социал-демократической партии. Он попросил дать ему подумать, в то время как Радек уже набрасывал план необходимой агитации и кампании в прессе. Я попытался получить от него и Ленина еще по статье для «Интернационала Молодежи», которые и были написаны ими перед отъездом.

Подумав немного, Платтен изъявил свою готовность вместо Гримма продолжать переговоры с Ромбургом, тогдашним германским посланником в Берне. Содействие Платтена было с его стороны действительно мужественным поступком, так как он отлично сознавал, что эта поездка серьезно повредит его деятельности. Платтен в тот же день поехал с Лениным в Берн, чтобы оформить там соглашение. Все выставленные политической группой едущих условия были приняты: признать за вагоном право экстерриториальности, не производить никакого контроля паспортов, пассажиры принимаются в вагон независимо от их взглядов по вопросу о войне и мире и т. д.

Теперь, когда появились мемуары генералов Гофмана и Людендорфа, не составляет более тайны то, что германские военные власти ожидали военных и стратегических выгод от усиления социальной борьбы в России и ослабления благодаря этому восточного фронта. Но сам Гофман в своей книге горько сетует на то, что они ошиблись в расчетах: еще быстрее, чем русская армия, разложились германские войска на Украине, а через несколько лет не существовало более германской армии, зато образовалась сплоченная и мощная Красная армия.

Перед самым отъездом Ленин напомнил одну нашу долгую дискуссию, происходившую несколько месяцев назад в кафе «Астория» в Цюрихе. Ленин старался убедить меня в неизбежности скорой революции в России, которая повлечет за собою пролетарскую революцию в мировом масштабе. В то время, под влиянием ареста Либкнехта, его осуждения и абсолютно пассивного отношения к этому большинства, я был в таком пессимистическом настроении, что даже самая обоснованная мотивировка Ленина не могла подействовать на меня. И мы закончили наш спор словами: «Посмотрим, кто окажется прав». Когда мы прощались, он со столь

характерной для него лукавой улыбкой сказал мне: «Кто же был прав в Астории? Я еще не хотел признать себя побежденным и ответил: «Это надо установить теперь».

Декларация возвращающейся в Россию через Германию группы революционеров во главе с В. И. Лениным (апрель 1917 г.)

Когда я в 1920 г., в первый раз после завоевания власти, встретился с ним в московском Кремле он, после долгой беседы со мной о германских и международных делах и обмена личными воспоминаниями, снова спросил меня с

улыбкой, но несколько более злорадно: «Кто же тогда был прав в кафе Астория»? Мне оставалось только смущенным молчанием признать его правоту.

ОТГОЛОСОК РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ

Осенью 1917 г. возбуждение среди швейцарских рабочих значительно возросло. Из всех требований, выставленных рабочими объединениями, профессиональными союзами и демонстрациями против дороговизны, принять решительные меры против спекуляции и к снижению цен на продукты питания, правительство и кантональные власти почти ни одного не удовлетворили. Международный Юношеский день 2 сентября с его почти 130 собраниями и демонстрациями, повлекшими за собою репрессивные меры со стороны полицейской власти, еще больше усилили волнения в швейцарском рабочем классе. В Швейцарии осенью 1917 года широкие рабочие массы были действительно настроены революционно и с все растущим интересом следили за развивающимися в России революционными боями. Брупбахер в своей книге «Цюрих во время войны и всеобщей стачки» приводит фразу швейцарского партийного папы и традиционного реформиста Германа Грейлиха, сказанную им на общем собрании городского района партии 24 июля 1917 г. в Цюрихе: «Ленин испакостил русскую революцию». Это было, конечно, мнением только немногих реформистских партийных лидеров, принятием хорошо оплачиваемых государственных должностей связавших свою жизнь и судьбу с буржуазным Швейцарским союзом. Швейцарская рабочая масса думала и чувствовала иначе. Тому были свидетельством многочисленные и многолюдные собрания, созывавшиеся оппозиционными группами партии и молодежью и посвященные вопросу о русской революции и организации революции в других странах. Братская солидарность тысяч швейцарских рабочих выразилась также в демонстрации на вокзале нескольких сот рабочих при отъезде в Россию русских эмигрантов. Мы, молодежь, все время лихорадочно ждали сведений из России. При прощании первой эмигрантской группы во главе с Лениным Радек сказал мне: «Либо мы будем через три месяца министрами, либо нас повесят».

После первых известий о восторженном приеме, оказанном Ленину многими тысячами питерских рабочих, наступил период кровавого подавления большевистской партии и ее пропаганды правительством Керенского, сопровождавшийся международной кампанией клеветы на Ленина и его

друзей, как купленных Людендорфом германских агентов. Волны этой кампании перекинулись также в Швейцарию, где особенно буржуазные газеты французской части в Женеве и Лозанне изощрялись в сенсационных измышлениях. Мы от души смеялись над преподносившейся в них чепухой, и больше всех я, когда однажды прочитал, что на ряду с Лениным и Радеком я являюсь в Швейцарии главным агентом германского правительства.

События в России развивались в бешеном темпе. Борьба с каждым днем все обострялась, и непередаваемое ликование охватило нас, когда, наконец, 9 ноября цюрихская газета «Народное Право» сообщила о победе русских рабочих и крестьян, под руководством большевистской партии с Лениным во главе, над буржуазным коалиционным правительством и всеми врагами пролетариата. Мы были пьяны от восторга, и у нас было только одно желание — как можно скорее совершить то же самое в других странах или же поехать в Россию и помогать друзьям в обороне пролетарской революции и в строительстве.

Швейцарская социал-демократическая партия реагировала на известия о всемирно-исторических событиях позорно слабо. Открытые собрания и демонстрации вообще не были проведены. Цюрихская партийная организация ограничилась устройством закрытого партийного собрания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что пламенному энтузиазму, охватившему цюрихские рабочие массы при известии о большевистской победе, дан был выход другой — пацифистской группой. В Цюрихе летом и осенью 1917 г., кроме социалистической организации молодежи и кружка «Требования», группировавшегося вокруг Фрица Брупбахера, Итшюера, Тони Вайбль и Якова Герцога, в пропаганде мира принимала также особое активное участие пацифистская группа, руководившаяся неким Роттенем и Деттвилером. Эта группа сама называла себя, в отличие от других пацифистов, активными пацифистами. Они вели усиленную агитацию за мир, и их специальностью была пропаганда среди рабочих заводов по изготовке военного снаряжения. В одном Цюрихе на сентябрь 1917 г. на этих заводах было занято около трех тысяч рабочих и работниц. Основной мыслью пропаганды активных пацифистов было мнение, что если все рабочие военных заводов забастуют, то не будет больше снарядов и, стало быть, солдаты вынуждены будут прекратить взаимное истребление. Как ни наивна была эта идея, она именно своей простотой привлекла сотни рабочих и работниц, постоянно наполнявших пацифистские собрания.

15 ноября состоялся опять один из почти ежедневных митингов группы Деттвилера. Собрание было многолюдным. Воодушевленные известиями о победе пролетарской революции в России, все требовали практической борьбы за мир. По окончании митинга свыше тысячи участников с пением «Интернационала» отправились к фабрикам по выработке снарядов, ворвались туда и заставили прекратить работы. Вызванная полиция вынуждена была убраться не солоно хлебавши. Что касается меня, то я в этот же вечер выступал на собрании Рабочего союза, где в докладе и заключительном слове защищал самостоятельность организации молодежи против одного профсоюзного секретаря из Берна. Наша резолюция была принята подавляющим большинством против двух или трех голосов, и, довольные успехом, мы поздно ночью из «Согласия» на Неймаркте отправились ко мне. Со мною были многие члены организации молодежи, в том числе недавно приехавший из Дрездена Левинсон. На ступеньках перед моим домом сидели победоносные пацифистские генералы. Опьяненные успехом на фабриках снарядов, они, при свете уличного фонаря, писали для «Народного Права» отчет о ходе и результатах организованного ими выступления. Я предоставил в их распоряжение мою комнату, и между нами быстро завязалась оживленная дискуссия. Но тщетно я старался убедить их в нецелесообразности их изолированных от широких масс рабочего класса действий. Достигнутый как раз в тот вечер успех совсем вскружил им голову. Они были твердо уверены в том, что посредством всеобщей стачки рабочих военной промышленности в короткое время удастся из-за недостатка снарядов прекратить войну. Но, разумеется, как только демонстранты ушли с заводов, рабочие в еще более усиленном темпе немедленно приступили к точке гранат. Они решили на следующий день, 16 ноября, повторить демонстрацию и снова попытаться добиться приостановки заводов.

Социал-демократическая партия не выявила своего отношения к этим событиям, равно как она, несмотря на то, что уже прошла неделя после 9 ноября, и не думала еще о том, чтобы на широком открытом собрании дать информацию о русской революции.

Созванное группой Деттвилера 16 ноября, в 8 ч. вечера, собрание на площади Гельвеция было еще более многолюдным, чем 15-го и в протекшие дни. Несколько тысяч человек заполнило площадь. Но едва только Деттвилер начал свою речь, как явился большой полицейский отряд, с бесчеловечной жестокостью напавший на демонстрантов. Деттвилера стащили с трибуны, арестовали и поволокли в участок. Яков

Герцог, попытавшийся вместо него продолжать собрание, был зверски избит полицейскими. Женщин, хотевших защищать арестованных, рубили саблями. Многие демонстранты получили серьезные ранения.

Это гнусное нападение полиции вызвало огромное возмущение среди цюрихских рабочих. Но социал-демократическая партия опять показала свою неспособность. Единственное, что они предприняли после столкновения 16 ноября, это наметили на 19-е демонстрацию протеста. И это в такой момент, когда вести из России все усиливали требования активно поддержать борьбу за мир, а полицейские зверства вызвали страстный гнев цюрихских рабочих масс. Так как на партию нечего было рассчитывать, революционные элементы образовали комитет действия, призвавший цюрихские рабочие массы на демонстрацию протеста 17 ноября против полицейщины. Пробужденное известиями из России и усиленное событиями 15 и 16 ноября движение по собственной вине социал-демократической партии выскользнуло у нее из рук.

17 НОЯБРЯ В ЦЮРИХЕ

Многие тысячи цюрихских рабочих и работниц последовали призыву комитета действий вечером 17 ноября собраться на демонстрацию протеста против полицейского нападения 16 ноября. Площадь Гельвеция была запружена народом. Вожди социал-демократической партии блистали отсутствием. Несколько членов организации молодежи держали речь. Полиция благоразумно воздержалась от повторения своих вчерашних атак и не показывалась. Но в массах еще сильно было возмущение полицейскими зверствами. Раздавались дружные крики пойти к полицейскому участку и освободить арестованных накануне. Руководители митингом предложили пройти демонстрационным шествием по городу к редакции «Новой Цюрихской Газеты», одной из самых злобно настроенных против революционных рабочих швейцарских газет. Вся масса как один человек двинулась вперед.

Шествие проходило мимо здания правления, где помещалась та самая полицейская часть, которая накануне с такой жестокостью действовала против демонстрантов. Возмущение рабочих прорвалось в бурных криках. Когда многие полицейские провокационно показались в окнах, полетели первые камни. Скоро во всем здании не осталось ни одного целого оконного стекла. Полицейские, чтобы защи-

щаться от камней, выставили матрацы и придвинули к окнам шкапы. Руководителям удалось, кроме небольшой группы, оставшейся перед полицейским участком, увести все колонны по Вокзальной улице, к зданию «Новой Цюрихской Газеты».

Здание охранялось нарядом полиции. Когда демонстрация, насчитывавшая свыше тысячи человек, подошла, несколько десятков полицейских стояли с обнаженными саблями. Мы вступили с полицией в переговоры и сговорились на таких условиях: полицейские вкладывают в ножны сабли, а демонстранты бросают на землю камни; полицейские отправляются к себе, — демонстранты потом тоже расходятся по домам. Мы могли принять эти условия, так как достигли цели — устроили демонстрацию по городу и перед редакцией газеты.

Под смех и выкрики массы полиция убралась во-свояси, и демонстранты начали расходиться. Но вдруг прибежала толпа молодых рабочих с сообщением, что на Баденской улице, где помещалось здание уездного управления, стрельба. После ухода большей части демонстрантов полицейские набрались храбрости и с обнаженными саблями накинулись на оставшихся. Дело дошло до рукопашной, раздался выстрел — и разгорелся настоящий уличный бой.

После этого сообщения оставшиеся от главной демонстрации 400—500 человек сформировались в ударные колонны и поспешили обратно на Баденскую улицу. Когда мы прибыли туда, битва была в полном разгаре. Полиция без разбора стреляла в толпу. Рабочие пытались построить баррикаду из досок, балок, камней и повозки. Под градом камней полиция отступила, и улица осталась за демонстрантами. Тогда полицейский полковник вызвал на помощь воинские части. В полночь на поле битвы появились с пулеметами несколько рот пехоты, доведенные потом до двух полков. Баррикады были взяты.

Рабочие и работницы отважно защищались. Молодые работницы и женщины становились перед пулеметами и заявляли, что скорее дадут себя убить, чем уйдут с площади. Площадь Гельвеция до утра оставалась занятой рабочими стрядами. Несколько сот было легко ранено, 28 — тяжело, среди них, как свидетельство того, что рабочие оборонялись, 10 полицейских. Убито было четверо, из них один полицейский.

Известие о цюрихских событиях произвело ошеломляющее впечатление в других швейцарских городах. Ничего подобного никогда не бывало в Швейцарском союзе. Баррикады в Цюрихе! Некоторые газеты сообщали об этом в экс-

тренных выпусках. Цюрих в продолжение нескольких недель был занят войсками. Цюрихские рабочие превратили похороны трех рабочих в мощную и внушительную демонстрацию. Буржуазная пресса неистовствовала и сосредоточила свою ненависть на социалистической организации молодежи и ее руководящем ядре. Многие вожди социалистической организации были арестованы, в том числе Вилли Тростель, Эрнст Мартин и др. Меня арестовали в понедельник. Я стоял у остановки городского трамвая, чтобы поехать на Цюрихскую гору. Вдруг я увидел приближающегося ко мне знакомого сыщика.

— Привет, Мюнценберг!

— Взаимно.

— Как дела?

— Ничего, понемногу.

— Куда направляетесь?

— На Цюрихскую гору, по срочному делу.

— Та-ак. Но, кажется, следователь очень хочет с вами поговорить.

— Я слышал об этом. Когда я вернусь с Цюрихской горы, я зайду к нему.

— А может быть, будет лучше, если мы с вами сейчас же направимся к нему, это ведь недалеко.

Так я был арестован в Цюрихе. Как мило и добродушно, по сравнению с теми арестами, которым я подвергался в Германии, где я однажды был арестован в кафе шестью чинами уголовной полиции, весьма торжественно и церемонно провозгласивших:

— Господин Мюнценберг, вы арестованы!

МОЯ ВЫСЫЛКА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

В понедельник меня арестовали, а в среду, всего лишь через два дня, швейцарское правительство издало приказ о моей высылке. Даже не подождали донесения или сообщения от полиции и судебных органов. Для швейцарского правительства было совершенно безразлично, установит ли полицейское дознание мое прямое или косвенное участие в так называемых беспорядках. Уже несколько лет ждали удобного случая. Настало, наконец, время, чтобы выпроводить за пределы Швейцарии нежелательного иностранца, своей антимилиитаристской пропагандой «пагубно» влиявшего на тысячи молодых швейцарцев. После моего ареста полиция учинила разгром в моей квартире. Были взяты все бумаги и книги и увезены на нескольких ручных тележках.

Я никогда ничего не получил обратно. Погибли очень ценные для меня и интересные письма Ленина, Либкнехта и много других.

В первый раз я находился в предварительном заключении. В первое время тишина и вынужденное безделье приводили меня в состояние какого-то оцепенения. Я привык ежедневно получать десятки писем, поддерживать связь с юношескими организациями всего мира, писать, агитировать, организовывать. Как раз в то время, когда на меня свалился арест, мы подготавливали агитационные недели детских групп и юношеских организаций. В последние годы я не имел ни одного свободного часа для себя и все время находился в водовороте срочной работы. Сразу все это переменялось. Тысячи нитей внезапно оборвались. Я был полон планами, идеями, как использовать теперь сложившуюся обстановку, как теперь организовать, работать, и лишен был возможности хоть что-нибудь сделать. Это больше всего мучило и терзало меня в предварительном заключении. Большую часть времени я проводил в размышлениях над тем, каким путем, несмотря на тюрьму, продолжать организационную созидательную работу.

В остальном нам, в сущности, не на что было жаловаться. Кроме нескольких грубых полицейских высших чинов, как, например, некий Мюллер, самой горячей мечтой которого, как он сам сказал нам, было поскорее увидеть нас казненными, низшие служащие были сравнительно приличны. Некоторые из них даже более или менее сочувствовали социал-демократическому движению и старались по мере сил облегчить нам пребывание в заключении.

В первое время я содержался в арестном помещении при цюрихском полицейском управлении, довольно старом здании с примитивными камерами. Ночью мы могли общаться между собою.

Заключенные вместе с нами пацифисты Роттер и Деттвилер читали нам составленные ими длиннейшие заявления в Союзный совет, в которых они сообщали ему, какую грустную роль это сыграет во всемирной истории, если он немедленно не предпримет шагов в пользу мира.

Однажды ночью забыли запереть мою камеру, и я воспользовался этим для того, чтобы ходить по камерам и делиться новостями.

Как-то утром в тюрьме поднялась большая суматоха. Оказалось, что из третьего или четвертого этажа наш товарищ Бартель ночью бежал. Его невеста в апельсине принесла ему пилочку. Он перепилил решотки и с помощью простыни добрался до первого этажа, а там, возле кара-

ульного, прыгнул на землю. Солдат был так огорошен, что безмолвно смотрел на то, как Бартель преспокойно вышел из тюремного двора.

После этого были усилены строгости, а нас перевели в окружную тюрьму, в новое здание с прочно построенными камерами. Там я пробыл еще несколько месяцев в предвзятительном заключении.

Во время моего заключения меня забрасывали выражениями сочувствия, тысячью открыток от молодежи из всех стран. Наши товарищи организовали грандиозную кампанию сочувствия, устроили сотни собраний и демонстраций, собрали подписи под протестами и т. д. Все организации молодежи прислали телеграммы. Из Стокгольма Центральный комитет молодежи получил следующую телеграмму: «Циммервальдский комитет шлет швейцарским товарищам организации молодежи выражение солидарности в борьбе за освобождение испытанного вождя молодежи Мюнценберга. Лево-шведская партия и союз молодежи присоединяются. Желаем успеха». Среди многочисленных телеграмм одна была также от правительства Советского Союза, который дипломатическим путем выразил протест перед швейцарским правительством. Наконец в марте меня выпустили под залог, охотно внесенный моим другом Густавом Нюсли из Преффикона.

Я использовал вновь приобретенную свободу для того, чтобы восстановить старые связи, снова вести корреспонденцию Международного бюро молодежи, редактировал майскую газету «Хлеб, Мир, Свобода», вышедшую в апреле 1918 г. вместо запрещенного «Интернационала Молодежи», и написал первую на немецком языке брошюру о большевиках после их победы в России. В основу этой брошюры были положены сообщения делегата русского правительства тов. Гольцмана, который один из первых после завоевания большевиками власти прибыл в Швейцарию. Брошюра появилась 18 мая в Цюрихе в количестве трех или пяти тысяч экземпляров, а после крушения германской монархии, осенью 1918 г., была переиздана коммунистической партией в Штутгарте и Эссене.

Но мне не привелось слишком долго наслаждаться свободой. Буржуазная пресса продолжала свою травлю против организации молодежи и меня и требовала либо немедленно выслать меня, согласно постановлению правительства, либо интернировать в тюрьме. Но высылка моя из Швейцарии затруднялась тем, что я принадлежал к категории дезертиров и меня нельзя было отправить ни в Германию, во избежание протеста Антанты, ни в страны Антанты. Кроме

того, цюрихская прокуратура вела против меня следствие по обвинению в мятеже, так что о высылке до окончания следствия не могло быть и речи.

В ВИЦВИЛЬСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

В продолжение нескольких недель власти оставляли меня на свободе. Но когда реакционная печать еще усилила свой вой, меня снова арестовали и отправили для интернирования в Вицвильскую каторжную тюрьму в Бернском кантоне. Мое вступление в тюрьму носило несколько сенсационный характер. В Цюрихе на вокзале мои друзья засыпали меня цветами. На мне был надет черный бархатный пиджак, и я тащил с собою огромный чемодан с книгами. Я предполагал, что меня, подобно Анри Гильбо, интернированном в то время в одном местечке центральной Швейцарии, интернируют в пределах какого-нибудь дома или деревни. Мое появление с цветами и чемоданом книг, которое любезно нес сопровождавший меня полицейский, возбудило крайнее изумление тюремной администрации и надзирателей в Вицвиле. Они засадили меня на шесть часов в темную камеру, должно быть, для того, чтобы подготовиться к ожидавшему меня. Потом мне обрили мои чудные кудри и надели на меня полосатый арестантский костюм. Все мои протесты и указания на то, что я не являюсь ни убийцей ни осужденным тяжким преступником, а только интернированным, не могли помешать этой процедуре. Жалоба, направленная мною и моими друзьями к Союзному совету, также не имела успеха. *

Вицвильская каторжная тюрьма, одна из крупнейших учреждений этого рода в Швейцарии, была известна тем, что, вместо работы внутри тюрьмы, заключенные должны были отправляться на полевые работы. Во время моего пребывания там содержалось человек 250—280 заключенных. Питание, по сравнению с тем, что я потом испытал в германских тюрьмах, было, может быть, не так уж плохо, но за это требовалась совершенно непосильная работа. В 4½ часа утра полагалось вставать, в 4 часа 45 минут раздавался кофе, а в 5 часов все уже должны были стоять в длинном коридоре, готовые к отправке. Тяжелая работа на поле под палящими лучами солнца продолжалась до 7—9 часов вечера, а при срочных работах — еще позже. Хорошо вышколенные стражники с полицейскими собаками препятствовали всякой попытке побега или, по крайней мере, затрудняли ее.

Я долго протестовал, пока не добился, наконец, того, что меня освободили от самых тяжелых работ и назначили на более легкую огородно-садовую работу. Сначала я попал в отделение по просушке овощей и усердно занимался тем, что сушил и заготавливал на зиму множество центнеров шпината, брюквы и других овощей.

Тюрьму часто посещали разные комиссии, которым меня всегда показывали как какое-то чудище. Против этого я энергически протестовал и добился этим того, что меня определили на еще более удобную для меня работу, заключающуюся в продолжение полутора месяца в том, что в ближнем лесу, окруженном водой, надо было срезать бузиновый цвет и собирать другие растения.

У меня происходили часто долгие дискуссии с директором тюрьмы и его сыновьями об их так называемых «реформах», сводившихся исключительно к введению полевых работ.

Через несколько месяцев в Вицвиль был доставлен товарищ из Берна, отказавшийся от военной службы. По моей просьбе его поместили в камере рядом со мною, и мы могли ночью часами разговаривать через решетку.

В ЦЮРИХЕ, НО В ТЮРЬМЕ *

Однажды утром меня разбудили в 4 часа утра. Мне объявили, что меня немедленно отправляют обратно в Цюрих и чтобы я сложил свои вещи. Появился добродушный сельский жандарм в штатском, который должен был сопровождать меня на вокзал, а оттуда через Берн в Цюрих. Мы быстро подружились, и я обещал ему, так как он еще никогда не был в Цюрихе, показать ему дорогу к тюрьме. В Цюрихе мы сперва плотно позавтракали, а потом я объяснил ему, как хочется повидать свою милую после нескольких месяцев отсидки. Он обещал подождать меня. Когда я несколько часов спустя вернулся, он благодушно сидел за своей десятой кружкой пива. При таком его настроении для меня не составило особенного труда убедить его в том, что мне необходимо обсудить несколько важных вопросов в секретариате молодежи. Оставив ему достаточно денег, чтобы он не умер от «жажды», я отправился в наш секретариат молодежи. В 6 часов вечера я пришел за ним и честно доставил его и себя в прокуратуру.

Цюрихская прокуратура вытребовала меня обратно для того, чтобы довести до конца судебное преследование, возбужденное ею против меня и ряда товарищей. Меня препро-

водили в окружную тюрьму Майлен. Там мне отвели так называемую «господскую комнату», довольно просторную камеру, в которой перебивали многие политические, в том числе мой друг Фриц Платтен. В тюрьме находилось 18 заключенных, среди них 6—8 женщин. Среди мужчин было несколько осужденных за шпионаж и несколько швейцарских почтовых чиновников, продававших иностранным посольствам копии телеграмм. Начальник тюрьмы незадолго перед тем умер, и его вдова продолжала вести дело покойного благоверного. Я отвоевал себе ряд послаблений: чтобы моя камера днем не запиралась, чтобы я мог принимать проходящих ко мне в «господской комнате» и т. д. Это дало повод буржуазным и право-социал-демократическим газетам сплести фантастическую легенду о моей привольной жизни в тюрьме.

Я не скучал. Либо группы молодежи из Цюриха пели под моими окнами, либо реакционные мещане и крестьяне до хрипоты требовали расправы со мной. Я начал переписку с друзьями во всем мире и готовил материал к моей книге «Юношеское движение до и во время войны». Несколько раз в неделю меня посещали друзья и товарищи.

Я с величайшим интересом следил за развитием событий в Германии и воюющих странах и был убежден, что так или иначе моему заключению скоро придет конец.

Осенью 1918 г. события начали разворачиваться с головокружительной быстротой. Германия предложила заключить мир, потом, одно за другим, предложения перемирия и первые скудные известия о растущем движении в Германии, стачках и демонстрациях. Мы нелегальным путем получали дополнения к официальным телеграммам. Потом получились сообщения о восстании в Киле.

В Швейцарии политическая жизнь становилась бурной. Германофильски настроенный и ультрареакционный главнокомандующий швейцарской армией вместе с офицерской камарильей взял в работу Союзный совет и добился военных мер против особенно ненавистного ему революционного Цюриха. В своих опубликованных позже мемуарах он писал, что ставил себе задачей «организовать контрреволюции, чтобы предупредить революции».

6 ноября в Цюрих было введено несколько полков. Смехотворно при этом было то, что вступление войск, исключительно предназначенных для борьбы против рабочих, мотивировалось необходимостью «помочь полиции в борьбе со спекулянтами».

На следующий день последовала высылка из Швейцарии советского посольства. Удаление советского посольства

произошло самым провокационным образом. Некоторые члены посольства подверглись грубейшим оскорблениям и ругательствам со стороны военных, с довольной улыбкой смотревших на то, как взбешенные крестьяне бросали камни.

Ввиде протеста против всего этого рабочие решили провести 9 ноября однодневную всеобщую стачку с требованиями:

- «Удаление из города войск».
- «Восстановление свободы собраний».
- «Отмена репрессий».
- «Освобождение политических заключенных».
- «Признание советского посольства».

Вместе с тем Рабочий союз оказал давление на ольтенский комитет действия социал-демократической партии и объединение профессиональных союзов. Комитет действия обратился к Союзному совету со следующими требованиями:

- «Отозвание из Цюриха войск».
- «Освобождение Мюнценберга».

«Разрешение собрания в Цюрихе 10 ноября для отпразднования годовщины победы пролетарской революции».

ОТПРАВКА В ГЕРМАНИЮ

Швейцарский Союзный совет отклонил все требования кроме освобождения Мюнценберга. Последнее требование он удовлетворил. Теперь это было ему не трудно. В Германии монархия рухнула, война почти что кончилась, и он мог, не опасаясь протеста Антанты, переправить меня через границу. Расследование было закончено, и результат его был другой, чем власти ожидали и хотели. После длинной, подробной мотивировки прокурор дал такое заключение:

„Учитывая возбуждение общественного мнения, которое будет вызвано таким, продолжающимся несколько недель процессом, учитывая, что судебное заседание будет использовано обвиняемыми и защитой для публичного провозглашения революционных идей, что наказание украсит их дешевым и приятным мученическим венком, а также те бурные сцены и беспорядки, которые, несомненно, разыграются как в самом зале судебных заседаний, так и вне его, я полагаю, что следует отказаться от возбуждения судебного преследования“.

Прокурор Цюрихского кантона присоединился к этому заключению и прекратил дело.

Остальные требования, а также выставленные два дня спустя, Швейцарский Союзный совет отклонил. В ответ на это ольтенский комитет действия назначил на 11 и 12 ноя-

бря всеобщую стачку. Это была первая общешвейцарская стачка. Она продолжалась 12, 13 и 14 ноября, и в ней участвовало 400 000 рабочих. Она была полностью проведена. Многие неорганизованные рабочие также с энтузиазмом приняли в ней участие. Но через три дня реформистские вожди в комитете действия безоговорочно капитулировали.

9 ноября я телеграфировал Союзному совету, что готов подчиниться приказу о высылке и просил только разрешить мне трехдневное свободное проживание в Швейцарии для урегулирования своих дел. В этом было отказано. На следующий день появился автомобиль с двумя агентами уголовной полиции, доставившими меня из Майлена в Пфэффикон. Начальник тюрьмы должен был дать клятвенное обещание никому не говорить, что я нахожусь под его гостеприимным кровом. Но это не помешало тому, чтобы местная молодежь приветствовала меня пением «Интернационала».

После обеда прибыл автомобиль с двумя офицерами, имевшими приказ доставить меня через швейцарско-германскую границу, так как железнодорожное движение было остановлено благодаря стачке. Мы поехали через Винтертур и Шафгаузен, откуда выехали только в 11 ч. вечера. Около 12 ч. ночи, вблизи Зингена офицеры высадили меня и довели до самой пограничной линии. В темноте я пустился в путь, держа направление к огням Зингена, вдруг упал в канаву, выбрался оттуда, но был остановлен окриком прицелившегося в меня германского солдата: «Кто идет?» Но так как я не знал пароля, он рявкнул: «Стойте смирно, вы арестованы!»

Я снова был в Германии!

СЕКРЕТАРИАТ МОЛОДЕЖИ В ШТУТГАРТСКОМ КОРОЛЕВСКОМ ЛАНДТАГЕ

Мы оба зашагали к ближайшему посту, где меня добросовестный швабский ополченец сдал как своего арестанта.

Меня поразило, что германский милитаризм еще в полном цвету, так как по слухам я предполагал, что в Германии произошла радикальная революция.

Дежурный фельдфебель встретил меня окриком, и я рассказал ему романтическую историю, выдав себя за контрабандиста.

Только ночью из разговоров с солдатами я узнал, что в Вюртемберге образовано социалистическое правительство и организованы советы рабочих и солдатских депутатов.

Тогда я назвал себя, и солдаты с интересом слушали мои рассказы и пропагандистские речи. Но это не помешало фельдфебелю считать меня и впредь арестованным, ибо, сказал он, «все должно идти своим порядком».

«Свой порядок» заключался в том, что на следующее утро я в сопровождении солдата был доставлен в распоряжение зингенского уездного коменданта, намеревавшегося снова упрятать меня в тюрьму. Я энергически запротестовал и заявил, что имею срочные сообщения для вюртембергского и германского правительств. Но на офицера это не произвело никакого впечатления. Они еще чувствовали себя господами положения. Как я потом узнал, все переходившие границу бунтовщики и дезертиры, несмотря на объявленную правительством амнистию, задерживались на границе и содержались в тюрьме в продолжение многих недель и даже месяцев. Только после того, как я возложил на него всю ответственность за последствия моего задержания, он, находя этот случай слишком сложным, решил передать дело на разрешение вокзальной комендатуры.

Я снова зашагал среди двух солдат по улице Зингена на вокзал. Отсутствие всяких признаков революции глубоко опечалило и разочаровало меня. Я представлял себе все здания увешанными красными флагами, а улицы переполненными радостной и веселой толпой. Ничего этого не было!

Офицеры вокзального комендантского управления также заявили себя неправомочными. Один пожилой офицер заметил, что ему, никогда не занимавшемуся политикой, очень трудно ориентироваться в такое время. Младшему офицеру пришлось в голову привлечь таинственного «большого человека», который, наверное, сможет дать совет. «Большой» появился и, как только он услышал мою фамилию, невероятно бурно приветствовал меня. Оказалось, что он был военным атташе германского посольства в Берне и, конечно, знал меня по газетам. Он немедленно вмешался, настоял на отмене ареста и вызвал, по моему желанию, машинистку, которой я продиктовал две длинные телеграммы в берлинскую «Роте Фане» и «Вюртембергский Правительственный Вестник» в Штутгарте, которым руководил радикальный Артур Криспин в качестве представителя вюртембергского правительства.

По распоряжению того же военного атташе мне отвели отдельное купе в курьерском поезде. Миляга старался всячески угодить мне. Он не оставил меня до тех пор, пока я не уселся удобно в отдельном купе первого класса, и осведомился еще, доволен ли я им и не имею ли еще каких-ни-

будь желаний. На это я мог со спокойной совестью ответить отрицательно. Тогда этот быстро приспособляющийся господин попросил меня, со своей стороны, оказать ему услугу и рекомендовать его в социал-демократическую партию. Я молча взял его адрес, но, как только поезд отошел, разорвал на мелкие клочки и выбросил за окно. Но я ничуть не сомневаюсь в том, что он все-таки вступил в социал-демократическую партию и вместе с себе подобными помогает Герману Мюллеру и Зеверингу править Германской республикой.

В Штутгарте на вокзале меня ожидали друзья по юношескому движению: Эдвин Гернле, Макс Бартель и др. И в автомобиле вместе с кильскими матросами, формы которых живописно украшены были красными бантами, мы поехали в ландтаг. Там заседал совет солдатских депутатов. То, что я там увидел и услышал, еще больше усилило мое разочарование. Это был сплошной вопль о спокойствии, порядке, дисциплине и казарме.

В Штутгарте, под влиянием Клары Цеткин, Тальгеймера, Вестмайера, Вальхера и молодежи, в старой социал-демократической партии образовалась сильная оппозиция, почти целиком перешедшая к независимой социалистической партии. Внутри этой организации возникло сплоченное ядро спартаковцев, из которых, кроме названных выше, надо еще отметить Фрица Рюка.

Социал-демократы предложили независимцам образовать правительство на паритетных началах. Предложение это было принято. Среди членов правительства было также два спартаковца: Август Тальгеймер (министр финансов) и Альберт Шрайнер (военный министр). Тальгеймер пробыл в правительстве только один день, а Шрайнер был еще военным министром, когда я приехал в Штутгарт.

Десятки тысяч рабочих военных и вагоностроительных заводов в Штутгарте и в окрестностях Штутгарта были настроены весьма революционно. Я с пламенным воодушевлением погрузился в работу. Каждый день я несколько раз выступал с речами на больших демонстрациях, митингах и собраниях на предприятиях. На второй день моего пребывания в Штутгарте я на большом собрании молодежи сделал доклад о программе Интернационала молодежи и деятельно участвовал в реорганизации штутгартского и вюртембергского пролетарского юношеского движения.

В здании бывшего королевского ландтага, еще украшенного королевскими эмблемами, совет солдатских депутатов предоставил одну комнату международному секретариату молодежи. Мы устроились как «Международное бюро мо-

лодежи» и начали телеграфные переговоры по вопросу о созыве в Штутгарте международной юношеской конференции. С Копенгагеном, Стокгольмом, Осло, Амстердамом и Цюрихом мы быстро установили связь и в согласии с комитетами союзов молодежи в этих городах мы назначили международную конференцию молодежи на середину декабря в Берлине. Я намеревался возобновить запрещенный в Швейцарии «Интернационал Молодежи» и приступил к подготовке первого номера.

Штутгартская и вюртембергская молодежь, собравшаяся вскоре на конференцию, стояла на крайнем левом фланге, безоговорочно согласилась с бернскими постановлениями и в рабочем движении поддерживала группу «Спартак».

В то время как клика социал-демократических лидеров с каждым днем правела, независимцы все более склонялись к программе спартаковцев. На общем собрании членов штутгартской организации независимцев, после доклада Артура Криспина и моего содоклада, большинством голосов была принята программа спартаковцев.

В Штутгарте я близко познакомился с Кларой Цеткин, много содействовавшей тому, чтобы в короткое время наладить работу международного бюро молодежи и организовать пролетарское юношеское движение.

СНОВА В БЕРЛИНЕ

Проработав несколько недель в Штутгарте, я в начале декабря вместе с другими делегатами поехал в Берлин на первый съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Мы поехали на автомобиле от Штутгарта до Мюнхена, а оттуда в битком набитом поезде в Берлин. С нами ехали четыре итальянских эмигранта, незадолго перед тем высланные из Швейцарии, среди них известный итальянский партийный работник Франческо Мизиано. Все четверо через несколько недель в Берлине, когда белогвардейцы атаковали здание «Форвертса», были захвачены и надолго посажены в Тегельскую тюрьму (Мизиано просидел девять месяцев).

В Берлине мы посетили комитет союза «Спартак», где я в первый и последний раз встретился с Леоном Иогихесом (Тышко) и долго беседовал с ним по партийным вопросам и о работе среди молодежи. Там же я встретил Розу Люксембург и Карла Либкнехта. В эти несколько дней моего пребывания в Берлине я часто виделся с Либкнехтом. Мы встретились с ним на Аллее Победы за полчаса до то-

го, как образовалось шествие, чтобы устроить перед зданием ландтага во время заседания советов рабочих и солдатских депутатов демонстрацию за программу союза спартаковцев. Не раз я беседовал также с Либкнехтом на других демонстрациях и собраниях; так, например, если память не изменяет мне, на грандиозном собрании в Нейкельне, где господствовало бодрое боевое настроение.

К сожалению, настоящая цель поездки — международная юношеская конференция — не могла быть полностью осуществлена. Вследствие затрудненных в то время переездов из одной страны в другую только очень немногие члены секретариата молодежи и делегаты на конференцию могли добраться до Берлина. На международной конференции молодежи приняли участие только одни представители Швейцарии, представители германской организации молодежи, Мизиано, Италия и несколько русских товарищей. Был принят ряд решений: перенести секретариат из Цюриха в Штутгарт, уполномочить меня и впредь руководить им, возобновить издание «Интернационала Молодежи» и созвать новую конференцию в Швейцарии или Австрии.

Приблизительно 15 декабря я, с согласия комитета спартаковцев и по его поручению, возвратился из Берлина в Штутгарт, чтобы работать там в партийном и юношеском движении, исполнить ряд поручений и через несколько дней вернуться ко времени открытия съезда союза «Спартак». К сожалению, всего этого не удалось осуществить. На обратном пути, продолжавшемся два дня, я простудился в нетопленном вагоне и несколько дней пролежал в Штутгарте с воспалением легких. Только 9 января я мог в первый раз выйти на улицу — и сейчас же был вовлечен в одно из самых мощных выступлений штутгартского пролетариата.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ В ШТУТГАРТЕ

На большой Дворцовой площади собрались 15 000 рабочих, которые в сопровождении вооруженных рабочих направились к зданиям министерства, чтобы напомнить социал-демократическим министрам их обещания. Вместе с Кларой Цеткин, Эдвином Гернле и Рихардом Янусом я был главным оратором и выступал на Дворцовой площади перед правительственными зданиями. Когда головка демонстрации подошла к помещению председателя совета министров Вильгельма Блоса, мы нашли его пустым. Правительство предпочло исчезнуть. Весть о бегстве правительства была встречена насмешливыми криками. Тем временем на-

ступил полдень, и масса демонстрантов направилась к ратуше. От имени демонстрантов несколько делегатов отправились к городскому голове и изложили ему ряд требований. В то время как мы наверху вели переговоры, демонстранты бурно требовали, чтобы мы сбросили вниз городского голову. Но он обещал отнестись с максимальным вниманием ко всем выставленным требованиям. Я сообщил этот результат демонстрантам, встретившим его бурным одобрением.

После обеда назначено было заседание совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы принять решение о дальнейших мерах. Демонстранты остались на улице, заняли все проходы к месту заседания и все более решительно настаивали на удовлетворении их требований. Артур Криспин совершенно перепугался и чуть ли не каждые пять минут приставал ко мне с просьбой сказать речь для успокоения рабочих. Наверное, он опасался за свои изящно завитые кудри.

Тем временем нам сообщили, что бывший военный министр, спартаковец Альберт Шрайнер взят в плен сочувствующим правительству полком, и ему угрожает расстрел. Мы послали делегацию. Не знаю, благодаря ли делегации или собственной ловкости, но ему удалось освободиться.

Заседание затягивалось до бесконечности. Вдруг пришло известие, что отряд вооруженных рабочих занял здание буржуазной газеты «Штутгартер Тагеблат» и нужны товарищи для того, чтобы приступить там к выпуску революционного рабочего органа и написать статьи. Вместе с двумя или тремя другими мне было поручено немедленно отправиться туда.

По дороге мы спорили о содержании газеты и ее названии. Название «Роте Фане» (Красное Знамя) казалось нам уже избитым и недостаточно характерным для революционной обстановки. Мы искали чего-нибудь более яркого и сильного и решили назвать газету «Красный Поток». Придя в здание «Штутгартер Тагеблат», мы представились издателю, который указал нам помещение редакции.

Я приступил к своей деятельности в качестве редактора «Красного Потока», велел сперва набрать название, а сам начал писать передовую статью о событиях дня. Но не прошло и пяти минут, как вооруженная рабочая охрана здания (в сорок человек) крикнула: «Погасить свет, приготовиться к обороне». Перед зданием появилось несколько сот реакционеров, унтер-офицеров и офицеров, с пулеметами; они изрыгали ругательства по адресу спартаковцев и намеревались атаковать здание. Но скоро они убрались. Мы опять

включили свет и в течение нескольких минут могли продолжать работу. Потом пришла демонстрация рабочих, кричавших «ура» спартаковцам, которую сменила новая толпа реакционных солдат и офицеров, по своей инициативе явившихся очистить здание «Тагеблата» от красных. Гернле, Бартелю и мне были поручены переговоры с ними. Мы сошли вниз и столкнулись в воротах с тремя офицерами, которых охраняли человек тридцать солдат с ружьями наперевес. Это заставило наших рабочих тоже выстроиться за нами в боевом порядке. После обмена соответствующими церемониями начались переговоры. Они длились уже минут десять-пятнадцать, когда из дома вышел рабочий и крикнул: «Чего вы тут канителитесь с ними, солдаты на улице давно уже разошлись, пристрелите их — и делу конец!» Услышав это, уполномоченные реакционной банды поспешно пустились наутек. Мы вернулись в редакцию в надежде, наконец, окончить статьи. Но вскоре появились правительственные войска и окружили здание.

Правительство, утром покинувшее министерство, было подобрано неким лейтенантом запаса Гальмом и устроено в башне нового здания вокзала. Оно назначило «находчика» своего рода маленьким диктатором, которому удалось собрать несколько полков, организовать достаточную охрану вокзала и еще тысячу человек послать к занятому нами зданию «Штутгартер Тагеблат». В первом часу ночи все проходы к зданию были оцеплены, пулеметы поставлены на улице и в соседних домах, и началась настоящая осада. Мы устроили военный совет и решили ни в коем случае не капитулировать. Газета была редакционно уже готова, набрана, и можно было приступить к печатанию. Напряженная работа в течение дня вызвала такой рецидив моей болезни, что я, буквально, валился с ног от бившей меня лихорадки. Эдвин Гернле, его жена и товарищ Калленбергер решили отправить меня домой. Как только мы вышли на улицу, нас окружила кучка офицеров. Один молокосос с жестоким и искаженным бешенством лицом бросился ко мне и закричал как сумасшедший: «Это он!» Но вдруг между мной и им просунулась массивная фигура подпрапорщика и рывнула: «Вы арестованы, следуйте за мной!» — и он выволок меня из круга. Он вывел меня и побежавшего за мной Калленбергера за цепь — и отпустил.

Через час после того, как мы ушли из здания, правительственные отряды начали «наступление», обещав, правда, предварительно нашему «гарнизону» пропустить его, но без оружия. Разумеется, сорок рабочих не могли долго продержаться против тысячи солдат и попытались, покидая зда-

ние, спасти хотя бы «Красный Поток». К сожалению, удалось вынести очень немного экземпляров.

На следующий день правительство снова было хозяином положения и решило энергично действовать против нас. Но мы чувствовали себя настолько прочно, что и не думали о возможных репрессиях. Наши заседания и конференции мы проводили открыто и были твердо убеждены в том, что никто не осмелится арестовать нас среди 20 000 штутгартских революционных рабочих.

НАС АРЕСТОВАЛИ

Мы жестоко ошибались. Через два дня после этого события в 5 час. утра бурно забарабанили в нашу дверь, и грубые голоса требовали открыть ее. Я жил вместе с Максом Бартелем. Мы открыли, и к нам вошли несколько офицеров с револьверами в руках и именем правительства Вильгельма Блоса торжественно объявили нас арестованными. Мы начали одеваться, а они приступили к обыску и обнаружили много винтовок и револьверов. На удивленное замечание одного из офицеров:

— Да ведь это настоящий склад оружия!

Бартель ответил:

— Разве вы не знаете наше требование — вооружение пролетариата?

Нас увели. Мы оба были убеждены, что за ближайшим углом нас расстреляют. Приблизительно через четверть часа мы прибыли в башню нового вокзала, где сошедший с ума солдат хотел «пропустить» через нас «пулю». Другие солдаты выбили из его рук револьвер. Мы пожелали говорить с правительством, но нам было отказано в этом. Макс Бартель, Альберт Шрайнер, прибавившийся еще, и я были посажены в автомобиль, где уселись какие-то четыре офицера, вооруженные ручными гранатами и револьверами. Револьверы приложили нам к груди. Самым человеколюбивым образом они объявили нам, что при малейшем движении или попытке рабочих нас освободить курок будет спущен.

После долгих странствований мы прибыли в Ульмскую крепость, где нас заперли в одном из казематов. В другой машине привезли также арестованных Эдвина Гернле, Фрица Рюка и Рихарда Януса. Перед каждой дверью был поставлен пост.

Часа через два вдруг раздался возглас через глазок: «Вилли, разве не узнаешь меня?» Так как я через маленькое отверстие видел только зрачок, то узнать его никак не мог.

Тогда он добавил: «Я ведь Антон из организации рабочих юношей в Сен-Галлене». Он быстро раздобыл мне ручку, чернил и бумагу, и на следующий день, вопреки желанию правительства оставить это в тайне, в штутгартском «Социал-демократе», органе НСП, появилась подробная статья о нашем аресте и таинственной поездке.

Стены казематов были толсты, пища плоха и недостаточна. Я тяжело страдал после перенесенной болезни.

Недели через две или три после нашего заключения тишину прорезал раздирающий крик, и кто-то, мне кажется, это был Фриц Рюк, с безумной болью простонал:

— Карл Либкнехт убит!

Мы не могли поверить этому. Однако на следующий день подтвердилась не только смерть Либкнехта, но и Розы Люксембург, и получилось сообщение о полном поражении в Берлине. Эти известия ошеломили нас, точно обухом по голове ударило, и мы долгое время ходили совершенно подавленные.

В Ульмской крепости мы пробыли около двух месяцев. Правительство велело своему прокурору возбудить против нас судебное преследование по обвинению в государственной измене и в нарушении целого ряда других параграфов. Потом каким-то образом пронюхали, что значительная часть ульмского гарнизона сочувствует нам и подготавливает наше освобождение. Снова нас среди ночи погрузили на автомобиль и отвезли в Ротенбургскую тюрьму. На этот раз, кроме офицеров, нас сопровождали «матросы», известные нам как полицейские шпики худшего сорта. Как мы потом узнали, было решено в пути под каким-нибудь предлогом, с помощью ручных гранат, покончить с нами. Случайно этот план не удалось осуществить. Мы невредимыми прибыли в Ротенбург. После длительной упорной борьбы нам удалось добиться полагающихся для политических заключенных льгот, которых нас уже больше не лишали. Настроение в стране поднялось. Все время происходили массовые стачки, и директор тюрьмы, учитывая то, что мы, может быть, в один прекрасный день возьмем власть, обращался с нами как со своим возможным будущим начальством. Нам разрешили вместе гулять, отвели комнату, в которой мы весь день могли проводить вместе, и, относительно, предоставляли нам свободу действий.

Во время трехмесячного заключения в Ротенбурге я закончил большую работу «Социалистические организации молодежи до и после войны», написал актуальную для того времени брошюру «Долой союз «Спартак», появившуюся в трехцветной «национальной» обложке и быстро разошед-

шуюся в количестве многих сотен тысяч экземпляров, а также полемическую брошюру против Карла Каутского «От мятежа к революции». Эдвин Гернле и Макс Бартель соперничали между собой в писании стихов, и вся наша группа, по мере возможности, старалась разумно использовать вынужденный «отдых». Мы редактировали сообща «Интернационал Молодежи» и вели оживленную переписку с центральными комитетами пролетарских юношеских организаций всего мира. Неоднократно нас возили на допрос в Штутгарт и обратно. Это совершалось весьма торжественно и неизменно в сопровождении агентов уголовной полиции. У нас отбирались перочинные ножи, ножницы, помочи и т. д. Эта была настоящая потеха. Наконец наступил день суда.

К тому времени политическая обстановка резко переменялась. Мюнхенская советская республика была разбита, революционные рабочие и солдатские советы распущены, Карл Либкнехт и Роза Люксембург убиты. Открылось Веймарское национальное собрание. Буржуазная республика приступила к своему устройству.

Мы предстали перед двенадцатью присяжными, ремесленниками, мелкими буржуа и крестьянами. Восемь дней судебного заседания превратились для нас в сплошной триумф. Мы основательно всыпали прокуратуре и правительству и беспощадно разоблачали его. Ежедневно места, отведенные для публики, были переполнены. Присяжные единогласно вынесли нам оправдательный вердикт, и старшина высказал от имени всех присяжных сожаление о том, что они не имели возможности присудить нам возмещение. У выхода из здания суда нас приветствовали сотни рабочих, одна фабрика прислала огромный горшок с картофельным салатом и мясом, а многие девушки и женщины принесли цветы¹.

СНОВА НА СВОБОДЕ

Процесс возбудил общее внимание, и значительно способствовал успеху союза «Спартак», ныне коммунистической партии Германии. Как и другие обвинявшиеся, я во многих вюртембергских городах, в том числе в Равенсбурге, Фридрихсгафене, Швенингене и Ульме, читал доклады, повлекшие за собою основание секций коммунистической партии.

Коммунистическая партия Вюртемберга избрала меня своим председателем.

¹ См. „Процесс спартаковцев“, Штутгарт, 1919.

Немедленно после моего освобождения я приступил к укреплению восстановленных еще в тюрьме связей с организациями молодежи в других странах, и мы назначили на июль международную конференцию в Вене. Эта конференция была уже многолюднее декабрьской конференции 1918 г. в Берлине. В ней, в числе многих других, участвовали представители балканских организаций молодежи и Альфред Курелла, один из первых молодых немецких товарищей, поехавший в Советскую Россию, откуда с поручениями и мандатом коммунистической организации молодежи возвратился затем на Запад. Далее, в этой конференции участвовали: Рихард Шиллер, представлявший новообразовавшуюся австрийскую коммунистическую организацию молодежи, Губерман — от Польши и в качестве первого представителя на международной юношеской конференции молодежи от Советской России — Лазарь Шацкин. Последний, после полного приключений путешествия через многие военные фронты, благополучно прибыл в Вену.

Конференция в первый раз после окончания войны осведомила об общих условиях в пролетарском юношеском движении и о быстром совершающемся сдвиге влево, в направлении к коммунизму, многих организаций молодежи, высказавшихся за Берн. Но главным положительным результатом Венской конференции было единогласно принятое решение осенью 1919 г. созвать в Берлине большой всеобщий съезд социалистических организаций молодежи и выработать для этого конгресса руководящие линии и программу.

Как и почти все другие участники Венской конференции, я перебрался через границу без документов. Здесь так же, как и в Штутгарте, мы чувствовали себя в «социалистическом государстве». Наши австрийские друзья объявили огромными буквами, что мы выступим докладчиками на открытых собраниях молодежи. Последствием этого было то, что на другое утро все участники конференции были арестованы в гостиницах. Тщетно ссылались мы на приглашение различных социал-демократов — правительственных чиновников. Продержав один день в полицейском участке, нас вечером отправили в тюрьму при главном полицейском управлении, где мы несколько дней пробыли в заключении. Потом нас на вечные времена выслали из Австрии.

Мы возвратились в Германию и усилили работу в бюро, чтобы организовать делегации на осенний конгресс в Берлине. Но благодаря растянувшейся на несколько месяцев дискуссии перед гейдельбергским съездом коммунистической партии, я вынужден был прервать работу по подго-

товке конгресса молодежи. В гейдельбергском съезде партии я принял активное участие. В Штутгарте происходила ожесточенная борьба с сильной группой, которая на окружной конференции выдвинула против меня в бой Клару Цеткин, Пауля Леви, Зюскинда, потом редактора «Роте Фане», Якова Вальхера, Альберта Шрайнера, Рихарда Януса, Фрица Рюка и др.

Главные разногласия заключались в оценке тогдашнего положения, позиции по вопросу о парламентаризме и отношении к коммунистической рабочей партии (КРП).

В Гейдельберге я, в качестве делегата вюртембергской партии, вместе с Георгом Шуманом и другими выступал против Лауфенберга и Вольфгейма, но столь же резко и против уже тогда сказавшегося оппортунизма Пауля Леви. Как известно, в результате гейдельбергского партийного съезда откололась группа Лауфенберга и Вольфгейма. Но этот же съезд повлек за собою потерю важных партийных округов, как Берлин, и значительных рабочих масс. После ухода группы Лауфенберга и Вольфгейма заседания съезда продолжались в одном местечке под Некаргмюндом. Выступая с содокладом против Пауля Фрейлиха, я защищал антипарламентаристскую позицию нашей группы. Атакованная нами группа Брандлера и Тальгеймера отомстила тем, что при перебаллотировке одного кандидата в центральный комитет голосовала против меня и моих сторонников и этим самым помешала нашему избранию в Центральный комитет.

На обратном пути из Гейдельберга в Штутгарт я, благодаря счастливой случайности, в Мюлаккере купил свежие штутгартские газеты и узнал из них, что полиция устроила новый разбойничий набег на партийный комитет и опять издала приказ о моем аресте. Наш друг Курелла был арестован на швейцарской границе с международным манифестом и воззванием провести Международный юношеский день в 1919 г. Наши циркуляры о всеобщей стачке вызвали невероятный вой в германской прессе. Штутгартская прокуратура воспользовалась этим случаем для того, чтобы отомстить за свой провал на процессе спартаковцев, и возбудила судебное преследование по обвинению в государственной измене. Мне было вполне достаточно пяти месяцев предварительного заключения, и я решил пока от повторения отказаться. За несколько станций до Штутгарта я сошел с поезда и отправился к нашим друзьям. Позаботившись о передаче в надежные руки всех материалов, я перекочевал в Берлин.

С помощью берлинских друзей, особенно Лео Флига, мы могли быстро организовать международное бюро на более прочной основе, нежели в Штутгарте, и сделали все приготовления для удачного проведения Международного конгресса молодежи.

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ

1919 год принес с собой дальнейший спад революционного движения и укрепление буржуазно-капиталистических сил. В Германии были разгромлены революционные очаги в Мюнхене, Брауншвейге, Бремене, Берлине и Руре, в Венгрии свергнута советская власть, в лимитрофах господствовал белый террор, а молодой Советский Союз вынужден был вести напряженную борьбу против внутренней контрреволюции и против империалистических интервенций. II Интернационал и его партии, во время войны ставшие на защиту своих отечественных капиталистов, последовательно продолжали свою политику, клеветали на Советский Союз и поддерживали вновь окрепшую буржуазию.

То, что показала война, подтвердилось в послевоенные годы: реформистские социал-демократы и социал-патриоты все циничнее боролись против революционного движения и не останавливались даже, как Носке в Германии и родственные ему души в Венгрии и Финляндии, перед подавлением пролетарской революции при помощи вооруженной силы, пулеметов и отрядов белого офицерства. Но, несмотря на это, благодаря старому, налаженному в течение десятилетий аппарату и сильной поддержке со стороны государства и государственных органов, социал-демократическим партиям все-таки удавалось подчинять своему влиянию рабочих.

Основание Коммунистического Интернационала организационно оформило только то, что уже давно совершилось политически: окончательный и принципиальный разрыв между перешедшей в лагерь буржуазии реформистской социал-демократией и двигающими вперед пролетарскую революцию подлинно-марксистскими группами и партиями рабочего класса. Основание Коммунистического Интернационала произошло по инициативе большевистской партии Советского Союза. Принимавшие участие в основании коммунистические группы организационно были, сравнительно, слабы, как союз «Спартак» в Германии, шведские левые социалисты, молодая коммунистическая партия в Швейцарии. Охватывавшее более широкие массы центристской партии

германская независимая социал-демократическая партия, социалистическая партия Франции, итальянская и швейцарская социалистические партии колебались и не знали еще, к какому Интернационалу — второму или третьему, — им примкнуть.

Среди немногих организаций Западной Европы, приглашенных Лениным в Москву на основании Коммунистического Интернационала, находился также Социалистический интернационал молодежи в моем лице. Но, к сожалению, я не мог воспользоваться приглашением, так как в то время сидел в вюртембургской государственной тюрьме в Ротенбурге.

Другое положение после войны было в пролетарском юношеском движении. II Интернационал должен был сначала еще собрать свою рассыпанную хламину, центристские же партии еще не установили прочной международной связи и не имели организаций молодежи. Международное объединение социалистических организаций молодежи безраздельно господствовало в западно-европейском пролетарском юношеском движении. В то время как III Интернационал мог быть образован только из тех революционных групп, которые откололись от старых социал-демократических партий, в пролетарском юношеском движении существовала только одна международная организация — основанный в Берне революционный Интернационал молодежи.

Ко времени окончания войны к Интернационалу молодежи принадлежали все социалистические организации молодежи или поддерживали с ними постоянную связь, как юношеские организации в Швеции, Норвегии, Дании, Голландии (группа «Сеятель»), Соединенных Штатах, Италии и Испании. Союз молодых рабочих Австрии также присоединился к Бернскому интернационалу, правда, не проводя его постановлений и не принимая участия в назначавшихся им выступлениях. В Германии к Бернскому интернационалу молодежи принадлежали те организации молодежи, которые, действительно, имели большое количество членов, то же самое и новообразовавшиеся союзы молодежи в Румынии и России. Французская молодежь вступила в сношения с Бернским интернационалом.

Из всех международных организаций Интернационал молодежи первый решительно порвал с социал-патриотами и прочно связался с большевиками еще до завоевания ими власти. Совершенно ясно, что логическим развитием принадлежавших к Бернскому интернационалу молодежи организаций было только преобразование в коммунистические союзы молодежи. Некоторые организации молодежи, преж-

де принадлежавшие к Циммервальдской левой, по собственной инициативе произвели это преобразование и присоединились к III Интернационалу после его основания. Это были, прежде всего, юношеские организации в Швейцарии, Швеции, Норвегии и Испании, новооснованные коммунистические организации молодежи в Австрии и Румынии и, конечно, Советской России.

Избранное на Венской конференции организационное бюро для подготовки и созыва всеобщего международного конгресса молодежи должно было исходить из этих фактов и в подготовке взять курс на преобразование Бернского интернационала молодежи в Коммунистический интернационал молодежи.

Организационное бюро созвало на съезд все принадлежащие к Бернскому интернационалу молодежи организации и новооснованные коммунистические союзы молодежи. Исключена была только австрийская социалистическая организация молодежи, допущение которой ставилось в зависимость от ряда условий. Все остальные существующие организации молодежи Бернского интернационала были приглашены и прислали своих делегатов. Среди них были организационно самые сильные организации с лучшими пролетарскими и революционными традициями.

В Берлинском конгрессе приняли участие социалистические организации молодежи Швейцарии, несмотря на преследования и другие трудности, в 1919 г. насчитывавшие уже 110 секций с 3 500 членов, социалистическая организация молодежи в Швеции с 600 группами и 30 000 членов, организация молодежи Норвегии с 700 секциями и 12 000 членов, Дании с 12 000 членов, организации молодежи Германии из 17 округов с 35 000 членов, Италии с 850 местными организациями и 35 000 членов, румынская организация молодежи, насчитывавшая в одной Старо-Румынии 6 000 членов, Российский коммунистический союз молодежи, в октябре 1918 г. на первом Всероссийском съезде насчитывавший 120 организаций с 22 000 членов, а на своем втором съезде, в октябре 1919 г.—уже 1000 организаций и 1 000 000 членов, коммунистическая организация Немреспублики Поволжья с 42 местными группами и 1800 членов, польская коммунистическая организация, существовавшая нелегально, но журнал которой «Товарищ» выходил в количестве 7 000 экземпляров, и коммунистическая организация молодежи советской Венгрии, после падения советского правительства распущенная, но имевшая еще нелегальные ячейки и группы. Всего в Берлинском конгрессе участвовали делегаты социалистических и коммуни-

стических организаций молодежи 14 стран с 250 000 членов. В Берлине были представлены лучшие и наиболее активные организации молодежи. Все они во время войны мужественно боролись против войны и располагали, особенно в Скандинавии, образцовыми журналами и издательствами.

Незадолго до того организации молодежи посредством демонстраций в Международный юношеский день (7 сентября 1919 г.) провели мощное международное выступление. Во многих городах произошли кровавые столкновения, как, например, в Берлине, когда мы возвращались обратно в Берлин из Питильсвердера, где я выступал с речью. Солдаты Носке стреляли из пулеметов в ряды демонстрирующей рабочей молодежи. Было много ранено и один убит. Молодежь под руководством безвременно умершего Фрица Рейснера держалась мужественно. Берлинская молодежь ответила на это гнусное нападение мощным и чрезвычайно многолюдным митингом протеста на Газенхайде.

Собравшееся на Берлинский конгресс активное ядро Бернского интернационала молодежи, который во время войны вел самоотверженную борьбу против социалпатриотов всех оттенков, сделало надлежащие выводы из опыта и урока этой борьбы и решило преобразовать международное объединение социалистических организаций молодежи в Коммунистический интернационал молодежи. Конгресс единогласно принял политическую программу, положив в основу ее принципы Коммунистического Интернационала:

„Путь к социализму ведет через диктатуру пролетариата, которая характеризуется властью революционных советов. Ближайшей задачей рабочего класса всех стран является борьба за свержение политического, экономического и идеологического господства империализма и создание пролетарской диктатуры. Победоносный исход борьбы возможен только в том случае, если пролетариат решительно отвернется от II Интернационала, погрязшего в реформизме и компромиссах с буржуазией, стремящегося спасти старое общество и тем самым предающего рабочих, если рабочие массы сплотятся под знаменами Коммунистического Интернационала, вождя пролетариата в революционной борьбе...“

... Коммунистический Интернационал молодежи стоит на платформе постановлений первого конгресса Интернационала и составляет часть этого Коммунистического Интернационала. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала молодежи организационно связан с III Интернационалом и работает с ним в тесном боевом единении“.

Конгресс обсудил позицию Интернационала молодежи по военному вопросу и антимилицаристской тактике и без колебаний и каких-либо оговорок признал своей платфор-

мой: «Против буржуазного милитаризма, за вооружение пролетариата и за Красную армию».

Первоочередная главная задача Коммунистического интернационала молодежи в период его основания была формулирована следующим образом:

„Рабочая молодежь—самая активная и самая революционная часть пролетариата. Важнейшей задачей коммунистических организаций молодежи в настоящий момент является неутомимая политическая агитация и проведение политических выступлений, непосредственная борьба за коммунизм, участие в свержении капиталистического господства и воспитание молодежи для строительства коммунистического общества“.

Сильное подчеркивание роли молодежи как авангарда революционного рабочего движения в моем докладе и в принятой резолюции повело потом к странной дискуссии в Коммунистическом интернационале молодежи. Из моего доклада, открывшего собою дискуссию по вопросу о программе Коммунистического интернационала молодежи, я приведу здесь следующие места:

„Здоровая часть пролетарской молодежи всегда чувствовала себя частью рабочего класса, а социалистическая организация молодежи—частью общего рабочего движения. Социалистические организации молодежи не имеют ничего общего с идеей совершенно самостоятельного не только организационно, но идейно и политически юношеского движения, прежде всего, и зачастую желающего быть исключительно только движением молодежи. Такие тенденции господствуют в некоторых группах „Свободной немецкой молодежи“, в кругах пацифистской интеллигентской молодежи, в кружках, руководимых известным демократом Графом и др. Идеология этих групп—мелкобуржуазная, и большинство ее носителей — из мелкобуржуазных кругов. Они живут под страхом быть сброшенными в ряды пролетариата, но не обладают ни достаточным пониманием ни мужеством для того, чтобы объединиться с пролетариатом в революционной классовой борьбе...“

„Между старшими и молодыми рабочими нет никакого большого и принципиального различия интересов. Оба в равной мере могут отстоять себя только в солидарной борьбе. Тем не менее, перед рабочей молодежью, как и перед каждым ее слоем (женщины, мелкое крестьянство и т. д.), стоят специальные задачи.

В пролетарских организациях рабочая молодежь прежде всего будет устремляться к тем задачам, которые более всего отвечают ее психологическим наклонностям, где она сможет лучше всего удовлетворить свою жажду деятельности, подвига и жертв. Она в первую очередь возьмет на себя революционную пропаганду внутри буржуазной армии, вообще революционную и нелегальную агитацию. В избранной для себя области она будет самостоятельно подготавливать и проводить собственные демонстрации, а также большими массами принимать участие во всех революционных выступлениях и боях всего рабочего класса, она будет, и это уже имело место в Финляндии, Литве, Венгрии, России и Германии, давать самых пламенных защитников для пролетарских баррикад и лучшие кадры Красной армии. На нее возлагается также задача быстро готовить хорошо обученную смену для партий взрослых, которые, как это было с коммунистической партией Германии, в каких-нибудь несколько месяцев теряют своих лучших активных вождей. В России двухлетняя революционная война про-

тив мирового империализма стояла потеря многих лучших русских рабочих. Только советская молодежь может пополнить собою эти ряды. Но из среды той же рабочей молодежи должны выйти самые надежные работники, необходимые для построения коммунистического общества, технические руководители, преподаватели, ученые и художники“.

„Я уже говорил об этом, но вопрос настолько важен, что его надо еще раз повторить со всей ясностью и недвусмысленностью: в наши дни первейшая и благороднейшая задача рабочей молодежи, перед которой все другие задачи должны отступить на задний план—биться плечом к плечу с товарищами. Поэтому мы требуем самого тесного союза с Коммунистическим Интернационалом и со всеми его партиями; их программа—дальнейшее ведение революции, разгром буржуазных государств, создание пролетарской диктатуры и построение коммунистического общества—есть также наша программа. Мы не можем иметь никакой другой!

Тем не менее, было бы ошибочно требовать роспуска всех особых организаций молодежи, требовать, чтобы они растворились в партии“.

„...Психологические особенности молодежи требуют совсем другого метода агитации среди нее и других методов просветительной работы, нежели среди взрослых.

Коммунистическая агитация среди рабочей молодежи должна учитывать все ее особые экономические условия, свойственный ее возрасту уровень понимания политических вопросов, ее потребность в играх, деятельности, в творческой работе и т. д. Наибольший успех пропаганда молодых агитаторов среди своих сверстников будет иметь в организациях молодежи. Нигде молодежь не развивается и не просвещается лучше, как в своих собственных организациях. Я укажу еще только на огромную ценность нравственного воспитания. Самостоятельная деятельность в собственных организациях пробуждает чувство ответственности, юноша приобретает доверие к себе, мужество, смелость и имеет часто возможность проявлять солидарность, идеализм и решимость.

Мы уже имели осязательные положительные результаты такого воспитания для освободительной борьбы пролетариата. Воспитательная работа организаций молодежи дала большое число руководящих товарищей в рабочем движении. В Скандинавии большая часть партийных и профсоюзных вождей—бывшие члены и ученики организаций молодежи“.

В 1929 году условия существенно другие, чем десять лет назад, и теперь выдвигать молодежь как авангард излишне. Но для того времени, когда Коммунистический Интернационал был только что основан, а коммунистические группы и партии были еще слабы, постановка этого вопроса являлась необходимой. В последующие годы коммунистические организации молодежи не раз играли выдающуюся роль в оформлении и кристаллизации коммунистических партий. Коммунистические организации молодежи в ряде стран, как, например, в Бельгии и Испании, составили основное ядро образующихся коммунистических партий. Во Франции, Норвегии, Швеции, отчасти и в Германии коммунистические организации молодежи своим активным участием в борьбе, происходившей внутри Коммунистического Интернационала, во многом помогли формированию действительно большевистских партий.

По той же причине связь между коммунистическими организациями молодежи и коммунистическими партиями была еще недостаточно крепкой. Сильно подчеркивалась самостоятельность организаций молодежи. В Берлинской программе об этом говорилось так:

„В своей политической борьбе организации молодежи придерживаются программы той партии или фракции своей страны, которая входит в III Интернационал или принимает его программу.

Организационные отношения с партией устанавливаются следующим положением:

- 1) Самостоятельность молодежи.
- 2) Тесная связь и взаимная помощь“.

Это было до тех пор правильно, пока в отдельных странах не было действительно коммунистических партий. Но везде, где они возникали и развивались, их взаимоотношения с организацией молодежи, конечно, должны были измениться, а последняя — стать в политическом отношении частью коммунистической партии.

Существенным шагом вперед в организационной области по сравнению с Берлинской конференцией был новый устав, предусматривавший проведение в Коммунистическом Интернационале молодежи централизации, железной дисциплины и коллективного руководства:

„В современную революционную эпоху пролетарская борьба может быть победоносной только тогда, если она ведется в международном масштабе. Поэтому политические организации молодежи объединяются в Коммунистический интернационал молодежи. Главной задачей Интернационала молодежи является централизованное руководство всей работой и борьбой коммунистических организаций молодежи“.

Отчет избранного в Берне секретариата был единогласно одобрен в следующей резолюции:

„Конгресс Коммунистического интернационала молодежи выражает избранному в 1915 г. в Берне секретариату свою благодарность за работу, выполненную им в самых тяжелых условиях для пролетарского юношеского движения. В равной мере выражает он доверие избранному в 1919 г. в Вене организационному бюро, которое, несмотря на все препятствия, успешно провело созыв международного конгресса.

Задачей Исполнительного комитета Коммунистического интернационала и впредь будет—вести самую решительную борьбу против международной реакции и за пролетарскую мировую революцию, поддерживать самую тесную связь с отдельными секциями и в самом тесном контакте со всеми организациями проводить международные выступления“.

С Берлинским конгрессом закончился важный фазис развития пролетарского Интернационала молодежи и начался новый. Конгресс происходил под знаком позорней-

шего предательства социал-демократией рабочего класса. В Германии господствовала реакция, в Берлине Носке ввел осадное положение. Армия шпиков повсюду рыскала в поисках революционных собраний. По улицам Берлина разъезжали броневики господ Лютвица, Папста и Носке. И тем не менее, благодаря содействию Леона Флига и Фрица Гейльмана (теперешнего редактора ежедневной коммунистической газеты в Готе) удалось спокойно довести до конца заседания конгресса. Местом заседаний служили задние комнатки в нейкельнском и лихтенбергском рабочих ресторанах и мастерских художников. Они бесменно охранялись бдительными товарищами. Ввиду недостатка в Берлине хлеба и жиров, иностранные делегаты (особенно скандинавские товарищи) взяли на себя доставку продовольствия.

В отличие от членов и организаторов Штутгартской юношеской конференции 1907 года, значительная часть которых потом перешла в социал-патриотический или буржуазный лагерь, основоположники и участники Берлинского конгресса остались верны своим идеалам молодости и борются ныне в первых рядах Коммунистического Интернационала, как, например, Лазарь Шацкий в Советской России, Лео Флиг, Альфред Курелла, Фриц Гейльман, Рихард Шиллер, Баматтер и другие.

Один из самых молодых делегатов конгресса, венгерский поэт Иоганн Лекай умер через несколько лет в Соединенных Штатах от туберкулеза, развившегося на почве лишений.

Только один из участников дезертировал и обменял свое требование «вооружения пролетариата» на членский билет германской социал-демократической партии и собственный домик — Макс Бартель.

Но павшие и ушедшие не останавливают победоносного движения Коммунистического интернационала молодежи как вождя молодых пролетариев всего мира.

МЫ ЗАВОЕВЫВАЕМ НОВЫЕ СОЮЗЫ

После Берлинского конгресса перед нами встали задачи создать работающий секретариат и функционирующий организационный аппарат. Это было не легко. Власти усердно разыскивали местопребывание бюро, а прокуратура и полиция долго травили нас приказами о задержании. Тем не менее, в Берлине все-таки удалось найти подходящие помещения. Из предосторожности мы отделили политическое бюро от управления делами и издательства. Несмотря на

усердные поиски, берлинская полиция не могла напасть на след нашего бюро, и мы спокойно работали больше года. Только весной 1921 г. полиции, наконец, удалось

открыть убежище нашего политического бюро, но только пустые комнаты с намеренно оставленными материалами о помощи детям.

Труднее было наладить связь с организациями молодежи в других странах. Для проведения программы и постановлений Берлинского конгресса недостаточно было одной переписки, а необходимо было принимать делегатов из этих стран, совещаться с ними и самим ездить туда. Так как нас разыскивала полиция и мы проживали без документов и заграничных паспортов, это было возможно осуществить только нелегальным путем. Поэтому приступили к организации на важнейших пограничных пунктах собственных

Нелегальное бюро юношеской организации в Берлине (1920 г.)

переправ, особенно на германско-швейцарской, германско-австрийской и германско-литовской границах.

В этой работе, как и вообще в работе для Коммунистического интернационала молодежи и организации юношеского движения в Белоруссии и Литве, имеет большие заслуги литовский товарищ Виктор Грейфенберг; несмотря на самый свирепый белый террор, он в течение ряда лет действовал в качестве нашего уполномоченного в Литве, а после фашистского переворота организовал нелегальную коммунистическую партию Литвы. Литовская буржуазия отомстила, и когда он в 1926 г. попался в руки ее полиции,

он был схвачен вместе с тремя другими товарищами, в тот же вечер осужден на смерть так называемом военно-полевым судом и на утро расстрелян.

Большую поддержку в установлении связей и проведении наших работ оказали устроенные нами в некоторых странах секретариаты. В Стокгольме был секретариат для

Члены первого Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи (Берлин, 1920 г.)

скандинавских стран, в Швеции — для романских, в Москве — для Востока и в Вене — для юго-восточной Европы. Венский секретариат руководился Рихардом Шиллером и проделал образцовую работу.

При помощи этого аппарата оказалось возможным в течение одного года переправить 30 делегатов из Берлина в другие страны и 100 делегатов из этих стран в Берлин.

ПОЕЗДКА С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Первой после Берлинского конгресса более или менее большой конференцией была конференция в середине декабря в Стокгольме, на которую были приглашены организации молодежи Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании. Главной целью ее было предотвратить или затруднить рас-

кол в датской молодежи, зачинщиком которого были социал-демократы. Я назначен был делегатом на эту конференцию. Так как нормальным путем я не мог поехать, то поездку приходилось осуществить нелегально. Я отправился в один северо-германский город, и, вместе с двумя товарищами, имевшими другие поручения в Скандинавию, нам через несколько дней удалось раздобыть лодочника, согласившегося за доступную цену доставить нас в Данию. Оттуда мы надеялись пробраться дальше. Перед самым отъездом наш моряк начал колебаться: надвигалась буря, и он опасался, что его лодка потонет. Но мы все-таки настояли на отъезде. Вскоре после того, как мы выехали из гавани, разразилась гроза, и лодку бросало как ореховую скорлупу на вздымавшихся волнах. Вдруг лодочник крикнул: «Скорей в ящик с цепями, приближается сторожевое судно!» Он втиснул нас в ящик, в котором хранились цепи, и мы лежали, тесно прижавшись друг к другу как сельди. Только через два часа он счел опасность миновавшей и вытащил нас оттуда, разбитых и истерзанных. Буря продолжалась, и рыбак проклинал себя за то, что согласился на эту поездку. Но к утру она стихла, и мы невредимыми достигли датского берега, высадились на пустынном месте и весело зашагали по полям и лугам к ближайшей железнодорожной станции, чтобы поехать оттуда в Копенгаген. Пробыв несколько дней в этом городе, я отправился в Стокгольм.

В Стокгольме я жил так же беспечно (в отношении своей безопасности), как и в Штутгарте и Вене. Я посещал партийный комитет, наши заседания были официально объявленными, а вечера я в обществе шведских товарищей проводил в самых людных ресторанах. Ничего удивительного нет в том, что полиция обратила на меня внимание и однажды утром неожиданно появилась в квартире Вилли Миленца, у которого я жил. Потребовали наши паспорта. Я предъявил паспорт, имевшийся при мне, но мне было заявлено, что для установления кое-каких фактов мне все-таки придется отправиться в главное полицейское управление. В последнюю минуту мне удалось незаметно уничтожить разные бумаги. Мы поехали на автомобиле в стокгольмское полицейское управление. Сомневались в правильности фамилии, указанной в паспорте, и хотели узнать мое настоящее имя. Я ссылаясь на паспорт. Эта веселая игра затянулась до самого вечера. Мне показали ряд моих портретов из «Политикен» и «Сторм-клокан», шведского юношеского журнала, и спросили, не знаком ли мне этот человек и не знаю ли я что-нибудь о нем. Я отвечал, что он мне весьма знаком. Вечером допрашивавший меня полицейский

чин сказал мне: «Нам пора кончать, господин Мюнценберг, признайтесь, наконец, что это вы».

Меня отвезли в дом предварительного заключения и продержали там три недели. Шведская тюрьма была одна из самых усовершенствованных из всех, какие мне только пришлось недобровольно узнать, и в то же время одна из самых гнусных. Для прогулки был отведен узкий каменный проход, скорее напоминавший загон для диких зверей, чем место, где человек способен был бы немного отдохнуть. Установленный распорядок строжайше соблюдался. Чтобы затруднить попытки побегов, полагалось каждый вечер раздеваться до-гола и всю одежду, до рубахи включительно, сдавать надзирателю. Забавна была воскресная церковная служба. Двери камер оставались полуоткрытыми, и заключенные должны были сидеть у двери и слушать, как у входа в тюрьму священник читал проповедь. Как свободомыслящий, я отказался слушать непонятные мне проповеди. Тогда надзиратель стал возле меня и заставил меня, подобно другим заключенным, наслаждаться воскресными поучениями.

После трехнедельного заключения мне было объявлено, что я высылаюсь из Швеции. Моим друзьям обещали предоставить мне два-три дня свободы для того, чтобы я мог уехать из Швеции. Но еще в тот же самый вечер явились два агента уголовной полиции, сложили мои вещи и поехали со мной через Мальмэ в Треллеборг, чтобы доставить меня на паром. Я протестовал, сослался на обещание суда и указал на то, что на той стороне уже ожидают меня германские агенты, чтобы арестовать как политического преступника. Мои протесты не помогли. Шведские полицейские препроводили меня на паром. Что теперь делать? В Заснице меня ожидали германские полицейские агенты, чтобы, во исполнение приказа о моем аресте, принять меня в свои нежные объятия. Я искал выхода и доверился нескольким матросам. Один из них говорил по-немецки и был левый социалист. Но он объяснил, что совершенно невозможно как-нибудь ускользнуть с парома, минуя паром. Недавно они синдикалиста Зухи несколько раз возили взад и вперед — и так и не удалось незаметно переправить его. Проходили час за часом и уже показался германский берег. Наконец я нашел товарный вагон, имевший отдушину. Я позвал сочувствовавшего мне молодого матроса. Пока он сторожил, я через отдушину влез в вагон, нагруженный ящиками разных размеров, уселся на одном из ящиков и стал ждать дальнейших событий. Я слышал, как паром

прибыл в Засниц, как паровоз взял вагон и возил его по путям. Я считал себя спасенным и решил до наступления темноты сидеть на ящике, а потом выпрыгнуть из вагона и уйти.

Вдруг раздались шаги, и кто-то сказал: «Вагон номер такой-то сейчас же открыть!» Все казалось погибшим. Я уже видел себя на скамье подсудимых не только по обвинению в государственной измене, но и в воровстве. Чтобы не быть взятым голыми руками, я выпрыгнул через отдушину, выходящую, к счастью, не на ту сторону, где стояли чиновники. Тем не менее, я был убежден, что меня заметят, окликнут и задержат. Но, к моему величайшему удивлению, этого не случилось. Я медленно тронулся с места, вышел с вокзала, быстро прошел через Засниц и, так как не имел при себе документов и не было поезда на Берлин, зашагал по направлению к Бергену. Когда я по пути зашел в трактир, вдруг бешеным галопом примчалась повозка с четырьмя солдатами пограничной охраны. Я решил, что все пропало, когда солдаты вошли в трактир. Но ни один из них не обратил на меня внимания, и из их разговора я понял, что они отправляются на военный бал в Бергене. Я представился им как бывший фронтовой товарищ и спросил, нельзя ли мне с ними поехать. «За полбутылки коньяку», — ответил один из них. На это моих денег хватило, и я в воинском сопровождении торжественно въехал в Берген, откуда легко через Штетин добрался до Берлина.

Между тем, под влиянием II Интернационала, возобновившего свою деятельность, правые социал-демократические организации молодежи тоже образовали международное объединение. Ядро этой жалкой организации составили оппортунистические союзы молодежи в Германии, Голландии и Бельгии. Центристские организации молодежи, под влиянием венской социал-демократии, особенно группы Адлера и Бауэра, тоже попытались оборудовать свой III Интернационал молодежи. Главная инициатива исходила от «Союза молодых рабочих Австрии», не допущенного на Берлинский конгресс. В Чехо-Словакии под его влиянием возникли организации молодежи в чешской и немецкой частях. На конференции в феврале 1921 г. в Вене центристские организации молодежи образовали «Международное сотрудничество социалистических организаций молодежи». В своей программе эта организация резко нападала на Коммунистический интернационал молодежи за то, что он подчиняется «приказанием» III Интернационала. Потом, после слияния 2½ Интернационала со II, оба социал-демократических Интернационала молодежи объединились в Ам-

стердаме в новый социалистический Интернационал молодежи, существующий до сих пор.

Главным образом для того, чтобы положить предел этим попыткам «реконструкции» и привлечь в Коммунистический Интернационал чехо-словацкую организацию молодежи, мы и созвали в Вене на 16 и 17 мая конференцию социалистических организаций молодежи юго-восточной Европы. На этой конференции были представлены следующие союзы: коммунистической пролетарской молодежи Австрии, немецкой социал-демократической рабочей молодежи Чехо-Словакии, чешской социал-демократической молодежи, коммунистической молодежи Венгрии, Юго-Славии и Словакии и социал-демократические союзы молодежи Румынии и Италии.

Уже в самом начале конференции создалось благоприятное положение для антицентристской линии. Значительные группы чехо-словацкой молодежи были за присоединение к Коммунистическому интернационалу молодежи, другие — на пути к этому. Представитель Кладненского округа сообщил о присоединении окружной организации союза чешской молодежи к III Интернационалу, новообразованный союз молодежи в Словакии был коммунистическим. Во всем Чешском союзе молодежи было сильное течение за коммунистическую организацию молодежи. Самое упорное сопротивление этому оказывала делегация Немецко-Богемского союза молодежи, во главе с Паулем. Но после моего доклада о принципиальной и политической программе Интернационала молодежи и основательной дискуссии Пауль также отошел от центристского объединения. Все делегаты заявили, что союзы идут с Коммунистическим интернационалом молодежи и рассматривают себя как присоединенные к нему, за исключением делегатов Чешского и Немецко-Богемского союзов, заявивших, что вопрос о присоединении будет решен в ближайшем будущем съезде.

После закрытия конференции прибыл запоздавший Леон Флиг, которого при переходе чешской границы задержали и на месяц упрятали в ужасную тюремную дыру.

На обратном пути, не доезжая Зальцбурга, один чиновник контролировал паспорта, и так как у нас таковых не было, он объявил нас арестованными. Нас повели к полицейскому комиссару, которому я рассказал о своих якобы больших политических связях в Вене. Прежде чем принять какое-нибудь решение, он хотел запросить министерство в Вене. А пока он разрешил нам пойти позавтракать. Наши чемоданы должны были остаться в качестве залога. Мы охотно оставили этот залог и отправились в путь, чтобы

через горы добраться до Германии. После утомительного шестичасового хождения по горам мы благополучно прибыли в Берхтесгаден. На следующее утро, перед тем как сесть в поезд, мы разделились и с улыбкой наблюдали за тем, как кучка шпииков и агентов усердно искала двух молодых людей. Мы беспрепятственно прибыли в Берлин.

После возвращения мы приступили к планомерной работе по привлечению чехо-словацких организаций. На своем съезде в Праге 23 октября чешская социалистическая молодежь безоговорочно приняла программу Коммунистического Интернационала и присоединилась к нему. Через неделю за ней последовал социал-демократический союз Немецкой Богемии, на своем чрезвычайном съезде в Карлсбаде 1 ноября 32 голосами против 22 принявший постановление о безусловном присоединении к Коммунистическому интернационалу молодежи. На этом съезде один социал-демократический партийный лидер пустил в ход все средства, чтобы удержать молодежь от «пагубного присоединения» к коммунистам.

На этот раз мне больше повезло, и я спокойно, без всяких конфликтов с пограничниками, возвратился в Берлин.

1 ноября в Париже состоялся съезд французской молодежи, который также подавляющим большинством голосов постановил присоединиться к Коммунистическому интернационалу молодежи. 7 ноября в Лейпциге происходил съезд социалистической пролетарской молодежи Германии, юношеской организации, основанной НСПГ. После основательной дискуссии большинство этого съезда также высказалось за присоединение к Коммунистическому интернационалу молодежи. План центристов — противопоставить Коммунистическому интернационалу молодежи конкурирующую организацию — рухнул, «Международное сотрудничество» потерпело поражение, и все союзы, за исключением «Союза молодых рабочих Австрии», были приняты в Коммунистический интернационал молодежи. Центристские союзы молодежи при своем переходе в социал-демократический Интернационал молодежи могли принести с собою в качестве приданого только жалкие обломки и слабые группы.

Летом 1919 г. состоялось также первое заседание Исполкома Коммунистического интернационала молодежи. От 14 местных организаций прибыли в Берлин 20 представителей, в большинстве своем нелегально. Среди них находились также Виктор Грейфенбергер из Литвы, делегаты из Юго-Славии, Италии и Скандинавии. Так же, как и конгресс, заседания Исполкома пришлось устраивать нелегально,

в рабочих ресторанах или в Руиненберге под Сан-Суси, на башне которого мы после окончания заседания громко пели «Интернационал».

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Исполком Коммунистического интернационала молодежи на своем заседании в мае 1920 г. избрал делегацию из трех своих членов на II конгресс Коммунистического Интернационала: Лазаря Шацкого, Поллано из Италии и меня. Конгресс был назначен на 19 июля в Ленинграде.

Приказ штутгартской прокуратуры о моем задержании все еще был в силе, и не раз только благодаря случайному стечению обстоятельств мне удавалось избежать ареста. За день до назначенного отъезда я, наконец, провалился, правда, не столько благодаря ловкости полиции, сколько благодаря гнусному доносу.

В вечер накануне отъезда я встретился в ресторане с несколькими друзьями, в том числе с итальянским товарищем Бордигой, Леоном Флигом и Вуйовичем из Юго-Славии. Недалеко от нашего стола уселись два типа, в которых легко можно было узнать агентов уголовной полиции. Вскоре они получили подкрепление и были так неосторожны, что указали на меня газетой своим подсевшим к ним коллегам. Я улучил момент, чтобы опорожнить свои карманы и передать друзьям весь материал. Но когда я вышел из ресторана, на меня набросились четыре человека и заорали:

— Господин Мюнценберг, вы арестованы!

Я отрицал, что я Мюнценберг. Тогда они предложили мне идти с ними в участок, чтобы «выяснить недоразумение». Вызванные другие агенты повели в участок остальных товарищей. После допроса их всех, кроме Вуйовича, отпустили.

Но нас двоих посадили в автомобиль и под усиленной охраной повезли в главное полицейское управление. На другое утро, в воскресенье, меня привели к неприятному, настоящему прусскому офицеру, исполнявшему обязанности чиновника уголовной полиции. Он объявил мне, что я арестован на основании приказа о задержании от 1917 г. за дезертирство. Когда я сослался на амнистию правительства народных уполномоченных, он заявлял, что это его не касается, приказ не аннулирован и, стало быть, действителен. Этот факт — приказ о задержании от 1917 г. — он и занес первым в протокол. Как второе основание для моего ареста он указал распоряжение штутгартской прокуратуры, искавшей меня с осени 1919 г. по обвинению в государственной измене.

На следующее утро меня, вместе с сорока карманными ворами и сутенерами, привели к судебному следователю, пожилому человеку с довольно добродушным лицом. Он рассортировал арестованных: направо — те, кто должен был быть отпущен, налево — остаться в предварительном заключении. Последним дошла очередь до меня. «Почему вы здесь?» спросил он меня. Я указал на протокол полицейского комиссара и сказал, что, как это ни странно, я арестован на основании приказа о задержании от 1917 г. за дезертирство. Со следователем случился маленький припадок бешенства, и он заявил, что этого не может быть. Он раскрыл свою папку, в которой сверху нашел приказ о задержании от 1917 г., захлопнул опять крышку и сказал: «Они там, должно быть, опять нализались. Это, конечно, давным-давно амнистировано, и вы должны быть немедленно освобождены». Он схватил свои бумаги и исчез, а нас отвели обратно в наши камеры. Я мечтал только о том, чтобы следователь не вздумал еще раз заглянуть в папку и не прочитал распоряжение из Штутгарта.

Через час я был снова вызван и поставлен в ряд с девятью другими, подлежащими освобождению, чтобы получить обратно отобранные у нас бумаги и ценности. Вдруг вошел Теодор Либкнехт, которого наши друзья мобилизовали после моего ареста, и спросил меня, почему я здесь стою. Я ответил, что меня отпускают. Он заявил, что это невозможно, он только что был у прокурора, где ему сказали, что делу будет дан ход. Наш разговор был прерван окриком дежурного полицейского сержанта, подозвавшего меня и выдавшего мне мои вещи, после чего я немедленно исчез.

Когда выяснилось недоразумение, были приняты все меры к тому, чтобы снова задержать меня. Днем позже стоявший на Штетинском вокзале Лео Флиг был взят вместо меня и заперт под замок, чтобы через него узнать мое местопребывание. Он «сознался», что я уехал во Франкфурт на Майне. А я тем временем, в нарядной форме, сел в пригородный поезд, благополучно прибыл в Штетин и там, с помощью сочувствующих матросов, пробрался на пароход с русскими военнопленными. Кроме меня на том же пароходе находились еще нелегально Эрнст Майер, Зиги Баматтер и Гольденберг из Франции. Ночью вдруг забила тревогу. Матросы подумали, что это явилась полиция. Нас спрятали в платяном шкапу, где французский товарищ чуть не задохся. Утром пароход отчалил, и мы благополучно миновали Свинемюнде, вылезли из нашего убежища и смешались с военнопленными.

Через несколько дней нас выгрузили на эстонской станции Нарва, а оттуда мы поехали к первой русской станции, Ямбургу, в память расстрелянного эстонского революционера названной «Кингиссеп». Там нам оказали самый сердечный прием. Наконец, после всех затруднений и опасностей, мы были в Советской России! Нас товарищески приветствовали партийная ячейка и советские учреждения. Пробыв один день в Ямбурге, мы поехали в Ленинград. Прибыв туда вечером, ночью мы долго беседовали с Зиновьевым о партии, боях и предстоящем конгрессе.

В Ленинграде мы были гостями Коммунистического Интернационала, а мы, молодежь, кроме того, гостями коммунистической организации молодежи. Мы ходили с одного собрания молодежи на другое, а наши русские товарищи знакомили нас с завоеваниями революции и водили по заводам, школам, рабочим клубам и детским домам. Самое большое впечатление произвело на меня, наряду с Шлисельбургской крепостью, где томились в заключении во времена царизма многие русские революционеры, детские дома и организации молодежи. Мы съездили в бывшее Царское Село, называющееся теперь Детским Селом. В бывших царском и великокняжеском дворцах помещены были тысячи детей ленинградских рабочих и солдат, получавших там образцовое коммунистическое воспитание. Ребята окружили нас, показали нам свою стенную газету, ручные работы и рисунки, а после обеда, на устроенном детском празднике, нас торжественно приветствовали пением «Интернационала».

После нескольких дней пребывания в Ленинграде мы поехали в Москву. Там я в бывшем здании германского посольства увиделся с Карлом Радеком, секретарем Коммунистического Интернационала. В следующие дни я встретился со многими друзьями по Швейцарии, побывал у Чичерина, Луначарского, Зиновьева и Ленина, встретившего меня словами: «Так кто из нас был прав в нашем споре в Цюрихе?» и подробно расспрашивал меня о членах и сотрудниках Циммервальдской левой швейцарского периода.

На открытие конгресса Коммунистического Интернационала все делегаты поехали в Ленинград. Прием, оказанный нам ленинградским пролетариатом, и дни, проведенные в Ленинграде, произвели на меня незабываемое впечатление. После осмотра фабрик и учреждений в 12 ч. состоялся грандиозный митинг на празднично декорированном Марсовом поле памяти погребенных там павших в революционной борьбе. Оттуда демонстрационное шествие направилось к площади Урицкого перед бывшим Зимним двор-

цом. Это была самая мощная демонстрация из бывших когда-либо в Ленинграде. Несколько сот тысяч ленинградских рабочих и окрестных крестьян запрудили площадь. Огромная масса казалась широким волнующимся морем. Выступали все известные иностранные и русские вожди и ораторы, но все снова раздавался крик: «Ильич, Ильич!..» Масса хотела, чтобы говорил Ленин. Но он после краткого приветственного слова поспешил к себе обратно в рабочий кабинет. Сотни тысяч демонстрантов и весь Ленинград были еще полны порыва только что закончившихся революционных боев. Весь город и все люди были проникнуты сознанием силы и гордостью созданным и достигнутым.

Вечером состоялось народное празднество, невиданное нигде до сих пор. На широких террасах вокруг здания ленинградской биржи, после вступительного слова Максима Горького, были показаны массовые сцены с 20 000 участников, изображавшие революционные бои последних лет.

В то время как на верхней террасе плясала буржуазия, на нижней рабочие отбивали такт тяжелыми молотами: это поднимали красное знамя Коммуны. Рабочие старались проникнуть наверх, но вызванные войска оттеснили их назад и разбили. Снова начинается пляска буржуазии, снова раздается равномерный стук молотов скованных рабочих. Вдруг в танец буржуазии врываются громкие трубные звуки. Оркестр на одной стороне играет германский и австрийский императорские гимны, на другой стороне раздается «боже, царя храни». Разражается война. За углом проходит на фронт пехотный полк. Рабочая масса выпрямляется и поднимает на своих плечах Жореса, который, пораженный пулей, падает вниз. Поднимают вверх Либкнехта, но полиция вырывает его из рук рабочих и уводит. Война продолжается. Новые полки отправляются на фронт, прибывают первые санитарные поезда с ранеными. Между буржуазией и пролетариатом выстраивается ряд ученых с толстыми книгами: каутскианцы и лидеры II Интернационала. Рабочий подходит к одному из ученых, чтобы вручить ему красное знамя. Но он пугливо смотрит в сторону и прячется за своей книгой. Тогда безыменные из пролетарской толпы поднимают красное знамя, стук молотов усиливается, становится грозным, призывным. Рабочие атакуют верхние террасы, появляется полиция, социал-демократические ученые исчезают, падают первые выстрелы... Вдруг из-за угла выскакивает броневик с развевающимися алыми знаменами и вооруженными матросами: Кронштадт спешит на помощь рабочим.

И все это происходило в 2 ч. ночи. Зимний дворец был покрыт красными знаменами, на прекрасно иллюминированных военных судах на Неве сияла советская звезда, а сотни тысяч рабочих и зрителей наполняли улицы.

Когда вкатился броневик с красными матросами, нас, делегатов, охватил такой подъем, что мы вскочили, кричали, жестикулировали и не знали, как выразить наш восторг.

Юношеская делегация на II конгрессе Коминтерна

Потом обратно в Москву. Заседания конгресса происходили в тронном зале Кремлевского дворца. Первым выступил Ленин с отчетным докладом Коммунистического Интернационала. Его встретили нескончаемой бурной овацией.

Второй конгресс имел решающее значение для Коммунистического Интернационала.

Наряду с 21 условием, ясно определившими характер Коминтерна, важнейшими постановлениями были написанные Лениным тезисы по колониальному вопросу, резолюция о профсоюзах и положения об основных задачах Коминтерна. Вопрос об юношеском движении внесен был в порядок дня, но ввиду нашей ссылки на недостаток времени снят и позже был подвергнут обсуждению на заседании новообразованного Исполнительного комитета.

В комиссиях я вместе с Яковим Герцогом, Бордигой и Кейлахером горячо защищал антипарламентскую позицию нашей старой гейдельбергской группы. Я вообще принадлежал к левому крылу конгресса, что дало повод Ленину шутя сказать мне: «Вы, наверно, так и умрете левым».

Особенно раздражала нас явившаяся на конгресс делегация социалистической партии Франции с Фроссаром во главе и прибывшие вместе с делегацией германской независимой социал-демократической партии Артур Криспин и Диттман. Мы упорно боролись против принятия этих партий, и в своей речи я обрушился на них. 21 условие, предложенное Исполкомом, казалось нам недостаточным; и я внес две поправки, согласно которым обязательным условием принятия в Коминтерн ставилось не только согласие с его постановлениями, но и проведение революционных выступлений.

После закрытия конгресса, под руководством французского капитана Садуля, перешедшего в Одессу вместе с французскими солдатами к Советскому Союзу, была организована поездка по Украине, в которой я принял участие. Приблизительно сорок французских, итальянских, скандинавских и германских делегатов, в том числе умерший несколько лет назад Сератти, поехали через Тулу, Харьков, Полтаву и Киев в Одессу. В одесском порту стояли еще французские военные суда. Это было во время советско-польской войны, вскоре после того, как были разбиты контрреволюционные армии на юге России. Мы были первыми западно-европейскими рабочими, прибывшими в большом числе в Советскую Россию после всех этих боев. Энтузиазм и любовь, с которыми нас встречали повсюду рабочие и крестьяне, не поддаются описанию. Товарищи иногда простаивали двадцать — тридцать часов в ожидании поезда. В 12 ч. ночи и в 3 ч. утра устраивались митинги. Молодые солдаты срывали со своей груди ордена и дарили их нам, а на следующий день возвращались на польский фронт. В Харькове украинские крестьяне торжественно преподносили иностранным делегатам хлеб и соль. Захваченные общим воодушевлением, мы произносили пламенные речи. Особенно патетическое обещание дал Макс Бартель. Он заявил: «В Германии господствует еще черно-красно-золотое знамя. Мы покрасим черный цвет нашей кровью, золото-покроем нашим золотом и будем до тех пор бороться, пока не поднимем так же высоко, как вы, красное знамя республики». Бартель скоро забыл это пламенное обещание и только обменял красный цвет на своем знамени на «золото» II Интернационала.

Поездка заслуживает того, чтобы быть описанной в особой книге. Каждый посещавшийся нами город хотел перещеголять другой в выражении товарищеских чувств. Украинский бандитский атаман Махно, сначала боровшийся совместно с большевиками, но потом выступивший против Красной армии, несколько раз пытался атаковать наш поезд. Один раз он взорвал железнодорожный мост, потом вывернул рельсы, а один раз занял город через полчаса после того, как мы уехали из него. Его войско состояло из 1500 вооруженных всадников, с пулеметами. Для нашей охраны было назначено два бронированных поезда и сто матросов, распределенных по нашим вагонам. За Одессой итальянский делегат Бомбачи вызвал переполох: ему почудились всадники. Мы начали палить из ружей и револьверов, но воображаемые всадники оказались снопами.

После продолжавшейся много недель поездки мы возвратились в Москву. Теперь начались затруднения с обратным проездом. Многие товарищи поехали через Мурманск, причем три участника нашей украинской поездки, французский писатель Лефевр и два других французских товарища, потерпели крушение на маленькой моторной лодке и утонули. Я поехал с возвращавшимися в Германию германскими военнопленными в качестве брата начальника эшелона через Ямбург в Штеттин. Но я имел осторожность в Штеттине не выйти. Там прибывшие были встречены пением и торжественными речами. Но старший по эшелону вместе с несколькими другими военнопленными был арестован как подозрительный по части коммунизма. Во время торжественных приветственных сцен я играл с матросами в шашки, а потом, когда высадка закончилась, поехал в угольный порт. Оттуда я беспрепятственно пробрался в Берлин.

ГОД КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ

Трудности, с которыми мы сталкивались в нашей работе в Коммунистическом интернационале молодежи, были не меньшими, нежели во время войны. На некоторых фронтах преследования еще усилились. В странах белого террора наша организация была запрещена, и ее члены в Белоруссии, Литве и Финляндии подвергались жесточайшим преследованиям. В Германии социал-демократическое правительство неоднократно запрещало «Молодую Гвардию» и другие агитационно-пропагандистские издания нашей ор-

ганизации молодежи. Большинство капиталистических правительств организовало дикую травлю против агитаторов и должностных лиц Коммунистического интернационала молодежи. Тем не менее, нам удалось в короткое время провести программу и постановления Берлинского конгресса. Этому способствовали тяжелое экономическое положение в центральной Европе в 1919 и 1920 гг., растущая нищета и массовая безработица. Существовавшие ко времени Берлинского конгресса организации молодежи могли значительно пополнить свои ряды, возникло также много новых организаций молодежи. В ноябре 1920 г. в Коммунистический интернационал молодежи входили следующие социал-демократические и коммунистические организации: 1) Социал-демократический союз молодежи Швеции, 2) Социал-демократический союз молодежи Норвегии, 3) Социал-демократический союз молодежи Дании, 4) Исландские коммунистические группы молодежи, 5) Социал-демократический союз молодежи Финляндии, 6) Международное пролетарское движение школьников в Глазго, 7) Лондонский социалистический союз молодежи, 8) Манчестерский союз молодых сельскохозяйственных рабочих, 9) Союз независимой молодежи в Соединенных Штатах, 10) Коммунистическая организация молодежи Аргентины, 11) Мексиканская коммунистическая организация молодежи, 12) Португальские коммунистические группы молодежи, 13) Коммунистический союз молодежи Испании, 14) Итальянский социалистический союз молодежи, 15) Социалистический союз молодежи в Фиуме, 16) Швейцарская коммунистическая организация молодежи, 17) Французский коммунистический союз молодежи, 18) Бельгийский коммунистический союз молодежи, 19) Ролландская коммунистическая группа молодежи «Де-Зайер», 20) Люксембургский коммунистический союз молодежи, 21) Коммунистическая молодежь Германии, 22) Польская коммунистическая молодежь, 23) Союз коммунистической пролетарской молодежи Немецкой Австрии, 24) Болгарский коммунистический союз молодежи, 25) Коммунистический союз молодежи Юго-Славии, 26) Коммунистический союз молодежи Бессарабии, 27) Социалистический союз молодежи Трансильвании, 28) Социал-демократический союз молодежи Старо-Румынии, 29) Венгерский коммунистический союз молодежи, 30) Коммунистические группы молодежи в Восточной Галиции, 31) Социалистический союз молодежи Словакии, 32) Чешский социалистический союз молодежи, 33) Союз социал-демократической рабочей молодежи немецкой части Чехо-Словацкой республики, 34) Коммунистический союз молодежи Литвы, 35) Ком-

мунистический союз молодежи Эстонии, 36) Коммунистический союз молодежи Латвии, 37) Российский коммунистический союз молодежи, 38) Коммунистический союз молодежи Персии, 39) Коммунистический союз молодежи Армении, 40) Коммунистический союз молодежи Бухары, 41) Коммунистический союз молодежи Хивы, 42) Коммунистический союз молодежи Кореи, 43) Коммунистический союз молодежи Грузии, 44) Коммунистический союз молодежи Туркестана, 45) Коммунистический союз молодежи Азербайджана, 46) Коммунистический союз молодежи Греции, 47) Китайские юношеские группы, 48) Коммунистический союз молодежи Белоруссии, 49) Коммунистический союз молодежи в Дюнкерхене.

Перечисленные организации объединяли свыше 800 000 членов. В отличие от прежнего центристского международного объединения, бывшего чисто-европейским семейным делом, Коммунистический интернационал молодежи вырос в действительно международную, всемирную организацию. В Южной Америке, Соединенных Штатах, Исландии, Алжире, Тунисе, Южной Африке, Бухаре, Китае, Армении, Туркестане, Корее и т. д. коммунистические организации молодежи вели революционную борьбу. Это были подлинно живые и активные организации. Они провели многочисленные собственные выступления, среди них такие, как Международный юношеский день 7 ноября 1919 г. или еще более мощно проведенный Международный юношеский день 5 октября 1920 г., ознаменовавшийся крупными демонстрациями и митингами в скандинавских странах, Германии, Австрии, Финляндии и Швейцарии. В одной Германии молодежь участвовала в демонстрации в количестве ста тысяч человек. Приблизительно в двадцати странах, главным образом, благодаря мощному участию молодежи Советской России, в выступлениях приняли участие около трех миллионов юных рабочих и работниц. Лозунги Юношеского дня были ясными и ударными: «За Советскую Россию! За Коммунистический интернационал молодежи! За Коммунистический Интернационал! За пролетарскую революцию и диктатуру!»

С успехом прошли также демонстрации и собрания памяти Либкнехта и Розы Люксембург, проведенные 15 января, в годовщину их смерти.

После падения советского правительства в Венгрии белые арестовали 30 000 женщин и мужчин, в том числе много подростков и детей. Заключение терпели голод и подвергались всяческому притеснениям и истязаниям. Коммунистический интернационал молодежи решил осенью 1920 г.

организовать кампанию помощи этим жертвам белого террора и 20 октября выпустил первое воззвание. К этому воззванию присоединились Ромен Роллан, Эптон Синклер, Мазерель, проф. Форель и многие другие. В короткое время удалось в одной Германии собрать 30 000 марок. К этому прибавилась еще большая партия одежды, обуви и т. д. Но еще больше, чем материальный, был политический успех этого выступления. Специальные номера «Интернационала Молодежи» быстро разошлись полностью, также был распродан выпуск серии «Брошюры и памфлеты Интернационала молодежи» — «Черная книга белой Венгрии», изданный в количестве 20 000 экземпляров.

С таким же рвением, с каким коммунистическая молодежь проводила свои собственные выступления, она поддерживала и выступления Коммунистического Интернационала. Во всех международных выступлениях, при проведении блокады Польши и воспрепятствовании выработке и провозу военного снаряжения для Польши, коммунистические организации молодежи стойко помогали, чтобы обеспечить успех этих выступлений. Такое же горячее активное участие приняли организации молодежи в международной стачке в июле 1919 г., в международном выступлении 7 ноября 1919 г. и в международных демонстрациях Коминтерна 7 ноября 1920 г.

Вместе с тем Интернационал молодежи и его организации приняли прямое и непосредственное участие в работе по построению Коммунистического Интернационала и его партий. После гейдельбергского партийного съезда члены германского коммунистического союза молодежи давали лучшие и наиболее активные кадры для коммунистической партии Германии (союз «Спартак») в Берлине и округах. В Швеции и Дании организация молодежи составила большинство членов лево-социалистической партии. В Норвегии именно ядро союза молодежи провело коммунистическую ориентацию в партийных и профсоюзных кругах. Во Франции еще задолго до решения партии организация молодежи открыто назвала себя коммунистической и объявила себя сторонницей III Интернационала. То же самое и в Чехо-Словакии.

Когда после второго конгресса Коммунистического Интернационала центристские партии начали кампанию против «московской указки», Интернационал молодежи обратился с воззванием ко всем коммунистическим организациям молодежи, в котором он безоговорочно и решительно поддерживает постановления II конгресса и энергически выступает против маневров центристской партии.

Коммунистические организации молодежи не могут безучастно относиться к разразившейся идейной борьбе в пролетарских партиях. Их самой срочной и важнейшей задачей является—повсюду и со всей решительностью добиваться безоговорочного принятия и быстрого практического осуществления московских постановлений. К этому мы призываем все наши союзы, все коммунистические организации молодежи, все пролетарские объединения молодежи.

Частично это уже сделано: многие организации, не ожидая нашего призыва, уже приняли самое деятельное участие в создании последовательных коммунистических партий. В Норвегии и Швеции именно коммунистические союзы молодежи проводят в партиях и профессиональных союзах своей страны все московские постановления. В Швейцарии организация молодежи будет стержнем новой коммунистической партии. В Бельгии и Испании коммунистические организации молодежи образовали из себя коммунистические партии. В Италии коммунистическое объединение молодежи поддерживает стремления тех групп в партии, которые требуют беспощадной чистки партии и ее реорганизации согласно московским постановлениям. Особенно тяжелые задачи в этой области стоят перед французскими товарищами, только недавно, после длительной полемики и борьбы в собственных рядах, присоединившихся к нам. Несмотря на то, что коммунистическое юношеское движение во Франции—одно из самых недавних, ему предстоит сыграть большую и решающую роль при образовании во Франции коммунистической партии*.

На ряду со срочной политической работой, многочисленными конференциями и конгрессами, борьбой против центристов и поддержкой построения Коммунистического Интернационала, мы находили также время для того, чтобы улучшить нашу внутреннюю организационную структуру. Помимо организации общего аппарата Интернационала молодежи, к секретариату был присоединен архив, а также создано особое отделение по организации детских групп. «Интернационал Молодежи» выходил регулярно каждый месяц, «Международная Юношеская Корреспонденция» — три раза в месяц; в ней помещались важнейшая информация и краткие статьи. Основанное в Штутгарте «Международное юношеское издательство» было перенято нами и расширено. Для детских групп в немецких странах издавался специальный детский журнал «Юный Товарищ». Кроме того, агитационным целям служила особая серия листовок, памфлетов и брошюр под названием «Листовки Интернационала Молодежи». Вообще, в первый год существования Коммунистического интернационала молодежи было усилено издание журналов и книг. Картину издательской деятельности Коммунистического интернационала молодежи в первый год его существования дает следующий перечень изданий:

- 1) Манифест Берлинского конгресса (как листовка и плакат на русском, голландском, литовском, еврейском и венгерском яз.)
- 2) Манифест, программа и устав Коммунистического интернационала молодежи (брошюра на немецком, фин-

ском, итальянском, русском, венгерском, английском, литовском и еврейском яз.)

3) Из протокола Берлинского конгресса, манифест, программа, устав, доклады делегатов (брошюра на шведском, норвежском, русском и французском яз.)

4) Под красным знаменем, протокол Берлинского конгресса (выпуск 8-й „Международной юношеской библиотеки“, на немецком и русском яз.)

5) Эдвин Гернле. Социалистическое воспитание молодежи и социалистическое юношеское движение (вып. 4-й „Международной юношеской библиотеки“, на немецком и румынском яз.)

6) Л. Шацкин и И. Лекэй. Задачи коммунистических организаций молодежи после завоевания власти (вып. 5-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком и русском яз.)

7) Евгений Левинэ (вып. 6-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком яз.)

8) Бронский. Год пролетарской диктатуры (вып. 9-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком яз.)

9) Юношеское движение в Литве и Белоруссии (вып. 9-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком и русском яз.)

10) Роза Люксембург. Письма из тюрьмы (вып. 10-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком, шведском, французском и итальянском яз.)

11) Отчет о первом заседании Бюро Коммунистического интернационала молодежи (вып. 11-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком яз.)

12) Политическое завещание Фридриха Энгельса из неопубликованных писем (вып. 12-й „Межд. юнош. б-ки“, на немецком яз.)

13) Вилли Мюнценберг. Социалистический интернационал молодежи (вып. 3-й „Межд. юнош. б-ки“, на финском и немецком яз.)

14) Вилли Мюнценберг. Социалистические организации молодежи до и во время войны (на немецком, русском и латвийском яз.)

15) Стройка. Собрание документов Коммунистического Интернационала молодежи, т. I (на немецком яз.)

16) Не уметь или не хотеть? Переписка Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи с Центральным комитетом союза социалистической молодежи Австрии (на немецком яз.)

17) Что такое и чего хочет Коммунистический интернационал молодежи, издание Венского секретариата (на немецком, шведском, венгерском, итальянском, румынском и польском яз.)

18) Отчет о первой конференции социалистических организаций молодежи юго-восточной Европы в Вене, 16/17 мая 1920 г.

19) Уничтожьте пограничные столбы (листовка № 1, на немецком два издания, шведском, французском, итальянском, румынском, венгерском и польском яз.)

20) Вилли Мюнценберг. Наша программа (листовка № 2, на немецком яз.)

21) Зиновьев. К рабочей и крестьянской молодежи (листовка № 3, на русском и немецком яз.)

22) Социалистическая пролетарская молодежь Германии и Коммунистический интернационал молодежи (листовка № 5, на немецком яз.)

23) Циглер. Чему учит нас русская рабочая молодежь? (листовка № 5, на немецком яз.)

24) Союз социалистической рабочей молодежи Австрии и Коммунистический интернационал молодежи (листовка № 6, на немецком яз.)

25) Год Коммунистического интернационала молодежи (на немецком яз.)

26) В. Дунаевский. Социалистическая реорганизация работы (листовка № 8, на русском и немецком яз.)

27) Вилли Мюнценберг. Второй конгресс Коммунистического интернационала и коммунистическое юношеское движение (листовка № 9, на немецком и русском яз.)

Интернационал Молодежи, от 1 до 22 номера I года и 4 номера II года на немецком яз.; от 14 до 22 номера I года и от 1 до 4 номера II года на немецком яз.; №№ 13—16 I года на шведском яз.; №№ 1—3 II года на итальянском яз.

Международная Юношеская Корреспонденция (№№ 1—34 на немецком яз.; №№ 28—34 на французском и №№ 32 и 33 на английском яз.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Интернационал Молодежи.

Немецкое издание, ежемесячно.

Русское

Шведское " четыре раза в год.

Итальянское " ежемесячно.

Международная Юношеская Корреспонденция.

Немецкое издание, три раза в месяц.

Французское " " " "

Английское издание, раз в месяц.

Юный Товарищ.

Журнал КИМ для детей рабочих, два раза в месяц.

ОРГАНЫ СОЮЗОВ

Болгария

„Правда Молодежи“, два раза в месяц.

Дания

Fremsad („Вперед“), два раза в месяц.

Германия

„Молодая Гвардия“, два раза в месяц (кроме того, ряд информационных листовок).

Англия

The Red Flag („Красное Знамя“), еженедельно.

The Red Dawn („Красный Рассвет“), ежемесячно.

Финляндия

Nuori Työläinen („Молодой Рабочий“), два раза в месяц.

Till stormen („В атаку“), на шведском яз., ежемесячно.

Socialistinen Aikakausi („Социалистическое Обозрение“).

Франция

L'Avantgarde ouvrier et communiste („Рабочий Коммунистический Авангард“), два раза в месяц.

Эльзас-Лотарингия

„Юный Революционер“, ежемесячно.

Голландия

De Jonge Communist („Юный Коммунист“), ежемесячно.

Италия

Avanguardia („Авангард“), еженедельно.

Юго-Славия

Сwena Zastawa („Красное Знамя“), два раза в месяц.

Латвия

Juni Spartak („Юный Спартак“), два раза в месяц.

Литва и Белоруссия

Jaunasis Komunistas (незаконно на литовском, русском и еврейском яз.)

Люксембург

„Новая Молодежь“, два раза в месяц.

Мексика

Tuventud Mundtal, два раза в месяц.

Норвегия

Klassekampen („Классовая Борьба“), еженедельно.

Австрия

„Коммунистическая Молодежь“, два раза в месяц.

Румыния

Tineretul Socialist („Социалистическая Молодежь“), два раза в месяц.

Россия

„Юный Коммунист“, два раза в месяц.

„Юный Пролетарий“, два раза в месяц (кроме того, 70 провинциальных газет и 90 страничек молодежи в общей прессе).

Швеция

Stortklockan („Набатный Колокол“), еженедельно.

Швейцария

Neue Jugend („Новая Молодежь“), два раза в месяц.

La Nouvelle Internationale („Новый Интернационал“).

Чехо-Словакия

„Юный Мир“, ежемесячно.

Ar Ijlu Garda („Молодая Гвардия“), на венгерском языке, два раза в месяц (кроме того, газета на словацком языке).

Соединенные Штаты Северной Америки

The Young International („Интернационал Молодежи“), два раза в месяц.

ОРГАНЫ ОРГАНИЗАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, ПРЕОБРАЗОВАННЫХ
В КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Бельгия

L'Ouvrière Communiste („Коммунистический Рабочий“), два раза в месяц.

Испания

El Comunista („Коммунист“), еженедельно.

ОРГАНЫ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ, СОЧУВСТВОВАВШИХ КИМ'у

Бельгия

„Социализм“, еженедельный орган левого крыла „Молодых гвардий“.

Польша

Głos młodzięzy socjalistycznej („Голос Социалистической Молодежи“), ежемесячно.

„Свободная Рабочая Молодежь“ (на еврейском языке).

ДЕТСКИЕ ГАЗЕТЫ

Болгария

„Маленький Товарищ“, ежемесячно.

Дания

Arbejdernes Børneblad („Газета Пролетарских Детей“), два раза в месяц.

Германия

„Пролетарскому Ребенку“, еженедельно.

Италия

Il Germoglio („Бутоны“), два раза в месяц.

Юго-Славия

„Будущность“, два раза в месяц.

Швеция

Barn tidningen („Детская Газета“), два раза в месяц.

Швейцария

„Молодые Восток“, ежемесячно.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ

На ряду с организацией, созданной в период самого усиленного террора против нас, мы руководили также подготовительными работами по созыву и проведению второго конгресса Коммунистического интернационала молодежи, который должен был состояться весной 1921 г. в Германии. Мы особенно гордились тем, что проведем смотр коммунистических организаций молодежи в твердыне социал-демократического предательства и террора Носке.

В это время начались бои в промышленной области центральной Германии. Раздраженные до крайности социал-демократическим правительством и полицейскими зверствами тысячи рабочих промышленной области Германии ответили всеобщей стачкой и вооруженной оборонительной борьбой. Политически наиболее развитые слои германского

рабочего класса готовились оказать поддержку рабочим центральной Германии, особенно после того, как имперское и прусское правительства перебросили туда значительные воинские части. На некоторое время пришлось прервать нашу текущую работу в Интернационале молодежи, чтобы всеми силами помочь коммунистической партии организовать выступление солидарности в самых широких размерах.

Я жил тогда в Лихтенберге под Берлином и каждый вечер вместе с Вилли Миленцом приходил в партийную организацию, где мы были готовы каждую минуту выступить. Я в первый раз держал в руке ружье, и Миленц старался научить меня важнейшим приемам.

Но рабочие промышленной области потерпели поражение, лозунг поддержки восстания возымел свое действие только в немногих местах, движение было разгромлено и усилен террор против коммунистической партии и революционного рабочего класса. В Центральной Германии было объявлено осадное положение, и свора шпионов рыскала по Берлину и всей стране в поисках участников и руководителей боев в центральной Германии.

В эти дни прибыли в Берлин первые делегаты на Международный конгресс. Было нелегко прибывших товарищей, в большинстве своем проехавших нелегально границу, разместить в надежных квартирах. Столь же трудно было переправить их в Иену, где должно было состояться открытие конгресса. Благодаря распорядительности нескольких берлинских товарищей, удалось доставить в Иену всех делегатов без всяких потерь. Но там уже на второй день были арестованы многие члены польской делегации. И только после наших энергичных протестов они были освобождены. Но благодаря этим арестам власти узнали о конгрессе, и мы решили перенести заседания в другое место. Мы заседали до 6 ч. вечера и тем временем делали все приготовления для того, чтобы различными путями переправить делегацию обратно в Берлин. На следующий день мы в 10 ч. утра в полном составе продолжали наше заседание в Берлине поблизости от главного полицейского управления, в доме учительского общества.

Хотя в Берлин прибыли крупные делегации, но все-таки многие важные делегации отсутствовали, в том числе все делегации от восточных стран и Коммунистического союза молодежи Советской России. По желанию российского Коммунистического союза молодежи, поддержанного Коммунистическим Интернационалом, и ввиду того, что с каждым днем все увеличивалась опасность провала конгресса, после трех дней работы было решено заседания прервать и про-

должить их в Москве, одновременно с третьим конгрессом Коммунистического Интернационала.

Третий конгресс Коммунистического Интернационала происходил летом 1921 г. в Москве. Он имел решающее значение в развитии коммунистических организаций из пропагандистских групп в революционные массовые партии. Коммунистический интернационал молодежи в первый раз был представлен значительной делегацией. Конгресс предоставил ей такое же число голосов, как и крупнейшим из представленных на конгрессе коммунистическим партиям. Делегация молодежи избрала меня своим представителем в президиум конгресса. Мы принимали живейшее участие во всех работах. Во всех комиссиях были представители делегации молодежи, и многие делегаты молодежи выступали с речами также на пленарных заседаниях конгресса.

Как ни заняты мы были на конгрессе, мы все-таки находили время для теснейшего общения с московской молодежью. На аэроплане Красной армии мы летали над Москвой и пришли в восторг от многочисленных сверкающих башен и бесконечной шири, расстилавшейся под нами. Мы побывали на Воробьевых горах, а вечером с веселыми песнями катались по Москве-реке. В Большом театре мы наслаждались чудесным исполнением Шаляпиным народных песен.

Тогда же начался второй конгресс Коммунистического интернационала молодежи, подготовленный на страницах «Интернационала Молодежи» оживленной дискуссией по тактическим вопросам. В центре работ конгресса стоял вопрос о роли молодежи в революционном движении и о непосредственных задачах Коммунистического интернационала молодежи.

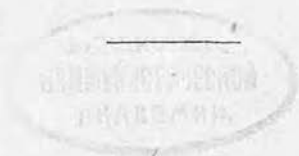
На конгрессе резко столкнулись между собой различные мнения. И казалось, что по отдельным вопросам не будет достигнуто соглашение. Тогда вмешался Ленин, и благодаря его влиянию удалось достигнуть единства политических решений и единогласно избранного руководства.

Через несколько дней после конгресса молодежи Ленин вызвал меня к себе и сообщил мне об угрожающем и в некоторых местах уже наступившем голоде на Волге и Украине. В результате длившейся много месяцев засухи урожай погиб, и миллионы крестьян и их семейств остались ни с чем. Ленин объяснил, что на серьезную помощь со стороны капиталистических государств не приходится рассчитывать, и что кроме собственной помощи, которая уже подготавливается в самых широких размерах, реальную помощь можно ожидать только от международного пролетариата. Его план заключается в том, чтобы предложить Исполкому

Коммунистического Интернационала немедленно начать международную кампанию помощи, а мне поручить организацию этого выступления. Он спросил меня, готов ли я взять на себя выполнение этого поручения. Я, конечно, с восторгом согласился.

Согласно предложению Ленина так и было сделано. Я получил мандат Коммунистического интернационала молодежи и полномочия от Всероссийского центрального комитета помощи, возглавлявшегося Каменевым, и кратчайшим путем поехал в Западную Европу. Взяв на себя эту новую задачу, я, если не формально, то фактически выбыл из состава Исполкома Коммунистического интернационала молодежи и из пролетарского юношеского движения, в котором я активно участвовал в продолжение пятнадцати лет, от 1906 до 1921 г.

Предстояло выполнить более срочную работу, в процессе которой я мог помочь создать новую организацию, ставшую теперь одной из самых активных международных рабочих организаций,— а именно Межрабпом.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

От издательства	3
1. Кружок „Пропаганда“	7
2. Первые шаги	12
3. Ученичество	14
4. Полиция заинтересовывается нами	15
5. Чиновники от соглашения	17
6. Съезд 1908 года	21
7. Партийный нажим	23
8. Демонстрация в Эрфурте	28
9. Пешком во Францию	30
10. Приезд в Цюрих	34
11. Я вступаю в ряды швейцарского юношеского движения	36
12. Я знакомлюсь с итальянской юношеской организацией	45
13. Первый период социалистической организации молодежи	48
14. Соглашение со старшими	58
15. Расширение наших задач	60
16. Цюрихская всеобщая стачка	64
17. Редактор „Свободной Молодежи“	66
18. Международный конгресс 1912 г. в Базеле	69
19. В Интернационале молодежи	71
20. Мы занимаемся литературой	73
21. Мы создаем секретариат молодежи	76
22. Международный юношеский день в 1914 г. в Штутгарте	80
23. В начале войны	84
24. Наше отношение к войне	86
25. Бернская конференция	92
26. Цюрихская демонстрация на тронцу	102
27. Швейцария во время мировой войны	104
28. Политическое развитие швейцарского юношеского движения во время войны	108
29. Организационное развитие юношеского движения	111
30. Кровавое 1 августа 1916 г. в Цюрихе	116
31. Газета и издательство	118
32. Интернационал молодежи после Бернской конференции	120
33. Активный Интернационал молодежи	124
34. Выступления	128
35. Наша работа в Швейцарии и Циммервальдская левая	133
36. Кингальская конференция	136
37. Разрыв с Гриммом	139
38. Ленин и мы	140
39. Проезд Ленина через Германию в 1917 г.	146
40. Отголосок русской революции в Швейцарии	150

41. 17 ноября в Цюрихе	153
42. Моя высылка из Швейцарии	155
43. В Вицвильской каторжной тюрьме	158
44. В Цюрихе, но в тюрьме	159
45. Отправка в Германию	161
46. Секретариат молодежи в штутгартском королевском ландтаге	162
47. Снова в Берлине	165
48. Девятое января в Штутгарте	166
49. Нас арестовали	169
50. Снова на свободе	171
51. Основание Коммунистического интернационала молодежи	174
52. Мы завоевываем новые союзы	181
53. Поездка с приключениями	183
54. Моя первая поездка в Москву	189
55. Год Коммунистического интернационала молодежи	195
56. Второй конгресс Коммунистического интернационала молодежи	203
